

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 1 (67), № 2

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки»
является историческим правопреемником журнала «Ученые записки
Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2015

Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, протокол № 17 от 4 декабря 2015 г.

Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Исторические науки»:

1. **Непомнящий Андрей Анатольевич** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского – главный редактор.
2. **Манаев Александр Юрьевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского; заместитель декана исторического факультета по научной работе – ответственный секретарь.
3. **Герцен Александр Германович** – кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, заведующий кафедрой древнего мира и средних веков.
4. **Ишин Андрей Вячеславович** – доктор исторических наук, доцент, кафедры истории России Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
5. **Латышева Елена Владимировна** – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой документоведения и архивоведения Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
6. **Науменко Валерий Евгеньевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
7. **Петрова Элеонора Борисовна** – доктор исторических наук, профессор кафедры древнего мира и средних веков Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
8. **Платонова Надежда Игоревна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург).
9. **Романько Олег Валентинович** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
10. **Тихонов Игорь Владимирович** – доктор исторических наук, заведующий музеем истории Санкт-Петербургского университета (г. Санкт-Петербург).
11. **Тункина Ирина Владимировна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, директор Петербургского филиала Архива Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).
12. **Филимонов Сергей Борисович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
13. **Храпунов Игорь Николаевич** – доктор исторических наук, профессор кафедры древнего мира и средних веков Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
14. **Щевелев Сергей Стефанович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

Подписано в печать 07.12.2015. Формат 70x100 1/16
8,13 усл. п. л. Заказ № 11.

Отпечатано в издательском отделе КФУ имени В. И. Вернадского
295007, г. Симферополь, пр. академика Вернадского, 4

<http://sn-histor.cfuv.ru>

УДК: 902.2/902.3

**НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ТОПОГРАФИИ МАНГУПСКОГО ГОРОДИЩА И ЕГО ОКРУГИ
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2015 Г.)¹**

**Герцен А.Г., Науменко В.Е., Душенко А.А., Корзюк Д.В.,
Лавров В.В., Смекалова Т.Н., Шведчикова Т.Ю., Чудин А.В.**

**ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»;
НИЦ Истории и археологии Крыма ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского»; Институт археологии Крыма РАН,
Симферополь, Российская Федерация;
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: gertsenag@yandex.ru; byzance@rambler.ru; tnu.dushenko@mail.ru; arhi-arhi@mail.ru;
lavrov@bikz.org; tnsmek@mail.ru; tashved@gmail.com; andrei.chudin@gmail.com**

Статья посвящена предварительным результатам междисциплинарных археологических исследований Мангупского городища в 2015 г. Традиционным объектом раскопок являлся дворец правителей княжества Феодоро (1425–1475 гг.). В рамках проекта «Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв. н. э.)» начаты исследования церкви Св. Георгия (XIV–XVI вв.). Еще один новый проект экспедиции – «Историческая топография «страны Дори» в Юго-Западном Крыму. Комплексные археолого-геофизические исследования». Он призван активизировать археологическое изучение округа Мангупа. В этом году в ходе него проводились раскопки «базилики Маркевича» (IX–X вв.) и гончарного центра Суаткан в Адым-Чокракской долине к югу от Мангупа. Наиболее отдаленным объектом исследований стала ранневизантийская крепость Сиваг-Кермен в среднем течении реки Бельбек (VI в.).

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, Таврика, Мангуп, страна Дори, Дорос, княжество Феодоро, Адым-Чокракская долина, дворец, храм Св. Георгия, базилика Маркевича, Суаткан, гончарный центр, Сиваг-Кермен

Мангупское городище является крупнейшей средневековой крепостью из группы так называемых «пещерных городов» Юго-Западного Крыма. Оно расположено на вершине изолированного плато высотой около 600 м над уровнем моря и общей площадью около 90 га, которое со всех сторон ограничено вертикальными скальными обрывами глубиной от 30 до 70 м. С севера Мангупское плато прорезано тремя глубокими ущельями (Капу-дере, Гамам-дере, Табана-дере) с далеко выступающими четырьмя мысами (Тешкли-бурун, Елли-бурун, Чуфут-Чеарган-бурун, Чамну-бурун). Только по дорогам и тропам, проложенным по дну ущелий, можно подняться на поверхность городища. В верховьях балок расположены мощные источники воды. Наличие последних, наряду с обширными размерами плато и высокой степенью его природной защищенности, являлось главными причинами использования памятника населением данного района Крымских предгорий на протяжении всего периода средневековья (Рис. 1).

¹ Исследования проводились при финансовой поддержке грантов РГНФ «Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв. н.э.)» (проект №15-31-10159) и РФФИ «Историческая топография “страны Дори” в Юго-Западном Крыму. Комплексные археолого-геофизические исследования» (проект №15-06-04670).

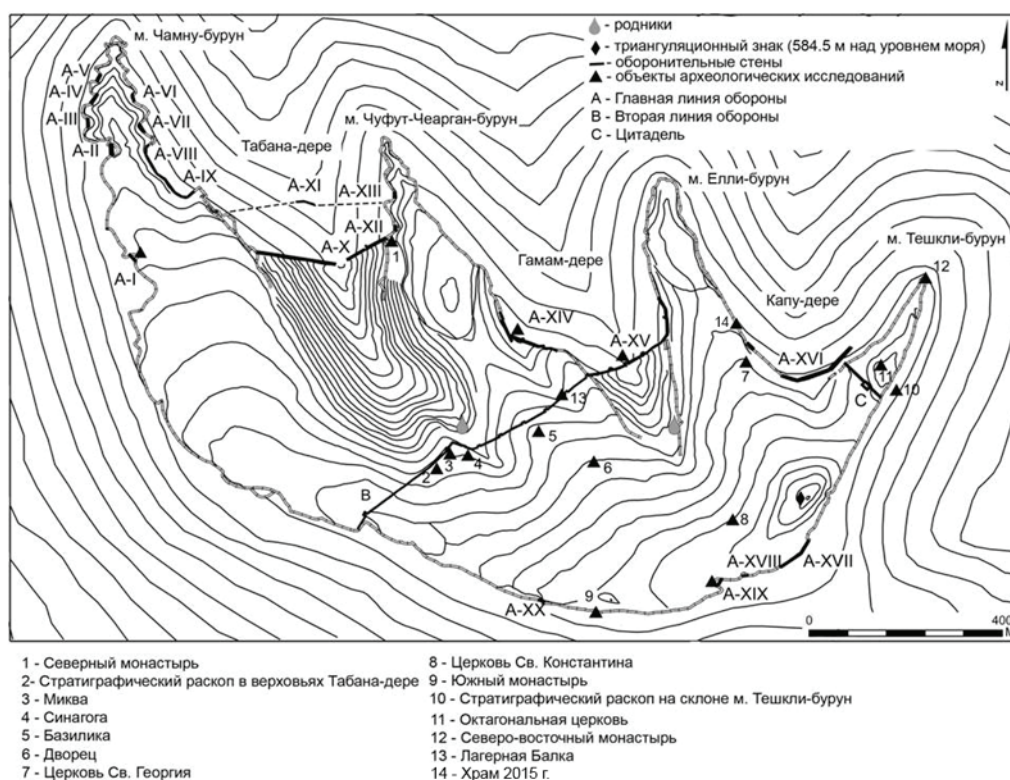

Рис. 1. План Мангупского городища с указанием основных объектов археологических исследований

Археологические исследования Мангупа были начаты еще в середине XIX в. небольшими раскопками графа А.С. Уварова в центральной части городища [1]. В дальнейшем они периодически возобновлялись работами Ф.А. Брауна в 1890 г. [2], Р.Х. Лепера в 1912–1914 гг. [3], совместной экспедиции ИИМК АН СССР и Севастопольского музейного объединения в 1938 г. [4]. Однако только с 1967 г., с момента создания Мангупской археологической экспедиции Симферопольского педагогического института (ныне Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского; далее – КФУ), изучение городища приобрело систематический характер, направленный на решение трех наиболее важных задач [5]. Во-первых, исследование наиболее крупных архитектурно-археологических комплексов Мангупа (Цитадели на м. Тешкли-бурун, Большой трехнефной базилики, Дворца, храмов Св. Константина и Св. Георгия в центральной части городища, Синагоги в верховьях балки Табана-дере), раскопки которых были начаты нашими предшественниками еще в конце XIX – начале XX вв. и остались по разным причинам незавершенными. Во-вторых, охранно-археологическое изучение раннесредневековых могильников, отдельных храмовых и производственных комплексов в округе памятника. В-третьих, зондирование отдельных элементов Мангупской крепости, ук-

реплений Главной (Внешней) линии обороны и поселений в верховьях балок с целью получения сведений об их планиграфии, стратиграфии и хронологии [6].

С 90-х гг. XX в. раскопки Мангупа ведутся на широкой площади и сопровождаются достаточно оперативным введением в научный оборот полных результатов исследований крупных археологических объектов [7] либо отдельных групп полученного вещественного материала, важных с точки зрения хронологии, этнокультурной атрибуции социально-экономической истории памятника [8].

последних десятилетий позволили объяснить, пожалуй, одну из главных проблем археологического изучения Мангупа, впрочем, характерную практически для всех «пещерных городов» Юго-Западного Крыма. Речь идет о плохой сохранности и небольшой мощности культурного слоя на значительной площади памятника. Эта особенность стратиграфической ситуации связана с целым комплексом природно-географических и антропогенных факторов: скальной «дневной поверхностью» на большей части крепостного полигона; обширным характером Мангупского плато, позволявшим его обитателям обживать в разное время новые территории, не возводя постройки на месте руин более ранней застройки; строительной активностью на городище в период княжества Феодоро (XIV–XV вв.), приведшей к фактическому уничтожению более ранних культурных напластований [9]. Тем не менее полученный в ходе исследований массив материальных источников, вместе с современной степенью изученности Мангупа, позволяет довольно уверенно выделить основные этапы его истории и составить ясные представления о стратиграфии и исторической топографии памятника в отдельные периоды существования.

Современная периодизация Мангупского городища, основанная на результатах многолетних археологических исследований памятника, с учетом его редких упоминаний в письменных источниках и немногочисленных данных эпиграфики, систематизированных в свое время А.А. Васильевым и Н.В. Малицким [10], включает шесть основных этапов: докрепостной (позднеримский, конца III – середины VI в.), ранневизантийский (середины VI – конца VIII вв.), хазарский (конца VIII – середины IX вв.), фемный (середины IX – середины XI вв.), феодоритский (XIV в. – 1475 г.) и османский (1475–1792 гг.). Все они достаточно полно представлены в общей стратиграфии городища либо рядом отдельных показательных комплексов или архитектурно-археологических объектов [11].

Раскопки Мангупа в этом полевом сезоне лишь на первый взгляд являлись просто продолжением отмеченной выше общей программы многолетних систематических исследований памятника. В действительности они имели две важные особенности. Во-первых, отличались от прошлых лет своей масштабностью. Общая площадь участков исследований на различных археологических объектах городища и его окружи составила порядка 900 кв. м. Во-вторых, в сравнении с прежними сезонами в составе экспедиции значительно увеличилось количество специалистов из различных научно-исследовательских центров России. Помимо штатных сотрудников экспедиции в раскопках приняли участие антропологи и специалисты в области ГИС-технологий Института археологии РАН (руководители группы – Т.Ю. Шведчикова), археозоологии Института зоологии НАНУ (Е. Яниш) и геофизики Санкт-Петербургского университета (Т.Н. Смекалова и А.В. Чудин). Их присутствие, без-

условно, обеспечило более качественный и, самое главное, междисциплинарный характер изучения памятника.

Все это стало возможным благодаря двум новым проектам Мангупской экспедиции, поддержанным финансово ведущими российскими научными фондами. Прежде всего, речь идет о проекте *«Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв. н.э.)»* (грант РГНФ, проект №15-31-10159), предполагающим систематизацию, всесторонний анализ и издание антропологических коллекций за многие годы исследований городища, в том числе происходящих из раскопок Большой трехнефной базилики (1975–2004 гг.), церкви Св. Константина (1993–2001 гг.) и ряда раннесредневековых могильников в округе Мангупа: в балке Алмалык-дере (1996–2013 гг.), Адым-Чокрак (1995–1999 гг.), Южный I и Южный II (1996–1997 гг.), до сих пор практически не введенных в научный оборот [12]. Одновременно с обработкой фондового материала из музеев Симферополя и Бахчисарая в рамках проекта предполагается дополнительно проведение раскопок на площади некрополей в балке Алмалык-дере и вокруг церкви Св. Георгия на Мангупе с целью не столько получения нового антропологического материала, сколько совершенствования методики его фиксации в поле и комплексного изучения в дальнейшем в лабораторных условиях. Выбор этих объектов для археологических исследований не случаен. Алмалыкский могильник (второй половины IV–VII вв.) широко известен за пределами Крыма как один из эталонных некрополей эпохи «Великого переселения народов» в этой части Европы [13]. Церковь св. Георгия, как и еще один однотипный ей храм Св. Константина на территории Мангупского плато, является потенциально, на наш взгляд, одним из лучших архитектурно-археологических комплексов для изучения погребального обряда и социальной организации христианских общин Юго-Западного Крыма в поздневизантийское и раннеосманское время. Безусловно, антропологические исследования в процессе этих работ имеют важнейшее значение.

Другой проект – *«Историческая топография “страны Дори” в Юго-Западном Крыму. Комплексные археолого-геофизические исследования»* (грант РФФИ, проект №15-06-04670) – призван активизировать изучение округа Мангупского городища с целью уточнения ее археологической карты. Особенностью проекта является широкое применение естественно-научных методов, особенно данных магниторазведки, в ходе раскопок известных уже археологических объектов и пешеходных разведок местности. Высокую эффективность такой методики показали работы на южной периферии Мангупа, в Адым-Чокракской долине, которые проводились в течение 2010–2013 гг. [14].

Перейдем непосредственно к основным результатам исследований 2015 г. Они были сосредоточены на площади пяти объектов. На территории Мангупского плато были продолжены раскопки дворца правителей княжества Феодоро, которые планомерно ведутся с 2006 г. Одновременно, как уже говорилось, начато изучение церкви Св. Георгия и ее некрополя в верховьях мыса Елли-бурун. В ближайшей округе городища исследованиями были охвачены ряд памятников Адым-Чокракской долины: так называемая «базилика Маркевича» и гончарный центр в урочище Суат-

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ
МАНГУПСКОГО ГОРОДИЩА И ЕГО ОКРУГИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ...

кан (Рис. 2). Наконец, еще одним новым археологическим объектом экспедиции стало средневековое укрепление Сиваг-Кермен в районе с. Верхнесадового Нахимовского района г. Севастополя (Рис. 3).

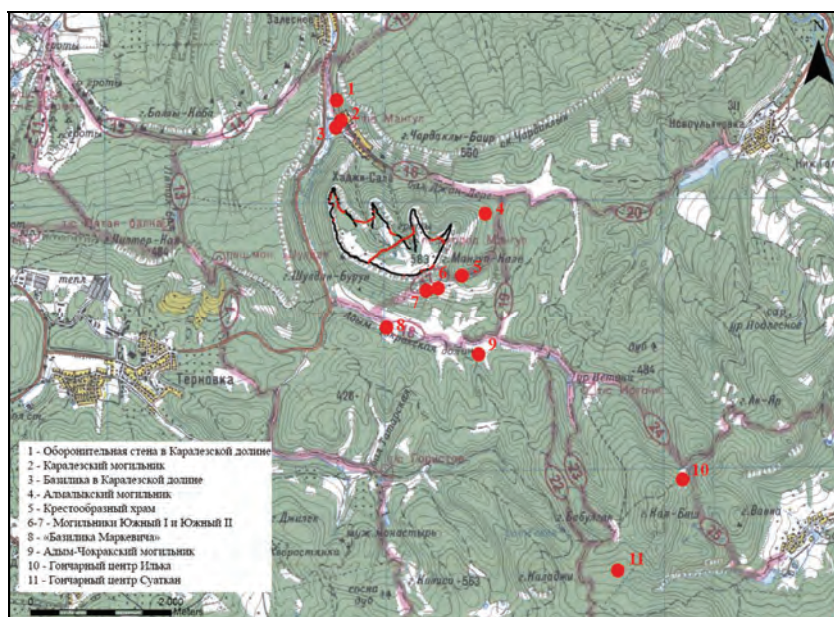

Рис. 2. Археологические памятники ближайшей округи Мангупского городища

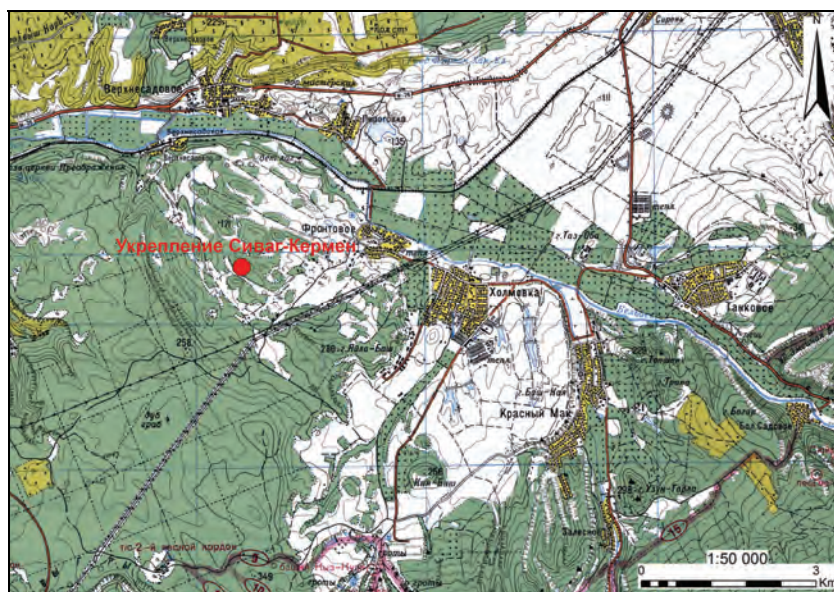

Рис. 3. Топографический план округи раннесредневекового укрепления Сиваг-Кермен.

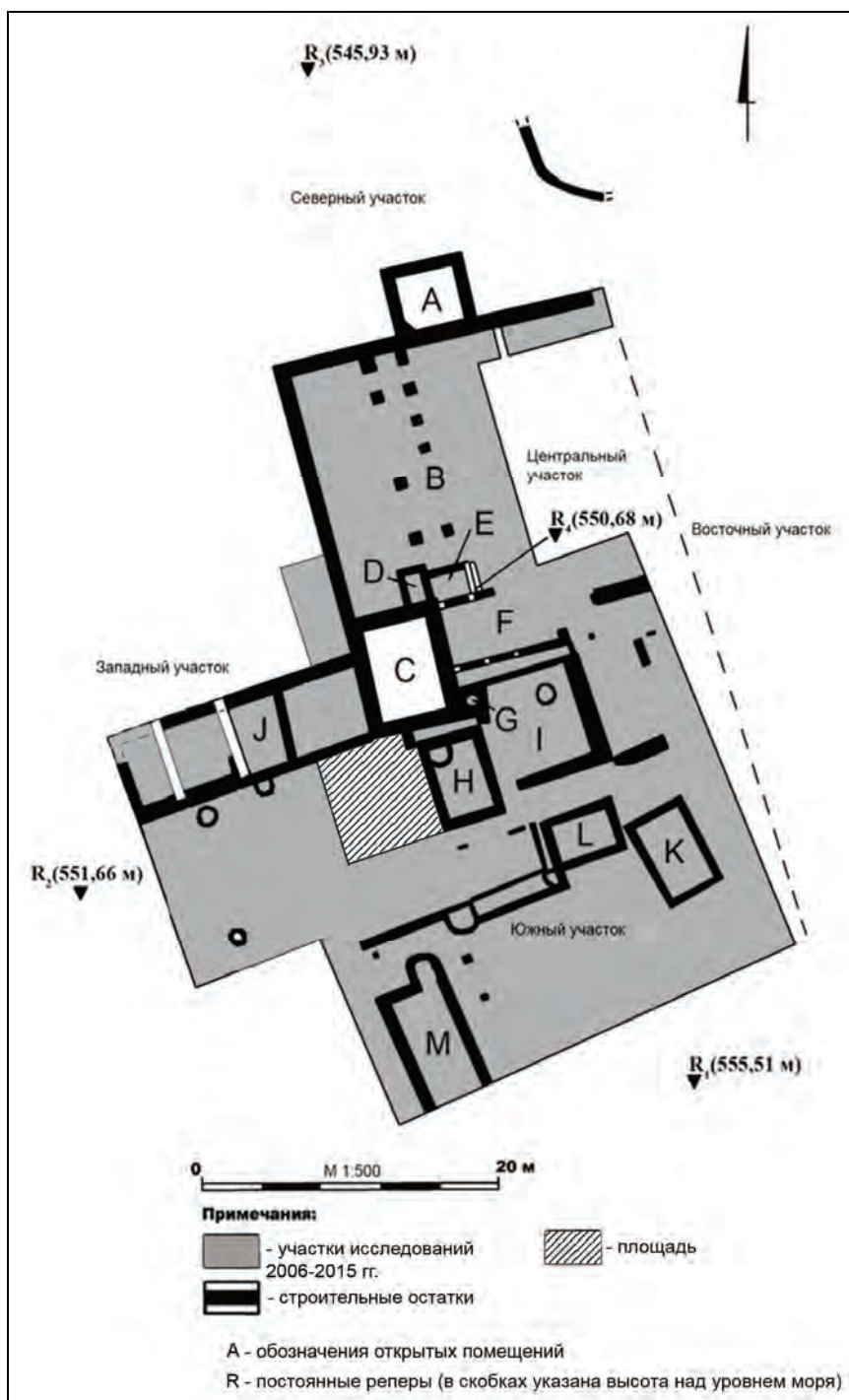

Рис. 4. Дворец. Общий план участков исследований 2006-2015 гг.

Дворец правителей княжества Феодоро (Рис. 4). Первые его раскопки провел в 1912–1914 гг. Р.Х. Лепер, затем небольшие работы на памятнике осуществлялись А.Л. Якобсоном в 1938 г., Е.Г. Суоровым в 1968 г. и Е.В. Веймарном в 1974 г. К сожалению, результаты этих исследований слабо введены в научный оборот [15]. Практически не издан массовый археологический материал¹. Лишь отдельные группы находок (эпиграфика, глазурированная керамика, в том числе с монограммами из коллекции Государственного Эрмитажа) стали позднее предметом специальных исследований [17]. Тем не менее эти раскопки не только привлекли внимание к уникальному археологическому объекту Крымских предгорий, но и позволили установить его объективную дату – в пределах 1425–1475 гг., предположить, что дворцу топографически предшествовал какой-то крупный общественный комплекс либо группа усадеб, а также получить материальную источниковую базу для длительной дискуссии о композиционно-художественном решении комплекса. В рамках этой дискуссии были выдвинуты две гипотезы об асимметричности плана дворца, северную и юго-восточную границы которого определяли трехэтажная башня (помещение А) и двухэтажный парадно-жилой комплекс (помещение С) (А.Л. Якобсон), либо о его симметричной планировке, полностью ограниченной на местности крепостными стенами (Е.Г. Суоров). Несмотря на незавершенность раскопок памятника, его границы представлялись исследователям вполне понятными и поддающимися реконструкции.

В 2006 г. раскопки дворца были возобновлены и сразу приобрели планомерный характер. За последние годы культурный слой дворцового времени изучен на площади почти 1,5 тыс. кв. м, что составляет, по нашим прогнозам, около половины от общих размеров памятника. Полностью завершены раскопки девяти архитектурных комплексов дворцового ансамбля, работы на которых были начаты нашими предшественниками – оборонительной северной башни (помещение А), основного здания (помещение С) с прилегающими постройками (помещения Д, Е, G, Н и I) и двумя галереями (помещения В и F). Однако главным результатом новейшего этапа исследований дворца является все-таки открытие новых архитектурно-археологическим объектов, составлявших единое целое с ним – так называемой «южной улицы», на наш взгляд, топографической границы памятника в этом направлении, жилых построек, примыкающих к ней (помещения К, L, M) и, конечно, помещения J, наличие которого не только значительно расширяет размеры дворца к западу от участков исследований 1912–1914, 1938, 1968 и 1974 гг., но и указывает на необходимость, вероятно, отказаться от имеющихся на сегодня реконструкций его планировки, предложенных А.Л. Якобсоном и Е.Г. Суоровым.

Основными объектами раскопок дворца в 2015 г. стали «помещение J», наиболее западное сегодня сооружение в пределах дворцового комплекса, и «дворцовая площадь», примыкающая к нему с юга (Рис. 5). Общая площадь исследований составила около 350 кв. м, мощность культурных напластований – порядка 1,50 м.

¹ За исключением материалов из раскопок 1938 г. (А.Л. Якобсон), хотя и они представлены в публикации избирательно. В целом об истории археологического изучения дворца подробнее см. [16].

Рис. 5. «Дворцовая площадь» к югу от помещения J. Общий вид с северо-востока. Фото.

Помещение J, как показали раскопки этого года, представляет собой трехкамерную постройку прямоугольной формы общими размерами 19,60 x 7,30–7,60 м. Его стены сложены из бутовых камней среднего размера с лицевой подтеской, с использованием хорошо обработанных блоков в углах сооружения, на известковом растворе, в технике трехслойной двупанцирной с забутовкой кладки. Их ширина в пределах 0,80–1,00 м, за исключением западной стены (до 1,20 м).

Работы этого года приостановлены на уровне земляного «пола» помещения, имеющего местами два ряда известковой обмазки. Уточнена дата его гибели, очевидно, связанная с событиями турецкой осады Мангупа в 1475 г. До полного исследования постройки оставляем открытым вопрос времени ее строительства, тем более, что в процессе финальной зачистки открыты хозяйственные комплексы, связанные с ремонтами памятника. В любом случае эта дата не выходит за пределы общей хронологии дворца, то есть периода 1425–1475 гг. Безусловным успехом работ 2015 г. является открытие хорошо выраженного горизонта времени функционирования дворца к северу от помещения J, где поверхность слоя 1425–1475 гг. отмечена обилием створок раковин устриц (Рис. 6).

«**Дворцовая площадь**» открыта к югу от помещения J [18]. Ее контуры ограничены стенами помещений С, Н, J и трассой «южной дворцовой улицы». В ходе раскопок выявлен лишь восточный участок площади общими размерами 9,20 x 9,70 м. В западном направлении вымостка была полностью разобрана, вероятно, в «турецкий» период истории Мангупа. По структуре представляет собой участок «днев-

ной поверхности» времени функционирования дворца, вымощенный массивными известняковыми и мергелевыми плитами с максимально реконструируемыми размерами 1,00 x 1,00 м и 1,20 x 0,80 м. Часть плит сильно разрушена. На отдельных участках сохранилась лишь субструкция под вымостку – прослойка известкового раствора с плотной забивкой из мелкого камня, под которой фиксируется поверхность «слоя функционирования» дворца. Исходя из стратиграфических наблюдений и хронологии датирующих находок, время функционирования площади укладывается в пределах позднего периода истории дворца (около 1454–1475 гг. или 1462–1475 гг.).

Рис. 6. Дворец. Поверхность культурного горизонта 1425–1475 гг.
к северу от помещения J. Вид с северо-запада. Фото

Благодаря полному доследованию участка «дворцовой площади» в 2015 г. впервые в истории изучения дворца удалось выявить отдельные презентабельные комплексы додворцового времени в этой части Мангупского плато. Среди них особо отметим засыпь скального сооружения X в., перекрытого стеной помещения дворцового периода (Рис. 7),¹ и заполнения нескольких хозяйственных ям с находками XIV в., в том числе чашами из золотоордынского псевдо-саладона и византий-

¹ Сооружение открыто на площади 2,30 x 2,90 м, мощность засыпи – до 0,30 м. Засыпь датируется фрагментами высокогорных кувшинов с широкими плоскими ручками, фляг, «причерноморских» амфор, украшенных мелким зональным рифлением в верхней части корпуса и с желобчатой поверхностью [19].

ских глазурованных мисок с монограммой «Димитрий» либо с орнаментом, сочетающим технику «шамплеве» и «сграффито» (группа «Elaborate Incised Ware»).

Рис. 7. Дворец. Скальное сооружение, перекрытое западной стеной помещения Н. Общий вид нивелировочной засыпки с северо-востока. Фото

Из уникальных находок этого сезона отметим фрагмент глазурованной чаши местного производства с остатками 3-строчной монограммы с именем одного из последних правителей княжества Феодоро князя Исаака (1466–1475) (ΝΣΑΑΚ Αθω... Τ...), коллекцию свинцовых пломб (6 экз.) и обширное нумизматическое собрание (более 120 экз.), охватывающее весь период истории городища, от III до XVIII вв.

Храм Святого Георгия расположен в верховьях м. Елли-бурун, непосредственно у крутого поворота грунтовой дороги из Капу-дере на территорию городища. Он известен в отдельных позднесредневековых источниках. В частности, турецкий путешественник Эвлия Челеби, посетивший Мангуп в 1666–1667 гг., упомянул заброшенный христианский храм на оконечности Мангупского плато, внутри которого еще сохранялась *insitu* плита с рельефным изображением Св. Георгия [20]. Нижняя часть барельефа была обнаружена во время небольших раскопок памятника в 1912 г. Р.Х. Лепером, что дало основание отождествить его с церковью Св. Георгия Эвлия Челеби [21]. К сожалению, материалы этих исследований практически не введены в научный оборот и сейчас, вероятно, уже не сохранились. Из кратких отчетов Р.Х. Лепера и наших наблюдений в процессе раскопок ясно лишь, что в результате работ 1912 г. внутри храма были выбраны культурный слой до уровня «по-

ла» и заполнение гробницы в его юго-западном углу. Снаружи, на площади узкой траншеи, открыт внешний контур церкви и зачищена скальная гробница-костница в виде склепа до уровня погребений. С учетом этой скудной информации в 2015 г. Мангупская экспедиция обратилась к исследованию памятника в рамках уже отмеченного проекта РГНФ.

Рис. 8. Храм Св. Георгия. Общий вид участка исследований в 2015 г. Аэрофото

Храм Св. Георгия представляет собой однефную церковь с апсидой, общими размерами 9,60 x 6,00 м (Рис. 8). Ориентирован строго по оси запад – восток. Стоит из прямоугольного наоса (6,30 x 4,40 м) и алтарной части (2,40 x 1,60 м). Внутри храма следов алтарной преграды и престола пока не обнаружено. Вход с западной стороны. В юго-западном и юго-восточном углах церкви к ее стенам примыкает каменная однорядная обкладка двух гробниц общими размерами 2,00–2,10 x 0,70 м. Одна из них (юго-западная), очевидно, была выбрана в 1912 г., вторую удалось доследовать в этом году. В ней открыто одиночное безынвентарное захоронение *in situ* – вытянутое труположение на спине со скрещенными на груди руками. Стены храма (ширина 0,80 м, в апсиде до 1,00 м) сложены из бутового крупного и среднего размеров камня с грубой лицевой подтеской, на известковом растворе, в технике трехслойной двупанцирной с забутовкой кладки. Хорошо обработанные прямоугольные блоки использованы в нижних рядах стен, в углах постройки и при сооружении внешнего лицевого панциря апсиды. Церковь оштукатурена изнутри и снаружи. Очевидно, она имела богатую фресковую роспись изнутри, о чем свидетельствуют многочисленные фрагменты фресок из слоя разрушения памятника. Во-

круг храма, на двух террасах, располагается христианский некрополь, состоящий из вырубленных в скале гробниц прямоугольной формы, перекрытых известняковыми плитами¹. Некоторые гробницы напоминают по форме склепы.

Работы 2015 г. велись на трех участках исследования. Прежде всего, внутри храма, где полностью выбраны слои «отвалов 1912 г.» и более позднего разрушения памятника. Раскопки приостановлены на уровне его дневной поверхности. Удалось выявить два уровня «пола» церкви с известковой обмазкой, что свидетельствует о нескольких строительных периодах в ее истории, в пределах конца XIV – начала XVI вв. Из отдельных находок отметим фрагмент бронзового энколпиона XIII–XIV вв. и разнообразную коллекцию нательных медных и железных крестов. Другим участком работ этого года стал прихрамовый некрополь, где на территории двух квадратов общей площадью 80 кв. м зачищены контуры девяти скальных гробниц указанных типов.

Рис. 9. Христианский некрополь к западу от храма Св. Георгия. Раскоп 2015 г. Аэрофото

Еще одним объектом исследований в этом районе Мангупского плато стал **христианский некрополь в 100 м к западу от храма Св. Георгия** (Рис. 9). К началу работ здесь оказались потревоженные грабителями две скальные гробницы, с кото-

¹ Длина гробниц – от 1,60 до 2,20 м, ширина – в пределах 0,60–1,20 м.

рых были сняты плиты перекрытия. Включение данного объекта в программу раскопок экспедиции полностью себя оправдало. В пределах раскопа общей площадью 30 кв. м полностью исследованы три из четырех открытых скальных гробниц, а также зачищена база круглой в сечении известняковой колонны, сохранившаяся *in situ*. Последняя, очевидно, свидетельствует об еще одном храмовом комплексе в этом районе Мангупского плато, получившего условное название «церкви 2015 г.».

Раскопанные погребальные комплексы представляют собой вырубленные в скале гробницы-костницы прямоугольной формы со скругленными углами, с заплечиками шириной до 0,10 м для укладки известняковых плит перекрытия. Две гробницы, расположенные за пределами храма (размерами 1,80 x 0,90–1,00 м), имеют колоколовидный профиль и значительную глубину (до 1,50 м). В процессе выборки их заполнения зафиксированы три уровня захоронений, разделенные грунтовыми «санитарными» прослойками мощностью до 0,10 м. Горизонты «погребений» состоят из целенаправленно плотно уложенных костей нижних и верхних частей человеческого скелета. Гробница внутри храма имеет иные размеры (2,30 x 0,80 м) и глубину (до 0,40 м). Тем не менее ее заполнение также состоит из трех ярусов захоронений. Отметим погребение второго яруса, зачищенное в полном анатомическом порядке (вытянутое труположение на спине с согнутыми в локтях костями рук), и находку иконки с натуралистичным поясным изображением евангелиста (Св. Иоанна?)¹, вырезанным на костяной пластине, из третьего уровня захоронений.

Так называемая «*базилика Маркевича*» расположена на правом берегу высокого русла р. Кара-Ильяз в Адым-Чокракской долине. Памятник впервые описан А.И. Маркевичем в 1889 г., когда он активно разбирался на строительный материал жителями окрестных деревень. Им же была предложена предварительная базиликальная реконструкция храмового комплекса с двумя рядами колонн и полом, мощенным известняковыми плитами, и его датировка в пределах первой половины XV в. [22]. В дальнейшем лишь однажды эта заметка привлекла внимание специалистов. А.Л. Якобсон при публикации археологической карты памятников Каралезской и Шульской долин Крымских предгорий указал на наличие в Урауз-дере трехнефной базилики, но датировал ее временем не позднее VII–VIII вв. [23]. Только в 2013 г. точное местонахождение памятника удалось установить в ходе археологических и геофизических разведок местности. Тогда же были начаты его раскопки [24].

В этом сезоне общая площадь исследований составила уже 200 кв. м. В результате работ было окончательно установлено, что храмовый комплекс имеет, очевидно, базиликальную планировку, выявленную пока на площади 11,20 x 15,40 м. Фрагментарно прослежены контуры трех нефов и двух апсид (Рис. 10). В центральном нефе открыта *in situ* база колонны, вырубленная из цельного блока известняка (Рис. 11). На отдельных участках сохранились участки не потревоженной в конце XIX в. плитовой вымостки церкви. Стены базилики сложены из крупного и среднего размеров бутового камня, с использованием хорошо обработанных блоков в углах постройки, на известковом растворе, в технике трехслойной двупанцирной с забутовкой кладки. Их ширина – до 0,70 м. Снаружи и внутри храм оштукатурен.

¹ Справа от изображения сохранились две греческие буквы – Ιω[αννης?].

Рис. 10. «Базилика Маркевича». Фрагменты апсид. Вид с запада. Фото

Рис. 11. «Базилика Маркевича». База колонны in situ в центральном нефе. Фото

Общая хронология памятника укладывается в пределы IX–X вв., что превращает его в уникальный объект церковной археологии в ближайшей округе Мангупского городища. Раскопки базилики требуют обязательного продолжения с целью установления ее полных контуров и композиционного решения.

Гончарный центр в урочище Суаткан. Расположен на берегах одноименного ручья в глубокой балке между горами Каладжи, Бабулган и Кая-Баш, примерно в 8 км к югу от Мангупа. Исследования 2015 г. в целом завершили многолетнюю программу (с 2010 г.) комплексного археологического и геофизического изучения данного участка округа Мангупского городища с целью составления карты выявленных здесь еще в начале 90-х гг. XX в. археологических памятников [25].

Главным итогом работ этого года в урочище Суаткан стала уточненная магнитная карта двух найденных здесь еще в 2010 г. гончарных центров по производству средневековой строительной керамики: так называемого «Нижнего Суаткана» и «Верхнего Суаткана», расположенных на расстоянии примерно 500 м друг от друга. На площади «Нижнего Суаткана» выявлены магнитные аномалии, предположительно, от четырех гончарных печей. Итоговая магнитная карта «Верхнего Суаткана» содержит 14 подобных аномалий, зафиксированных на участке 65,0 x 40,0 м (Рис. 12). Следует отметить компактность, наличие рядности и отсутствие наложения в расположении большей части комплексов, их небольшие размеры (диаметр магнитных аномалий – в пределах 2,0–2,5 м).

На месте двух аномалий на участках Нижнего и Верхнего Суаткана заложены стратиграфические раскопы с целью проверки данных магниторазведки общей площадью 20 кв. м, полностью подтвердившие атрибуцию объектов. Это еще раз свидетельствует о высокой результативности данных геофизической разведки при обнаружении такого рода археологических объектов, не имеющих внешних визуальных признаков на местности.

Раннесредневековое укрепление «Сиваг-Кермен». Расположено в 5 км к югу от с. Верхнесадовое Нахимовского района г. Севастополя, на вершине невысокой сильно облесенной сопки (высота 209,7 м н.г. Керменчик на топографических картах) с обрывистым (до 45 градусов) юго-западным склоном. Впервые упомянуто Н.И. Репниковым в неопубликованных материалах к археологической карте Юго-Западного нагорья Крыма [26]. После масштабного ограбления в начале 2000-х гг. осмотрено сотрудниками Херсонесского заповедника, результатом чего стала публикация современного состояния памятника и предварительные наблюдения в отношении его атрибуции и хронологии [27]¹.

К сожалению, план работ этого года был серьезно скорректирован запретом расчистки памятника от растительности природоохранными органами г. Севастополя. В результате мы были вынуждены ограничиться расчисткой территории крепости от каменных и земляных отвалов из грабительских шурфов с целью получения представления о полных габаритах укрепления и предварительных данных о его хронологии.

¹ На сегодня на территории укрепления и в его округе сохранились следы более 30 грабительских шурфов. Заметка А.А. Филиппенко-Коринфского уже вызвала в литературе явно преждевременную до начала систематических археологических исследований крепости публикацию О.В. Вуса, в которой автор предложил ничем не обоснованную реконструкцию ее системы обороны, датировку и этноконфессиональную атрибуцию памятника [28].

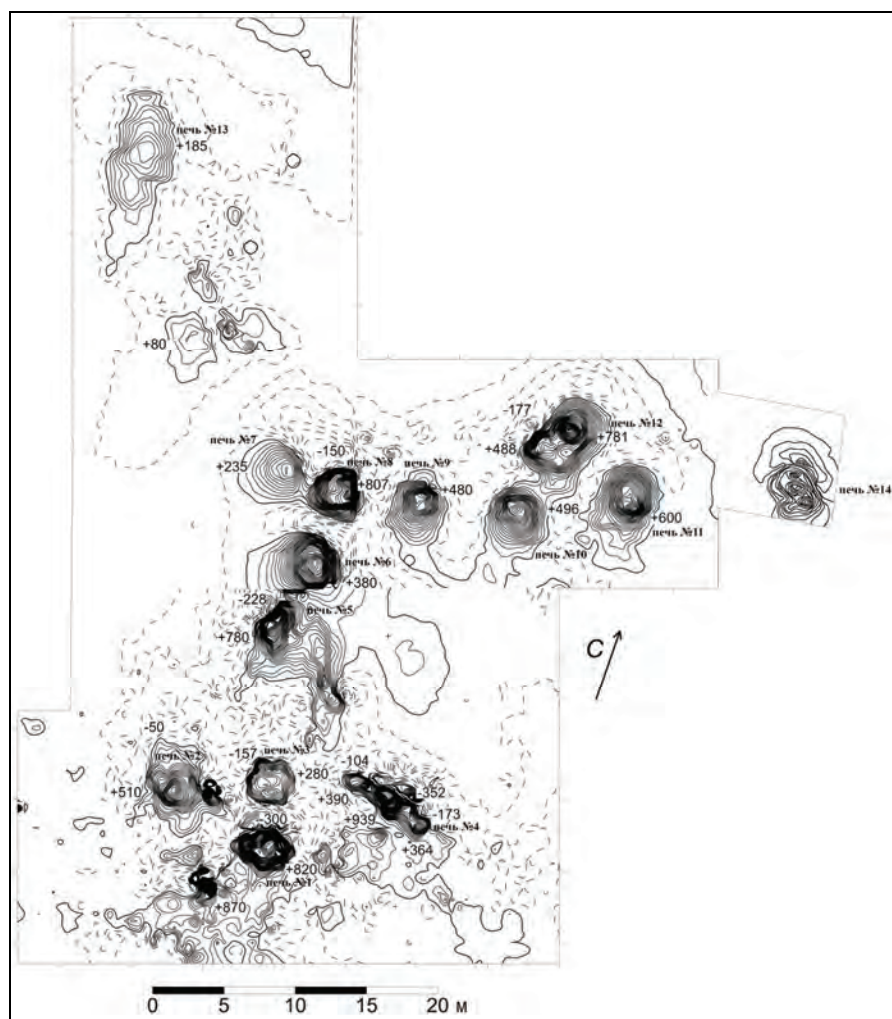

Рис. 12. Гончарный центр Верхний Суаткан. Магнитная карта участка исследований.

Крепость имеет вид укрепленного форта общими размерами 50,00 x 20,00 м с тремя выступающими за линию стен квадратными в плане башнями (внутренние размеры 3,50 x 3,50 м), соединенными четырьмя куртинами (Рис. 13–14). Пока сложно что-то определенно сказать о трассе юго-западной оборонительной линии вдоль крутого обрыва. Ясно лишь, что она сильно пострадала в связи с естественными подвижками грунта, о чем свидетельствует обрушение сводов ряда скальных сооружений, открытых в процессе разведок. В дальнейшем необходима тотальная расчистка склона, чтобы установить действительный контур и систему фортификации укрепления в этом направлении. При расчистке южной куртины (№ 4) открыты предполагаемые въездные ворота крепости, отмеченные сдвинутой с места массивной известняковой плитой размерами 1,37 x 0,37 x 0,27 м, на которой сохранились вырубленные знаки в виде греческих букв «ро» и «альфа».

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ
МАНГУПСКОГО ГОРОДИЩА И ЕГО ОКРУГИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ...

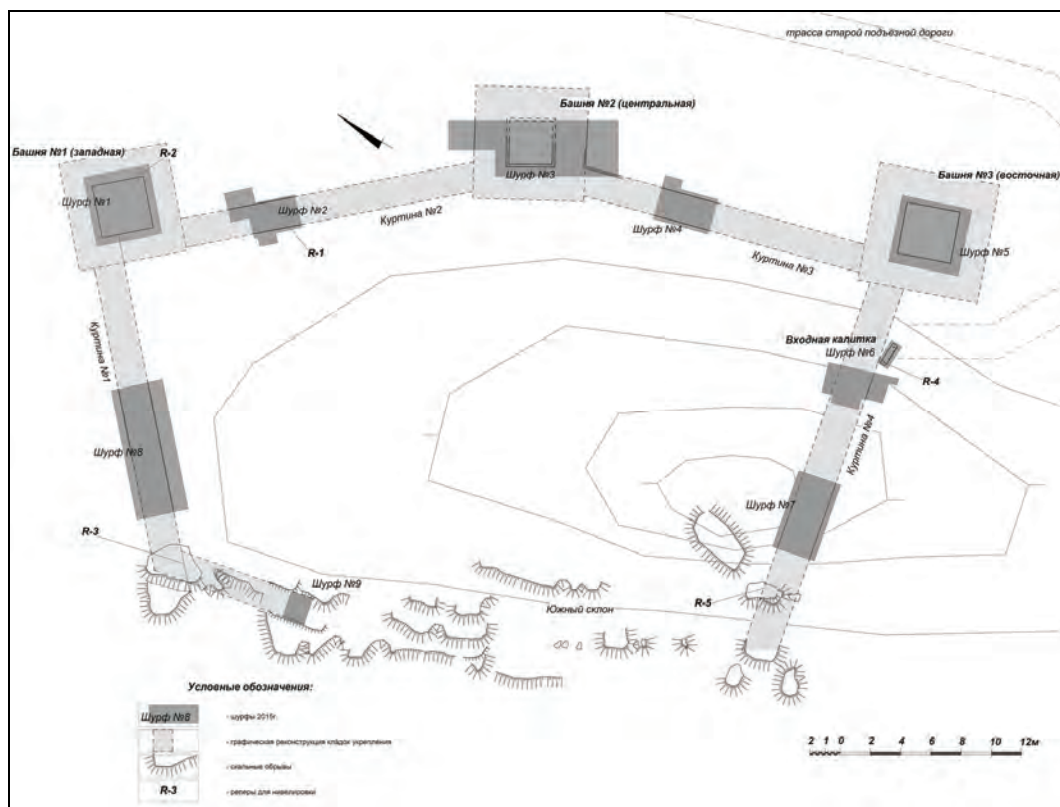

Рис. 13. Укрепление Сиваг-Кермен. Общий план по итогам работ 2015 г.

Рис. 14. Укрепление Сиваг-Кермен. Башня № 1 по завершении работ. Вид с востока. Фото

Обращает внимание значительная ширина стен укрепления (не менее 2,10 м), общая их оштукатуренность и иной, в сравнении с квадратными кладками ранневизантийского времени на Мангупе и Эски-Кермене, строительный материал для кладки стен – бутовый крупного и среднего размера камень с грубой лицевой подтеской. Очевидно, что в данном случае толстый слой штукатурки на лицевой стороне стен должен был в том числе скрывать от противника их общую уязвимость во время штурма.

Предварительная датировка крепости укладывается в пределах VI в. Основанием для такой хронологии являются многочисленные фрагменты керамики, которые в основном принадлежат амфорам четырех типов, хорошо известных в это время в Причерноморье: типу V по ХК-71, классов 1 и 2 по ХК-95, типа LRA 1 по Райли, 79 [29]. Единственная бронзовая монета из слоя отвалов на территории укрепления была выпущена в правление императора Анастасия I (491–518). Безусловно, памятник требует дальнейшего систематического изучения, в том числе его округи, где видны следы обширного поселения, древней дороги и отдельных винодельческих комплексов.

Выводы. Археологические исследования Мангупского городища и его округи в 2015 г. отмечены двумя важными особенностями: обилием разноплановых и разновременных памятников, затронутых раскопками, и междисциплинарным характером их изучения, с широким использованием естественно-научных методов. Выполнение масштабной программы раскопок стало возможным благодаря финансовой поддержке ведущих отечественных научных фондов – РГНФ и РФФИ. В результате проведенных работ получен разнообразный материал для изучения политической и социально-экономической истории региона. Еще одна особенность работ Мангупской экспедиции в этом году – расширение территории исследования округи городища за счет нового раннесредневекового укрепления Крымских предгорий – Сиваг-Кермен. Его дальнейшие раскопки имеют важнейшее значение для понимания принципов организации системы ранневизантийских укреплений в Юго-Западной Таврике и в целом характера присутствия Византийской империи на полуострове в это время.

Список использованных источников и литературы

1. Уваров А.С. Командировка графа на исследование южных губерний / А.С. Уваров // Уваров А.С. Сборник мелких трудов (под ред. гр. П.С. Уваровой). Т. III. Материалы для биографии и статьи по теории археологии. – М.: типография Г. Лиснера и Д. Собко, 1910. – С. 14–15
Uvarov A.S. Komandirovka grafa na issledovanie yuzhnykh guberniy / A.S. Uvarov // Uvarov A.S. Sbornik melkikh trudov (pod red. gr. P.S. Uvarovoy). T. III. Materialy dlya biografii i stat'i po teorii arkhologii. – М.: tipografiya G. Lissnera i D. Sobko, 1910. – S. 14–15
2. Отчет об археологических исследованиях Ф.А. Брауна в 1890 г. / Ф.А. Браун // Архив ИИМК РАН. – Ф. 1. – Д. 40/1890. – Л. 18, 21–23, 34; Браун Ф.А. Рукописный отчет о раскопках на Мангупе / Ф.А. Браун // ОАК за 1890 г. – СПб., 1891. – С. 16–17.
Otchet ob arkhologicheskikh issledovaniyakh F.A. Brauna v 1890 g. / F.A. Braun // Arkhiv IIMK RAN. – F. 1. – D. 40/1890. – L. 18, 21–23, 34; Braun F.A. Rukopisnyy otchet o raskopkakh na Mangupe / F.A. Braun // OAK za 1890 g. – SPb., 1891. – S. 16–17.
3. Лепер Р.Х. Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии. Заседание 16 октября 1912 г. / Р.Х. Лепер // ИТУАК. – Симферополь, 1913. – №49. – С. 266–269; Лепер Р.Х. Археоло-

гические исследования в Мангупе в 1912 г. / Р.Х. Лепер // ИАК. – М., 1913. – Вып. 47. – С. 73–79, 147–154; Лепер Р.Х. Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии. Заседание 30 января 1914 г. (сообщение Р.Х. Лепера о раскопках на Мангупе в 1913 г.) / Р.Х. Лепер // ИТУАК. Симферополь, 1914. – №51. – С. 297-300; Лепер Р.Х., Моисеев Л.А. Раскопки на Мангупе / Р.Х. Лепер, Л.А. Моисеев // ОАК за 1913-1915 гг. – Пг., 1918. – С. 72-84.

Leper R.Kh. Protokoly zasedaniy Tavricheskoy Uchenoy Arkhivnoy Komissii. Zasedanie 16 oktyabrya 1912 g. / R.Kh. Leper // ITUAK. – Simferopol, 1913. – №49. – S. 265-273; Leper R.Kh. Arkheologicheskie issledovaniya v Mangupe v 1912 g. / R.Kh. Leper // ИАК. – М., 1913. – Вып. 47. – С. 73-79, 147-154.; Leper R. Kh. Protokoly zasedaniy Tavricheskoy Uchenoy Arkhivnoy Komissii. Zasedanie 30 yanvarya 1914 g. (soobshchenie R. Kh. Lepera o raskopkakh naMangupe v 1913 g.) / R.Kh. Leper // ITUAK. – Simferopol, 1914. – №51. – S. 297-300; Leper R.Kh., Moiseev L.A. Raskopki na Mangupe / R.Kh. Leper, L.A. Moiseev // ОАК за 1913-1915 гг. Pg., 1918.S. 72-84.

4. Веймарн Е.В. Мангуп. Отчеты (раскопки 1938 г.). Разведки оборонительных стен и некрополя / Е.В. Веймарн // Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). – М.-Л.: АН СССР, 1953. – С. 419-429 (МИА; №34); Тиханова М.А. Мангуп. Отчеты (раскопки 1938 г.). Базилика / М.А. Тиханова // Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). – М. – Л.: АН СССР, 1953. – С. 334-389 (МИА; №34); Якобсон А.Л. Мангуп. Отчеты (раскопки 1938 г.). Дворец / А.Л. Якобсон // Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). – М. – Л.: АН СССР, 1953. – С. 390-418 (МИА; №34).

Veymarn E.V. Mangup. Otchety (raskopki 1938 g.). Razvedki oboronitel'nykh sten i nekropolya / E.V. Veymarn // Arkheologicheskie pamyatniki Yugo-Zapadnogo Kryma (Khersones, Mangup). – М.-Л.: АН СССР, 1953. – S. 419-429 (МИА; №34); Tikhanova M.A. Mangup. Otchety (raskopki 1938 g.). Bazilika / M.A. Tikhanova // Arkheologicheskie pamyatniki Yugo-Zapadnogo Kryma (Khersones, Mangup). – М.-Л.: АН СССР, 1953. – S. 334-389 (МИА; №34); Yakobson A.L. Mangup. Otchety (raskopki 1938 g.). Dvorets / A.L. Yakobson // Arkheologicheskie pamyatniki Yugo-Zapadnogo Kryma (Khersones, Mangup). – М.-Л.: АН СССР, 1953. – S. 390-418 (МИА; №34).

5. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Три программы археологического изучения Мангупа / А.Г. Герцен, В.Е. Науменко // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна: Международная научная конференция (Бахчисарай, 5-7 сентября 2012 г.): тезисы докладов и сообщений. – Бахчисарай: КРУ «Бахчисарайский историко-культурный заповедник», 2012. – С. 24-25.

Gertsen A.G., Naumenko V.E. Tri programmy arkheologicheskogo izucheniya Mangupa / A.G. Gertsen, V.E. Naumenko // I Bakhchisarayskie nauchnye chteniya pamyati E. V. Veymarna: Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya (Bakhchisaray, 5-7 sentyabrya 2012 g.): tezisy dokladov i soobshcheniy. – Bakhchisaray: KRU «Bakhchisarayskiy istoriko-kul'turnyy zapovednik», 2012. – S. 24-25.

6. Об истории археологического изучения Мангупа вплоть до начала 90-х гг. XX в. подробнее см.: Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа / А.Г. Герцен // МАИЭТ. – Симферополь: Таврия, 1990. – Вып. I. – С. 89-102; Герцен А.Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI – начало XX вв.) / А.Г. Герцен // БИАС. – Симферополь: АНТИКВА, 2008. – Вып. 3. – С. 212-246; Герцен А.Г. Археологические исследования Мангупа в 1967-1977 гг. / А.Г. Герцен // Херсонесский колокол. Сборник научных статей, посвященный 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности В.Н. Даниленко. – Симферополь: СОНАТ, 2008. – С. 305-321.

Gertsen A.G. Krepostnoy ansambl' Mangupa / A.G. Gertsen // МАИЭТ. – Simferopol': Tavriya. – Вып. I. – S. 87-166; Gertsen A.G. Mangup glazami issledovateley i puteshestvennikov (XVI – nachalo XX vv.) / A.G. Gertsen // BIAS. – Simferopol': ANTIKVA, 2008. – Вып. 3. – S. 212-246; Gertsen A.G. Arkheologicheskie issledovaniya Mangupa v 1967-1977 gg. / A.G. Gertsen // Khersonesskiy kolokol. Sbornik nauchnykh statey, posvyashchennuyu 70-letiyu so dnya rozhdeniya i 50-letiyu nauchnoy deyatel'nosti V.N. Danilenko. – Simferopol': SONAT, 2008. – S. 305-321.

Отметим также подробные историографические обзоры, предваряющие публикации результатов раскопок Дворца и октагонального храма цитадели городища на м. Тешкли-бурун: Герцен А.Г., Науменко В.Е. Октагональная церковь цитадели Мангупа: вопросы хронологии и архитектурной композиции / А.Г. Герцен, В.Е. Науменко // ТГЭ. Т. LIII. Архитектура Византии и Древней Руси IX-XII вв. – СПб.: Государственный Эрмитаж, 2010. – С. 228-234; Герцен А.Г., Науменко В.Е. Археологический комплекс третьей четверти XV в. из раскопок княжеского дворца Мангупского городища / А.Г. Герцен,

В.Е. Науменко // ТГЭ. Т. LI. Византия в контексте мировой культуры. – СПб.: Государственный Эрмитаж, 2010. – С. 388-396.

Gertsen A.G., Naumenko V.E. Oktagonal'naya tserkov' tsitadeli Mangupa: voprosy khronologii i arkhitekturnoy kompozitsii / A.G. Gertsen, V.E. Naumenko // TGE. T. LIII. Arkhitektura Vizantii i Drevney Rusi IX-XII vv. – SPb.: Gosudarstvennyy Ermitazh, 2010. – S. 228-234; Gertsen A.G., Naumenko V.E. Arkheologicheskiy kompleks tret'eyc hetverti XVv. Iz raskopok knyazheskogo dvortsa Mangupskogo gorodishcha / A.G. Gertsen, V.E. Naumenko // TGE. T. LI. Vizantiya v kontekste mirovoy kul'tury. – SPb.: Gosudarstvennyy Ermitazh, 2010. – S. 388-396.

7. Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа / А.Г. Герцен // МАИЭТ. – Симферополь: Таврия, 1990. – Вып. I. – С. 87-166; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Мангупа / А.Г. Герцен, Ю.М. Могаричев. – Симферополь: Таврия, 1996. – 128 с.; Науменко В.Е. Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангупа / В.Е. Науменко // БИАС. – Симферополь: Таврия, 1997. – Вып. I. – С. 324-340; Герцен А.Г., Науменко В.Е. Керамика IX-XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-бурун / А.Г. Герцен, В.Е. Науменко // АДСВ. – Екатеринбург: УрГУ, 2001. – Вып. 32. – С. 127-147; Герцен А.Г., Манаев А.Ю. Демир-Капу (укрепление А.ХІХ) в системе оборонительных сооружений Мангупа / А.Г. Герцен, А.Ю. Манаев // МАИЭТ. – Симферополь: КОИВ НАНУ, 2005. – Вып. XI. – С. 314-345; Герцен А.Г., Науменко В.Е., Землякова А.Ю., Смокотина А.В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун (к вопросу периодизации Мангупской цитадели) / А.Г. Герцен, В.Е. Науменко, А.Ю. Землякова, А.В. Смокотина // МАИЭТ. – Симферополь: КОИВ НАНУ, 2006. – Вып. XII. – С. 371-494; Герцен А.Г., Карлов С.В. Дозорный и культовый комплекс под оконечностью мыса Тешкли-бурун (Мангуп) / А.Г. Герцен, С.В. Карлов // Готы и Рим. – Киев: Сталос, 2006. – С. 221-253; Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): I горизонт застройки (XVI-XVIII вв.) / А.Г. Герцен, О.С. Иванова, В.Е. Науменко, А.В. Смокотина // МАИЭТ. – Симферополь: КОИВ НАНУ, 2007. – Вып. XIII. – С. 233-298; Герцен А.Г., Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): II горизонт застройки (XV в.) / А.Г. Герцен, В.Е. Науменко // МАИЭТ. – Симферополь: КОИВ НАНУ, 2009. – Вып. XV. – С. 389-431; Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): III горизонт застройки (середина IX – начало X вв.) / А.Г. Герцен, О.С. Иванова, В.Е. Науменко // МАИЭТ. – Симферополь: КОИВ НАНУ, 2010. – Вып. XVI. – С. 240-295; Герцен А.Г., Науменко В.Е. Октагональная церковь цитадели Мангупа: вопросы хронологии и архитектурной композиции / А.Г. Герцен, В.Е. Науменко // ТГЭ. Т. LIII. Архитектура Византии и Древней Руси IX-XII вв. – СПб.: Государственный Эрмитаж, 2010. – С. 227-253; Gercen A.G., Mączyńska M., Černýš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemmann J., Schneider K., Jakubczuk I. Dasfrühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-deream Fussdes Mangup-plateaus / A.G. Gercen, M. Mączyńska, S. Černýš, S. Lukin, A. Urbaniak, J. Bemmann, K. Schneider, I. Jakubczuk // Die Höhensiedlungenimberglandder Krim. Umwelt, kulturaustauschundtransformationam Nordranddes Byzantinischen Rieches (Hrsg. S.Albrecht, F. Daim, M. Herdick). – Mainz: RGZM, 2013. – S. 125-146; Bemmann J., Schneider K., Gercen A.G., Černýš S., Mączyńska M., Urbaniak A., von Freden U. Diefrühmittelalterlichen Gräberfeldervon Adym-Čokrak, Južnyj IundJužnyjIIam Fussdes Mangup – Ein Vorbericht / J. Bemmann, K. Schneider, A.G. Gercen, S. Černýš, M. Mączyńska, A. Urbaniak, U. Von Freden // Die Höhensiedlungenimberglandder Krim. Umwelt, kulturaustausch und transformation am Nordrand des Byzantinischen Rieches (Hrsg. S.Albrecht, F. Daim, M. Herdick). – Mainz: RGZM, 2013. – S. 147-166.

Gertsen A.G. Krepostnoy ansambl' Mangupa / A.G. Gertsen // MAIET. – Simferopol': Tavriya. – Vyp. I. – S. 87-166; Gertsen A.G., Mogarichev Yu.M. Peshchernye tserkvi Mangupa / A.G. Gertsen, Yu.M. Mogarichev. – Simferopol': Tavriya, 1996. – 128 s.; Naumenko V.E. Raskopki rannesrednevekovogo poseleniya u podnozhia Mangupa / V.E. Naumenko // BIAS. – Simferopol': Tavriya, 1997. – Vyp. I. – S. 324-340; Gertsen A.G., Naumenko V.E. Keramika IX-XI vv. iz zhilogo kompleksa na myse Teshkli-burun / A.G. Gertsen, V.E. Naumenko // ADSV. – Ekaterinburg: UrGU, 2001. – Vyp. 32. – S. 127-147; Gertsen A.G., Manaev A.Yu. Demir-Kapu (ukreplenie A.XIX) v sisteme oboronitel'nykh sooruzheniy Mangupa / A.G. Gertsen, A.Yu. Manaev // MAIET. – Simferopol': KOIV NANU, 2005. – Vyp. XI. – S. 314-345; Gertsen A.G., Naumenko V.E., Zemlyakova A.Yu., Smokotina A.V. Stratigraficheskie issledovaniya na yugo-vostochnom sklonе mysa Teshkli-burun (k voprosu periodizatsii Mangupskoy tsitadeli) / A.G. Gertsen, V.E. Naumenko, A.Yu. Zemlyakova, A.V. Smokotina // MAIET. – Simferopol': KOIV NANU, 2006. – Vyp. XII. – S. 371-494; Gert-

sen A.G., Karlov S.V. Dozornyy i kul'tovyy kompleks pod okonechnost'yu mysa Teshkli-burun (Mangup) / A.G. Gertsen, S.V. Karlov // Goty i Rim. – Kiev: Stilos, 2006. – S. 221-253; Gertsen A.G., Ivanova O.S., Naumenko V.E., Smokotina A.V. Arkheologicheskie issledovaniya v rayone tserkvi Sv. Konstantina (Mangup): I gorizont zastroyki (XVI-XVIII vv.) / A.G. Gertsen, O.S. Ivanova, V.E. Naumenko, A.V. Smokotina // MAIET. – Simferopol': KOIV NANU, 2007. – Вып. XIII. – S. 233-298; Gertsen A.G., Naumenko V.E. Arkheologicheskie issledovaniya v rayone tserkvi Sv. Konstantina (Mangup): II gorizont zastroyki (XV v.) / A.G. Gertsen, V.E. Naumenko // MAIET. – Simferopol': KOIV NANU, 2009. – Вып. XV. – S. 389-431; Gertsen A.G., Ivanova O.S., Naumenko V.E. Arkheologicheskie issledovaniya v rayone tserkvi Sv. Konstantina (Mangup): III gorizont zastroyki (seredina IX – nachalo X vv.) / A.G. Gertsen, O.S. Ivanova, V.E. Naumenko // MAIET. – Simferopol': KOIV NANU, 2010. – Вып. XVI. – S. 240-295; Gertsen A.G., Naumenko V.E. Oktagon'naya tserkov' tsitadeli Mangupa: voprosy khronologii i arkhitekturnoy kompozitsii / A.G. Gertsen, V.E. Naumenko // TGE. T. LIII. Arkhitektura Vizantii i Drevney Rusi IX-XII vv. – SPb.: Gosudarstvennyy Ermittazh, 2010. – S. 227-253; ; Gercen A.G., Mączyńska M., Černyš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemmann J., Schneider K., Jakubczuk I. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-dere am Fuss des Mangup-plateau / A.G. Gercen, M. Mączyńska, S. Černyš, S. Lukin, A. Urbaniak, J. Bemmann, K. Schneider, I. Jakubczuk // Die Höhensiedlungen im bergland der Krim. Umwelt, kulturaustausch und transformation am Nordrand des Byzantinischen Rieches (Hrsg. S.Albrecht, F. Daim, M. Herdick). – Mainz: RGZM, 2013. – S. 125-146; Bemmann J., Schneider K., Gercen A.G., Černyš S., Mączyńska M., Urbaniak A., von Freden U. Die frühmittelalterlichen Gräberfelder von Adym-Čokrak, Južnyj I und Južnyj II am Fuss des Mangup – Ein Vorbericht / J. Bemmann, K. Schneider, A.G. Gercen, S. Černyš, M. Mączyńska, A. Urbaniak, U. von Freden // Die Höhensiedlungen im bergland der Krim. Umwelt, kulturaustausch und transformation am Nordrand des Byzantinischen Rieches (Hrsg. S.Albrecht, F. Daim, M. Herdick). – Mainz: RGZM, 2013. – S. 147-166.

8. Герцен А.Г., Алексеенко Н.А. Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп-Кале / А.Г. Герцен, Н.А. Алексеенко // АДСВ. – Екатеринбург: УрГУ, 2002. – Вып. 33. – С. 59-65; Смокотина А.В. Византийская поливная керамика VII – первой половины IX вв. из раскопок Мангупа / А.В. Смокотина // МАИЭТ. – Симферополь: КОИВ НАНУ, 2003. – Вып. X. – С. 172-181; Герцен А.Г., Наumenko В.Е. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа / А.Г. Герцен, В.Е. Наumenko // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. – Киев: Stilos, 2005. – С. 257-287; Журавлев О.П., Душенко А.А. Остеологические материалы из раскопок в верховьях балки Табана-дере (Мангуп) / О.П. Журавлев, А.А. Душенко // МАИЭТ. – Симферополь: КОИВ НАНУ, 2007. – Вып. XIII. – С. 299-317; Герцен А.Г., Руев В.Л. Свинцовые пули из раскопок Мангупа / А.Г. Герцен, В.Л. Руев // МАИЭТ. – Симферополь: КОИВ НАНУ, 2008. – Вып. XIV. – С. 385-416; Иванова О.С. Краснолаковая керамика из раскопок могильника в балке Алмалык-дере (Мангуп) / О.С. Иванова // МАИЭТ. – Симферополь: КОИВ НАНУ, 2009. – Вып. XV. – С. 26-88; Душенко А.А. Изделия из кости и рога из раскопок квартала у церкви Св. Константина (Мангуп) / А.А. Душенко // МАИЭТ. – Симферополь: КОИВ НАНУ, 2009. – Вып. XV. – С. 432-456; Моисеев Д.А. Археологический комплекс строительной керамики IX-X вв. из раскопок поселения в Лагерной Балке (Мангуп) / Д.А. Моисеев // Древности-2011. – Харьков: Харьковское историко-археологическое общество, 2011. – С. 172-190; Иванова О.С. Узкогорлые светлоглиняные амфоры из раскопок Мангупа / О.С. Иванова // МАИЭТ. – Симферополь: КОИВ НАНУ, 2011. – Вып. XVII. – С. 266-327; Иванова О.С. Амфоры позднеримского времени из раскопок Мангупа / О.С. Иванова // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). – Симферополь-Бахчисарай: Доля, 2013. – С. 93-154; Душенко А.А. Костяные дисковидные пуговицы с концентрическим орнаментом из раскопок Мангупа / А.А. Душенко // МАИЭТ. – Симферополь: КОИВ НАНУ, 2013. – Вып. XVIII. – С. 333-352; Душенко А.А. Детали вооружения из кости и рога из раскопок Мангупа (по материалам 1990-2010 гг.) / А.А. Душенко // Древности-2013. – Харьков: Харьковское историко-археологическое общество, 2013. – С. 292-302; Моисеев Д.А. Средневековая плинфа Мангупского городища / Д.А. Моисеев // Древности-2013. – Харьков: Харьковское историко-археологическое общество, 2013. – С. 179-192.

Gertsen A.G., Alekseenko N.A. Vizantiyskie molivdovuly iz raskopok Mangup-Kale / A.G. Gertsen, N.A. Alekseenko // ADSV. – Екатеринбург: UrGU, 2002. – Вып. 33. – S. 59-65; Smokotina A.V. Vizantiyskaya polivnaya keramika VII – pervoy poloviny IX vv. Iz raskopok Mangupa / A.V. Smokotina // MAIET. – Simferopol': KOIVNANU, 2003. – Вып. X. – S. 172-181; Gertsen A.G., Naumenko V.E. Polivnaya keramika iz raskopok tsitadeli Mangupa / A.G. Gertsen, V.E. Naumenko // Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya I Prichernomor'ya X-XVIII vv. – Kiev: Stilos, 2005. – S. 257-287; Zhuravlev O. P., Dushenko A.A. Osteologicheskie materialy iz raskopok v verkhov'yakh balki Tabana-dere (Mangup) / O.P. Zhuravlev, A.A.

Dushenko // МАИЕТ. – Simferopol': KOIVNANU, 2007. – Вып. XIII. – С. 299-317; Gertsen A.G., Ruev V.L. Svintsovye puli iz raskopok Mangupa / A.G. Gertsen, V.L. Ruev // МАИЕТ. – Simferopol': KOIVNANU, 2008. – Вып. XIV. – С. 385-416; Ivanova O.S. Krasnolakovaya keramika iz raskopok mogil'nika v balke Almalyk-dere (Mangup) / O.S. Ivanova // МАИЕТ. – Simferopol': KOIVNANU, 2009. – Вып. XV. – С. 26-88; Dushenko A.A. Izdeliya iz kosti I roga iz raskopok kvartala u tserkvi Sv. Konstantina (Mangup) / A.A. Dushenko // МАИЕТ. – Simferopol': KOIVNANU, 2009. – Вып. XV. – С. 432-456; Moiseev D.A. Arkheologicheskiy kompleks stroitel'noy keramiki IX-Xvv. Iz raskopok poseleniya v Lagernoy Balke (Mangup) / D.A. Moiseev // Drevnosti-2011. – Khar'kov: Khar'kovskoe istoriko-arkheologicheskoe obshchestvo, 2011. – С. 172-190; Ivanova O.S. Uzkogorlye svetloglinyanye amfory iz raskopok Mangupa / O.S. Ivanova // МАИЕТ. – Simferopol': KOIVNANU, 2011. – Вып. XVII. – С. 266-327; Ivanova O.S. Amfory pozdnerimskogo vremeni iz raskopok Mangupa / O.S. Ivanova // Krym v sarmatskuyu epokhu (IIV. don.e. – IVv. n.e.). – Simferopol' - Bakhchisaray: Dolya. – С. 93-154; Dushenko A.A. Kostyanye diskovidnye pugovitsy s kontsentricheskim ornamentom iz raskopok Mangupa / A.A. Dushenko // МАИЕТ. – Simferopol': KOIVNANU, 2013. – Вып. XVIII. – С. 333-352; Dushenko A.A. Detali vooruzheniya iz kosti I roga iz raskopok Mangupa (po materialam 1990-2010 gg.) / A.A. Dushenko // Drevnosti-2013. – Khar'kov: Khar'kovskoe istoriko-arkheologicheskoe obshchestvo, 2013. – С. 292-302; Moiseev D.A. Srednevekovaya plinfa Mangupskogo gorodishcha / D.A. Moiseev // Drevnosti-2013. – Khar'kov: Khar'kovskoe istoriko-arkheologicheskoe obshchestvo, 2013. – С. 179-192.

9. Герцен А.Г., Науменко В.Е. К истории цитадели Мангупа (по материалам археологических исследований на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун) / А.Г. Герцен, В.Е. Науменко // АДЦВ. – Екатеринбург: УрГУ, 2006. – Вып. 37. – С. 389-391; Герцен А.Г., Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (предварительное сообщение) / А.Г. Герцен, В.Е. Науменко // VIII Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святые места и сакральные объекты». – Керчь: КОИВ НАНУ, 2007. – С. 89-95.

Gertsen A.G., Naumenko V.E. K istorii tsitadeli Mangupa (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy na yugo-vostochnom sklone mysa Teshkli-burun) / A.G. Gertsen, V.E. Naumenko // ADSV. – Ekaterinburg: UrGU, 2006. – Вып. 37. – С. 389-391; Gertsen A.G., Naumenko V.E. Arkheologicheskie issledovaniya v rayone tserkv isv. Konstantina (predvaritel'noe soobshchenie) / A.G. Gertsen, V.E. Naumenko // VIII Bosporskie chteniya «Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Svyatilishcha i sakral'nye ob'ekty». – Kerch': KOIVNANU, 2007. – С. 89-95.

10. Малицкий Н.В. Заметки по эпиграфике Мангупа / Н.В. Малицкий // ИГАИМК. – 1933. – Вып. 71. – С. 3-45; Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea / A.A. Vasiliev. – Cambridge-Massachusetts, 1936. – 292 p.

Malitskiy N.V. Zаметki po epigrafike Mangupa / N.V. Malitskiy // ИГАИМК. – 1933. – Вып. 71. – С. 3-45; Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea / A.A. Vasiliev. – Cambridge-Massachusetts, 1936. – 292 p.

11. Герцен А.Г. Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу / А.Г. Герцен // АДЦВ. – Екатеринбург: УрГУ, 2003. – Вып. 34. – С. 94-112; Герцен А.Г., Науменко В.Е. Стратиграфия Мангупского городища: антропогенный и природно-географический контекст / А.Г. Герцен, В.Е. Науменко // XVI Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум». – Керчь: КОИВ НАНУ, 2015. – С. 88-96.

Gertsen A.G. Doros-Feodoro (Mangup): ot rannevizantiyskoy kreposti k feodal'nomu gorodu / A.G. Gertsen. // ADSV. – Ekaterinburg: UrGU, 2003. – Вып. 34. – С. 94-112; Gertsen A.G., Naumenko V.E. Stratigrafiya Mangupskogo gorodishcha: antropogennyy i prirodno-geograficheskiy kontekst / A.G. Gertsen, V.E. Naumenko // XVI Bosporskie chteniya «Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Geograficheskaya sreda i sotsium». – Kerch': KOIVNANU, 2015. – С. 88-96.

12. Бармина Н.И., Пономарев Д.Ю. Антропологические особенности погребений некрополя Мангупской базилики / Н.И. Бармина, Д.Ю. Пономарев // АДЦВ. – Екатеринбург: УрГУ, 2001. – Вып. 32. – С. 387-393; Пономарев Д.Ю. Данные палеопатологии в интерпретации погребально-поминального обычая: влияние заболеваний опорно-двигательного аппарата на положение трупа в погребении / Д.Ю. Пономарев // БИАС. – Симферополь: Таврия, 2001. – Вып. 2. – С. 320-327; Герцен А.Г., Пономарев Д.Ю. Некрополи раннесредневекового Дороса-Мангупа (некоторые итоги комплексного историко-археологического и антропалеонтологического исследования) / А.Г. Герцен, Д.Ю. Пономарев // Гипнос, Танатос и Асклепий в культуре народов мира: гуманитарные и медицинские аспекты. – Сим-

ферополь: КГМУ, 2003. – Вып. 1. – С. 46-55; Jacobi F., Stecher M., Zesch S., Radochin V., Alt K. Eski-Kermen, Almalyk und Lučistoe – bioarchäologie auf der Krim / F. Jacobi, M. Stecher, S. Zesch, V. Radochin, K. Alt // Die Höhengiedlungen im bergland der Krim. Umwelt, kulturaustausch und transformation am Nordrand des Byzantinischen Rieches (Hrsg. S. Albrecht, F. Daim, M. Herdick). – Mainz: RGZM, 2013. – S. 335-359; Brandt G., Haak W., Blechschmidt Ch., Karimnia S., Alt K. Die völker der Krim im frühmittelalter – anwendung und potential der paläogenetik in bezug auf archäologische fragen / G. Brandt, W. Haak, Ch. Blechschmidt, S. Karimnia, K. Alt // Die Höhengiedlungen im bergland der Krim. Umwelt, kulturaustausch und transformation am Nordrand des Byzantinischen Rieches (Hrsg. S. Albrecht, F. Daim, M. Herdick). – Mainz: RGZM, 2013. – S. 361-377.

Barmina N.I., Ponomarev D.Yu. Antropologicheskie osobennosti pogrebenij nekropolja Man-gupskoj baziliki / N.I. Barmina, D.Yu. Ponomarev // ADSV. – Ekaterinburg: UrGU, 2001. – Вып. 32. – S. 387-393; Ponomarev D.Yu. Dannye paleopatologii v interpretatsii pogrebal'no-pominal'nogo obyčaya: vliyanie zabolevanij oporno-dvigatel'nogo apparata na polozhenie i pogrebenii / D.Yu. Ponomarev // BIAS. – Simferopol': Tavriya, 2001. – Вып. 2. – S. 320-327; Gertsen A.G., Ponomarev D.Yu. Nekropoli rannesrednevekovogo Dorosa-Mangupa (nekotorye itogi kompleksnogo istoriko-arkheologicheskogo i antropopaleontologicheskogo issledovaniya) / A.G. Gertsen, D.Yu. Ponomarev // Gipnos, Tanatos i Asklepij v kul'ture narodov mira: gumanitarnye i meditsinskie aspekty. – Simferopol': KGMU, 2003. – Вып. 1. – S. 46-55; Jacobi F., Stecher M., Zesch S., Radochin V., Alt K. Eski-Kermen, Almalyk und Lučistoe – bioarchäologie auf der Krim / F. Jacobi, M. Stecher, S. Zesch, V. Radochin, K. Alt // Die Höhengiedlungen im bergland der Krim. Umwelt, kulturaustausch und transformation am Nordrand des Byzantinischen Rieches (Hrsg. S. Albrecht, F. Daim, M. Herdick). – Mainz: RGZM, 2013. – S. 335-359; Brandt G., Haak W., Blechschmidt Ch., Karimnia S., Alt K. Die völker der Krim im frühmittelalter – anwendung und potential der paläogenetik in bezug auf archäologische fragen / G. Brandt, W. Haak, Ch. Blechschmidt, S. Karimnia, K. Alt // Die Höhengiedlungen im bergland der Krim. Umwelt, kulturaustausch und transformation am Nordrand des Byzantinischen Rieches (Hrsg. S. Albrecht, F. Daim, M. Herdick). – Mainz: RGZM, 2013. – S. 361-377.

13. Gertsen A., Maćzyńska M. Ein frühvölkerwanderungszeitliches kammergrab aus dem gräberfeld Almalyk-dere bei Mangup auf der Krim / A. Gertsen, M. Maćzyńska // Die spätromische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. – Łódź: Uniwersytetu Łódzkiego, 2000. – S. 522-544; Maćzyńska M., Urbaniak A., Jakubczyk I. The early medieval cemetery of Almalyk-dere near the foot of Mangup / M. Maćzyńska, A. Urbaniak, I. Jakubczyk // Inter Ambo Maria. Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period. – Kristiansand-Simferopol: Dolya, 2011. – P. 154-175.

14. Об их общих итогах см.: Науменко В.Е. Археологические исследования средневековых памятников Адым-Чокракской долины Крымских предгорий / В.Е. Науменко // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань: Отечество, 2014. – Т. III. – С. 302-307.

Naumenko V.E. Arkheologicheskie issledovaniya srednevekovykh pamyatnikov Adym-Chokraskoy doliny Krymskikh predgorij / V.E. Naumenko // Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani. – Kazan': Otechestvo, 2014. – Т. III. – S. 302-307.

15. Лепер Р.Х. Археологические исследования в Мангупе в 1912 г. / Р.Х. Лепер // ИАК. – М., 1913. – Вып. 47. – С. 78-79, 149-154; Якобсон А.Л. Мангуп. Отчеты (раскопки 1938 г.). Дворец / А.Л. Якобсон // Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). – М.-Л.: АН СССР, 1953. – С. 390-418 (МИА; №34); Сувор Е.Г. Раскопки дворца XV в. на плато Мангупа в Крыму / Е.Г. Сувор // КСИА. – М.: ИА АН СССР, 1972. – С. 96-99; Веймарн Е.В. Иванов Л.И. Раскопки на Мангупе / Е.В. Веймарн, Л.И. Иванов // АО-1974. – М.: Наука, 1975. – С. 263-264.

Leper R.Kh. Arkheologicheskie issledovaniya v Mangupe v 1912 g. / R.Kh. Leper // IAK. – М., 1913. – Вып. 47. – S. 78-79, 149-154; Yakobson A.L. Mangup. Otchety (raskopki 1938 g.). Dvoretz / A.L. Yakobson // Arkheologicheskie pamyatniki Yugo-Zapadnogo Kryma (Khersones, Mangup). – М.-Л.: AN SSSR, 1953. – S. 390-418 (MIA; №34); Surov E.G. Raskopki dvortsa XV v. na plato Mangupa v Krymu / E.G. Surov // KSIA. – М.: IA AN SSSR, 1972. – S. 96-99; Veymarn E.V. Ivanov L.I. Raskopki na Mangupe / E.V. Veymarn, L.I. Ivanov // AO-1974. – М.: Nauka, 1975. – S. 263-264.

16. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Археологический комплекс третьей четверти XV в. из раскопок княжеского дворца Мангупского городища / А.Г. Герцен, В.Е. Науменко // ТГЭ. Т. LI. Византия в контексте мировой культуры. – СПб.: Государственный Эрмитаж, 2010. – С. 388-396.

Gertsen A.G., Naumenko V.E. Arkheologicheskiy kompleks tret'ey chetverti XVv. Iz raskopok knyazheskogo dvortsa Mangupskogo gorodishcha / A.G. Gertsen, V.E. Naumenko // TGE. T. LI. Vizantiya v kontekste mirovoy kul'tury. – SPb.: Gosudarstvennyy Ermitazh, 2010. – S. 388-396.

17. Латышев В.В. Эпиграфические новости из Южной России. II. Мангупские надписи / В.В. Латышев // ИАК. – Пг.: Девятая Государственная типография, 1918. – Вып. 65. – С. 18-20. – № 2-4; Малицкий Н.В. Заметки по эпиграфике Мангупа / Н.В. Малицкий // ИГАИМК. – 1933. – Вып. 71. – С. 25-26, 33-35; Даниленко В.Н., Романчук А.И. Поливная керамика Мангупа / В.Н. Даниленко, А.И. Романчук // АДСВ. – Свердловск: УрГУ, 1969. – Вып. 6. – С. 116-117, 122-123 (группа II, тип 2). – Табл. 2; Залеская В.Н. Балканская поливная керамика в Северном Причерноморье в позднее средневековье / В.Н. Залеская // Преслав. – София: Св. Георги Победоносец, 1993. – С. 370-374; Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро / Х.-Ф. Байер. – Екатеринбург: УрГУ, 2001. – С. 206, 208; Мыц В.Л. Историко-культурный контекст некоторых букв, монограмм и надписей на поливной керамике Крыма XIV-XV вв. / В.Л. Мыц // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. – Киев: Стилос, 2005. – С. 294-295. – Рис. 2, 5-6; 5-6, 9; Залеская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства. Византийская керамика IX-XV вв. Каталог коллекции / В.Н. Залеская. – СПб.: Государственный Эрмитаж, 2011. – С. 217-220. – № 451-456.

Latyshev V.V. Epigraficheskie novosti iz Yuzhnoy Rossii. II. Mangupskie nadpisi / V.V. Latyshev // IAK. – Pг.: Devyataya Gosudarstvennaya tipografiya, 1918. – Вып. 65. – С. 18-20. – № 2-4; Malitskiy N.V. Zametki po epigrafike Mangupa / N.V. Malitskiy // IGAIMK. – 1933. – Вып. 71. – С. 25-26, 33-35; Danilenko V.N., Romanchuk A.I. Polivnaya keramika Mangupa / V.N. Danilenko, A.I. Romanchuk // ADSV. – Sverdlovsk: UrGU, 1969. – Вып. 6. – С. 116-117, 122-123 (gruppa II, typ 2). – Tabl. 2; Zalesskaya V.N. Balkanskaya polivnaya keramika v Severnom Prichernomor'e v pozdnee sred-nevekov'e / V.N. Zalesskaya // Preslav. – Sofiya: Sv. Georgi Pobedonosets, 1993. – S. 370-374; Bayer Kh.-F. Istoriya krymskikh gotov kak interpretatsiya Skazaniya Matfeya o gorode Feodoro / Kh.-F. Bayer. – Ekaterinburg: UrGu, 2001. S. 206, 208; Myts V.L. Istoriko-kul'turnyy kontekst nekotorykh buk, monogramm i nadpisey na polivnoy keramike Kryma XIV-XV vv. / V.L. Myts // Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X-XVIII vv. – Kiev: Stilos, 2005. – S. 294-295. – Ris. 2, 5-6; 5-6, 9; Zalesskaya V.N. Pamyatniki vizantiyskogo prikladnogo iskusstva. Vizantiyskaya keramika IX-XV vv. Katalog kolektsii / V.N. Zalesskaya. – SPb.: Gosudarstvennyy Ermitazh, 2011. – S. 217-220. – № 451-456.

18. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Душенко А.А., Лавров В.В. Археологические раскопки Мангупского городища / А.Г. Герцен, В.Е. Науменко, А.А. Душенко, В.В. Лавров // Историческое наследие Крыма. – Симферополь: Таврия, 2014. – С. 204-205.

Gertsen A.G., Naumenko V.E., Dushenko A.A., Lavrov V.V. Arkheologicheskie raskopki Mangupskogo gorodishcha / A.G. Gertsen, V.E. Naumenko, A.A. Dushenko, V.V. Lavrov // Istoricheskoe nasledie Kryma. – Simferopol': Tavriya, 2014. – S. 204-205.

19. Об их хронологии подробнее см.: Науменко В.Е. Амфоры; Высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками; Фляги / В.Е. Науменко // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритак. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII-X вв. – Симферополь-Керчь: КОИВ НАНУ, 2009. – С. 39-47, 50-60.

Naumenko V.E. Amfory; Vysokogorlye kuvshiny s shirokimiploskimi ruchkami; Flyagi / V.E. Naumenko // Zin'ko V.N., Ponomarev L.Yu. Tiritaka. Raskop XXVI. T. I. Arkheologicheskie komplekсы VIII-Xvv. – Simferopol'-Kerch': KOIVNANU, 2009. – S. 39-47, 50-60.

20. Бахревский Е.В. Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666-1667 гг.) / Е.В. Бахревский. – Симферополь: Таврия, 1998. – С. 34.

Bakhrevskiy E.V. Kniga puteshestviya. Turetskiy avtor Evliya Chelebi o Kryme (1666-1667) / E.V. Bakhrevskiy. – Simferopol': Tavriya, 1998. – S. 34.

21. Лепер Р.Х. Археологические исследования в Мангупе в 1912 г. / Р.Х. Лепер // ИАК. – М., 1913. – Вып. 47. – С. 74-75.

Лепер Р.Х. Археологические исследования в Мангупе в 1912 г. / Р.Х. Лепер // ИАК. – М., 1913. – Вып. 47. – С. 74-75.

22. Маркевич А.И. Экскурсия на Мангуп / А.И. Маркевич // ИТУАК. – Симферополь: Крым, 1890. – Вып. 9. – С. 101-105.

Markevich A.I. Ekskursiya na Mangup / A.I. Markevich // ITUAK. – Simferopol': Krym, 1890. – Вур. 9. – С. 101-105.

23. Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики / А.Л. Якобсон. – Л.: Наука, 1970. – С. 19 (МИА; №168).

Yakobson A.L. Rannesrednevekovye sel'skie poseleniya Yugo-Zapadnoy Tavriki / A.L. Yakobson. – L.: Nauka, 1970. – С. 19 (МИА; №168).

24. Науменко В.Е., Душенко А.А., Корзюк Д.В., Моисеев Д.А., Чудин А.В. Исследование средневековых памятников Адым-Чокракской долины Крымских предгорий / В.Е. Науменко, А.А. Душенко, Д.В. Корзюк, Д.А. Моисеев, А.В. Чудин // Археологічні дослідження в Україні. 2013 р. – Київ: ІА НАНУ, 2014. – С. 70-71.

Naumenko V.E., Dushenko A.A., Korzyuk D.V., Moiseev D.A., Chudin A.V. Issledovanie srednevekovykh pamyatnikov Adym-Chokraskoy doliny Krymskikh predgoriy / V.E. Naumenko, A.A. Dushenko, D.V. Korzyuk, D.A. Moiseev, A.V. Chudin // Arkheologichni doslidzhennya v Ukraïni. 2013 r. – Київ: ІА НАНУ, 2014. – С. 70-71.

25. О ее итогах в целом см.: Науменко В.Е. Археологические исследования средневековых памятников Адым-Чокракской долины Крымских предгорий / В.Е. Науменко // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань: Отечество, 2014. – Т. III. – С. 302-306. Там же основная библиография работ.

Naumenko V.E. Arkheologicheskie issledovaniya srednevekovykh pamyatnikov Adym-Chokraskoy doliny Krymskikh predgoriy / V.E. Naumenko // Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani. – Kazan': Otechestvo, 2014. – Т. III. – С. 302-306.

26. Репников Н.И. Материалы к археологической карте Юго-Западного нагорья Крыма / Н.И. Репников // НА ИИМК. – Ф. №10. – Д. №10. – Рукопись. – 1939/1940 гг. – С. 245.

Repnikov N.I. Materialy k arkheologicheskoy karte Yugo-Zapadnogo nagor'ya Kryma / N.I. Repnikov // NAИМК. – Ф. №10. – Д. №10. – Rukopis'. – 1939/ 1940 gg. – С. 245.

27. Филиппенко-Коринфский А.А. Мыс оштукаренной крепости / А.А. Филиппенко-Коринфский // Таврические духовные чтения. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 140-летию открытия Таврической духовной семинарии. – Симферополь: Таврическая духовная семинария, 2013. – С. 372-375.

Filippenko-Korinfskiy A.A. Mys oshtukarennoy kreposti / A.A. Filippenko-Korinfskiy // Tavricheskie dukhovnye chteniya. Materialy Mezhdunarodnoynauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 140-letiyu otkrytiya Tavricheskoy dukhovnoy seminarii. – Simferopol': Tavricheskaya dukhovnaya seminariya, 2013. – С. 372-375.

28. Вус О.В. Ранневизантийский Limes в Северном Причерноморье: организация и структуры инженерной обороны / О.В. Вус // ВВ. – М.: Наука, 2013. – Т. 72. – С. 237-242.

Vus O.V. Rannevizantiyskiy Limes v Severnom Prichernomor'e: organizatsiya i struktury inzhenernoy oborony / O.V. Vus // VV. – M.: Nauka, 2013. – Т. 72. – С. 237-242.

29. Об их хронологии см.: Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И. Средневековые амфоры Херсонеса / И.А. Антонова, В.Н. Даниленко, Л.П. Ивашута, В.И. Кадеев, А.И. Романчук // АДСВ. – Свердловск: УрГУ, 1971. – Вып. 7. – С. 85 (ХК-71); Riley J. The Coarse Pottery from Berenice / J. Riley // Excavations at Sidi Khrebish Benghasi (Berenice). – Tripoli, 1979. – Vol. II. – P. 212-216; Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона / А.И. Романчук, А.В. Сазанов, Л.В. Седикова. – Екатеринбург: УрГУ, 1995. С. 16-20 (ХК-95).

Antonova I.A., Danilenko V.N., Ivashuta L.P., Kadeev V.I., Romanchuk A.I. Srednevekovye amfory Khersonesa / I.A. Antonova, V.N. Danilenko, L.P. Ivashuta, V.I. Kadeev, A.I. Romanchuk // ADSV. – Sverdlovsk: UrGU, 1971. – Вур. 7. – С. 85 (ХК-71); Riley J. The Coarse Pottery from Berenice / J. Riley // Excavations at Sidi Khrebish Benghasi (Berenice). – Tripoli, 1979. – Vol. II. – P. 212-216; Romanchuk A.I., Sazanov A.V., Sedikova L.V. Amfory iz kompleksov vizantiyskogo Khersona / A.I. Romanchuk, A.V. Sazanov, L.V. Sedikova. – Ekaterinburg: UrGU, 1995. – С. 16-20 (ХК-95).

Список сокращений

АДСВ – Античная древность и средние века

АО – Археологические открытия

БИАС – Бахчисарайский историко-археологический сборник

ИАК – Известия императорской Археологической комиссии
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной Академии наук Украины
ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры
НА ИИМК – Научный архив Института истории материальной культуры РАН
ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии
КГМУ – Крымский государственный медицинский университет
КОИВ НАНУ – Крымское отделение Института востоковедения им. А. Крымского Национальной Академии наук Украины
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК – Отчет императорской Археологической комиссии
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа
УрГУ – Уральский государственный университет

Preliminary results of complex interdisciplinary research Mangup settlement and its surroundings in 2015: traditional objects of archaeological study and new projects / Gertsen A., Naumenko V., Dushenko A., Korzyuk D., Lavrov V., Smekalova T., Shvedchikova T., Chudin A. // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Historical Science. – 2015. – Vol. 1, No. 2. – P. 3–28.

The article is devoted to preliminary results of interdisciplinary archaeological research of Mangup settlement in 2015. Traditional object of excavation was palace of the principality of Theodoro (1425-1475). In the project "Population Doros-Theodoro on the results of comprehensive archaeological and anthropological analysis of cemeteries of Mangup settlement (IV-XVII C.)" was started the excavations of the church of St. George (XIV-XVI C.). Another new project of the expedition is "The historical topography of the country Dori in the South-Western Crimea. Complex archaeological and geophysical studies". It aims to strengthen the study of archaeological neighborhood of Mangup. In this year conducted excavations of «basilica Markevicha» (IX-X C.) and the pottery center Suatkan at Adym-Chokrak valley, to south of Mangup. The most distant object of excavations was the early byzantine fortress Sivag-Kermen in the middle reaches of the river Belbek (VI C. AD).

Keywords: South-Western Crimea, Tavrika, Mangup, country Dori, Doros, principality of Theodoro, Adym-Chokrak valley, palace, church of St. George, basilica Markevicha, Suatkan, pottery center, Sivag-Kermen

УДК: 908 (=112.2) «18/19»

ВКЛАД НЕМЦЕВ В РАЗВИТИЕ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КРЫМА В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Задерейчук И. П.

*Крымский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации, г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: zadereychuk@rambler.ru*

Рассматривается история развития пищевой промышленности Крыма и влияние немцев на ее становление и развитие. Указываются особенности создания и деятельности мукомольных предприятий в немецких хозяйствах полуострова. Прослежен их вклад в народное хозяйство региона. Раскрыта история функционирования в Симферополе фабрики товарищества «Эйнем». Охарактеризована деятельность завода по производству пива.

Ключевые слова: российские немцы, Крым, фабрика «Эйнем», пивоварение.

Современная экономическая политика крымской власти направлена на привлечение отечественных и иностранных инвестиций, прежде всего, в развитие туристической сферы. Однако на рубеже тысячелетий отмечается динамика увеличения капиталовложений в сельское хозяйство. Происходят позитивные изменения в финансировании крымского садоводства. Естественно, что успех развития сельского хозяйства зависит не только от наличия рынков сбыта и специализированных хранилищ, но и расположение перерабатывающих заводов. Сегодня приходится констатировать практическое отсутствие предприятий данного профиля в Крыму. При этом исторический опыт конца XIX – начала XX в. свидетельствует о том, что сырьевая база полуострова позволяла обеспечить развитие местных перерабатывающих предприятий.

Среди отраслей промышленности, на развитие которых повлияли немцы Крыма, главное место занимала мукомольная. Это стало возможным благодаря доминированию в сельском хозяйстве Крыма во второй половине XIX – начале XX вв. зерновых культур, под которые отводились значительные земельные участки. Урожай зерновых влияли на развитие мельничного производства на полуострове.

Общеизвестно, что для строительства мельниц не требуется привлечение значительных средств и рабочей силы, покупки дорогостоящего оборудования [1, с. 321]. В частности, одной из особенностей мукомольной промышленности Крыма в конце XIX – начале XX вв., которая была характерна, в том числе и для немцев, – является строительство указанных предприятий в крупных частных хозяйствах. К сожалению, сегодня сложно проследить динамику развития немецкой мукомольной промышленности в крымском регионе. Однако учитывая тот факт, что немцы компактно проживали в Перекопском, Евпаторийском, Симферопольском и Феодосийском уездах, а также опираясь на ежегодные сведения налогообложения различных промыслов для перечисления сборов в пользу уездных и губернского земств, существует возможность приблизительно воссоздать развитие мукомольной отрасли в Крыму и место в ней немцев.

Пользуясь выявленными источниками, можно привести определенную динамику и предположения о влиянии немцев на развитие мукомольного дела в Крыму. Прежде всего, опираясь на финансовые отчеты земств, надо выяснить примерное количество мельниц у немцев и их процентное отношение к общей численности этих производств в уездах. В частности, в Симферопольском уезде в 1911 г. действовало 6 паровых мукомольных предприятий и 14 ветряных, которые принадлежали немцам, а в процентах они имели 37,5 % и 24 % соответственно от общей их численности [2, л. 5]. В Евпаторийском уезде только в 1900 г. было 7 предприятий, работавших на паровых двигателях, и 18 использовали силу природы [3]. Тем не менее, значительная часть мельниц из приведенной общей численности обслуживали лишь потребности в помоле собственных хозяйств и окружающего населения, а, следовательно, промышленного значения не имели. Подтверждением этому могут служить данные по Табулдинской волости Симферопольского уезда. В 1911 г. на территории этой административно-территориальной единицы всего проживало 2794 человек: из них немцев – 929 человек (меннонитов – 424, лютеран – 350, католиков – 155) [4, л. 35] и действовало 5 мельниц, владельцами которых были исключительно немцы. В с. Карасан было три мельницы: первый владелец Ф. И. Крикер имел ветряную мельницу, которая перерабатывала в сутки 280 пудов зерна. Стоимость 1 пуда составляла 4 коп., в результате чего годовой доход этого мельничного предприятия достигал 150 руб.; К. П. Тевсу принадлежала мельница с использованием керосиновых двигателей, которая перерабатывала 300 пудов. Стоимость помола одного пуда составляла 5 коп., а годовая выручка оценивалась земством в 200 руб. в год; И. Я. Реймер имел предприятие, которое работало на газогенераторном двигателе в четыре осанки с занятостью в 6 рабочих и одной крупорушки. Производственные мощности составляли 350 пудов в сутки со стоимостью одного пуда 8 коп., а годовой доход – 2000 руб. В с. Табулды действовала паровая мельница, владельцем которой был Г. Бер. Им перерабатывалось 120 пудов зерна стоимостью 4 коп. за пуд, а годовой доход составлял 700 руб. В поселке Новоселье действовала мельница К. П. Ведель с использованием нефтяного двигателя. На нем суточная переработка равнялась 175 пуд. Стоимость 1 пуда составляла 4 коп., а годовой доход – 300 руб. [4, л. 38–39]. Приведенные данные по Табулдинской волости свидетельствуют, что немецкое мукомольное производство имело, прежде всего, региональное значение. Оно рассчитывалось на обслуживание нужд собственной общины и окружающего населения. Кроме того, в начале XX в. сложилась устойчивая динамика по оснащению предприятий новейшими достижениями технического прогресса.

По состоянию на 1914 г. численность мельниц на полуострове фиксируем благодаря данным приведенным в адрес-календаре Таврической губернии на 1915 г. В частности, в нем мукомольные предприятия по уездам распределялись следующим образом: Евпаторийский уезд имел 44 мельницы с паровым двигателем и 88 на водяной, ветряной и конной тяге; Перекопский уезд – 34 и 87; Симферопольский уезд – 16 и 57; Феодосийский уезд – 4 и 38 соответственно [5, с. 144–145]. В целом, в четырех уездах насчитывалось 368 мельниц, которые вошли в статистические отчеты. К сожалению, при осуществлении публикации в статистических сборниках национальный срез владельцев не осуществлялся. Однако используя данные, приведен-

ные в статистических таблицах Ф. Н. Андриевского, можно приблизительно выделить количество немецких сел по четырем упоминавшимся выше уездами, а именно около 150 [6]. Даже если предположить, что в каждой колонии существовала мельница, то относительная цифра к общей численности составит 40 %. Полученные данные не позволяют полностью воспроизвести ситуацию по развитию мельниц, но демонстрируют примерные ее масштабы. В основном цифра 40 % соответствует тем масштабам земельных и посевных площадей, которые имели немцы в Перекопском, Евпаторийском, Феодосийском и Симферопольском уездах.

Таким образом, приведенные статистические данные позволяют сделать вывод о том, что немецкое мельничное производство занимало важное место в экономике полуострова. В отдельных районах они в основном выступали монополистами, например в Перекопском. Такая ситуация вполне соответствует тем масштабам выращивания озимой пшеницы, которая была главным сырьем для работы мукомольных предприятий.

В развитии мукомольной отрасли можно выделить несколько периодов: первый – 1804 – конец 80-х гг. XIX в., второй – конец 80-х – 1914 гг., третий датируется 1914 – 30-е гг. XX в. Такое внимание к мельницам в начале XIX в. было продиктовано здравым прагматизмом (обеспечение колонии собственной мукой для удовлетворения потребности в хлебобулочных и макаронных изделиях) и исторической традицией, сложившейся на Родине. Вместе с тем основанные колонии находились на определенном расстоянии друг от друга, а рассчитывать на мощности мельниц окружающих поселений других национальных групп полуострова не приходилось. Прежде всего, из-за незнания языка и недоверия к немцам со стороны местного населения. Поэтому каждая община имела интерес в строительстве собственного помещения, чтобы обеспечить свое первоочередное обслуживание и свести к минимуму затраты на транспортировку. При таких обстоятельствах в основанных в начале XIX в. колониях были построены мельницы, которые находились в их собственности [7, с. 295–305]. Согласно статистическим данным, собранным наблюдателями колоний, на 1825 г. у немцев Крыма действовало 4 водяных и 1 мельница с использованием силы ветра. Они располагались в крупнейших немецких поселениях: Нейзац, Фриденталь, Розенталь, Кроненталь, Цюрихталь [8]. Технический прогресс, который имел место во второй половине XIX – начале XX вв., повлиял и на состояние мельниц в Крыму. В 80-х гг. XIX в. немцы были одними из первых, кто массово использовал новейшие технологии: паровые и нефтяные двигатели, газогенераторные котлы. Такой подход к делу привел к росту производительности переработки зерновых в двадцать раз. Также произошло изменение технологии мукомольной отрасли: переход от жернова к вальцовой системе помола [9, с. 115–117]. Пионерами выступили крымские меннониты. Одним из первых был Иоганн Абрамович Браун, который в 1889 г. начал работу по оборудованию своей мельницы в поселке Кара-Чокмак Григоривской волости Перекопского уезда паровым двигателем [10, л. 3]. В этом же году Генрих Яковлевич Шпехт получил разрешение на строительство паровой мельницы в поселке Орджак-Джаба Перекопского уезда [11, л. 2]. В 1890 г. таким двигателем были оборудованы мельницы в хозяйствах Готлиба Люца [12, л. 9] и Якова Герта в Евпаторийском уезде [13, л. 1], Августа Титца в поселке Кулар

Кипчак Перекопского уезда [14, л. 2]. Указанные примеры иллюстрируют рост заинтересованности немецких предпринимателей в применении новейших технологий в развитии мукомольной отрасли. Конечно, такой подход диктовался здоровым прагматизмом: независимость от силы ветра, высокие перерабатывающие возможности, а также стремительными темпами роста площадей отведенных под озимую пшеницу и другие злаковые культуры в Крыму, ростом спроса на муку.

Наряду с существованием мелких мельниц, рассчитанных на обслуживание нужд сельской общины и личных подворий, в середине 80-х гг. XIX в. немецкое мельничное производство в Крыму начинает получать и промышленное значение. На такое положение дел повлияло стремительное строительство инфраструктуры (железной дороги, портов) и переориентация сельского хозяйства на выращивание озимой пшеницы, чего ранее не наблюдалось.

В конце XIX в. немцами Крыма создаются специальные общества для строительства мельниц, рассчитанных на промышленные обороты. Одна из первых подобных мельниц была построена в поселке Спат в 1895 г. Петром Давидовичем Унру. В начале XX в. на ней работало 30 рабочих. Предприятие было оснащено современным для тех лет техническим оборудованием [15] и имело немалые годовые прибыли. Например, в 1910 г. было произведено продукции на 343000 руб. [1, с. 626]. На время национализации мельница П. Унру считалась одним из мощных мукомольных предприятий в Симферопольском округе и в Крыму. На нем производилось более 400 тыс. пудов муки в год [16, л. 49–60.].

В 1896 г. при селении Барак Владиславской волости Феодосийского уезда было также основано мукомольное предприятие, для управления которым немцы образовали специальное общество. В его состав вошли: В. А. Губер, В. В. Губер, К. Х. Рапп, Я. И. Люзе, А. А. Нус, Х. А. Нус. Паровая мельница в 1917 г. по своим мощностям в сутки могла перерабатывать до 500 пудов зерна [17].

Мощная мельница существовала и при железнодорожной станции Сарабуз Симферопольского уезда. Ее учредителями выступили жители поселка Спат Камбарский волости Евпаторийского уезда братья Лангеман, братья Вал и Иоганн Фридрихович Тевс [18, л. 2]. Они на собственной земле в 1898 г. выстроили крупнато-вальцовую мельницу [19, л. 28]. В 1909 г. среднесуточная переработка зерна составляла 2000 пудов [1, с. 625], а среднегодовой доход предприятия в 1915–1916 гг. оценивался в 180 000 руб. [20, л. 11].

Среди крупных предприятий следует назвать и мельницу на станции Ички Феодосийского уезда, которая принадлежала Абраму Ивановичу Дику. В 1912 г. на нем работало шесть рабочих. Дику же принадлежала мельница в поселке Анновка Перекопского уезда. В 1910 г. на предприятиях было произведено 55000 пудов муки, в то время как на других предприятиях переработка зерновых шла менее 10 тыс. Пудов [1, с. 626].

Таким образом, период с конца 80-х гг. XIX в. и до начала Первой мировой войны 1914 г. – это время наибольшего подъема немецких мукомольных предприятий. Немцы в этот период создали разветвленную сеть мельниц, которые в большей степени использовались для обслуживания потребностей населения колоний. Однако и в промышленном мукомольном производстве немцы также оставили свой

след. Конечно, объемы производимой продукции были значительно меньше, чем в материковых уездах, но это было связано, прежде всего, с экспортным ориентированием крымского зерна и незначительными ресурсами, которые местные производители направляли для переработки на мельницы.

Начало Первой мировой войны вызвало серьезные изменения в развитии мукомольной отрасли. Принятие государством ликвидационных законов привело к неизбежному сокращению посевных площадей у немцев, ликвидации отдельных хозяйств, на которых находились частнособственнические мельницы. Годы гражданской войны, политики продовольственной разверстки и национализация мукомольных предприятий привели к потере немцами своих предприятий в конце 1920 г.

Таким образом, суммируя вышесказанное, можно утверждать о том, что немцы внесли заметный вклад в развитие мукомольной отрасли в Крыму. Благодаря их стараниям была создана разветвленная система мельниц, что стимулировало крестьян к увеличению посевных площадей, проведению сортовой селекции и прочим мероприятиям, направленным на повышение производительности в сельскохозяйственном производстве. К сожалению, установление советской власти свело на нет все достижения, в том числе и немецкого мукомольного производства.

Вторая половина XIX в. ознаменовалась в Российской империи структурной перестройкой экономики. В это время происходит стремительное развитие новых отраслей: доступная косметология, сахароварение, а также производство различных сладостей. В последнем виде промышленности лидерство принадлежало нескольким крупным торговым домам, среди которых выделялась фабрика, принадлежавшая товариществу «Эйнем».

Названа она в честь Фердинанда фон Эйнема; немца, который в 1850 г. приехал в Москву из Вюртемберга и занялся производством входящего в моду пиленого сахара. Спустя год на вырученные деньги он открыл на Арбате мастерскую по производству конфет и шоколада. Федор Карлович (как он стал именоваться в Российской империи) выписывал оборудование и специалистов-кондитеров из Европы. Фирма выпускала монпансье, карамель, шоколад и даже английскую диковинку – бисквит, и все это – отменного качества [21, с. 84].

В справочнике «Фабрично-заводские предприятия Российской империи» об этом факте была сделана следующая запись: «Эйнемъ. Товарищество паровой фабрики шоколадных конфетъ и чайных печений. Год основания 1867». К этому времени фирма имела награды, полученные на всероссийских мануфактурных выставках: бронзовую медаль 1864 г. (г. Одесса), серебряную медаль 1865 г. (г. Москва) [22].

В 1900 году на Всемирной выставке в Париже за огромный ассортимент и превосходное качество шоколада фабрика «Эйнемъ» получила самую высокую награду – Гран-при. С 1913 года фабрика удостоилась чести стать поставщиком двора Его Императорского Величества [22].

У Фердинанда Эйнема не было наследников, и после его смерти в 1878 году руководство предприятием перешло его компаньону Юлиусу Гейсу. Он принял решение оставить название компании без изменений. В 1903 г. собственниками Товарищества «Эйнем» состояли московский купец 1 гильдии Ю. Ф. Гейс и его сыновья

В. Ю. Гейс и Ю. Ю. Гейс. Это акционерное общество производило в Москве шоколад, конфеты и печенье к чаю [23, с. 424–426].

История кондитерской фабрики «Эйнем» тесным образом связана с Крымом. Ведь общеизвестно, что предприимчивые немцы очень хорошо разбирались в рыночной конъюнктуре. Они осознавали, что необходимо осваивать новые рынки, расширять ассортимент. В этой связи стало актуальным для Ю. Ф. Гейса обращение внимания на возможности крымской экономики, а особенно его садоводства. Кроме того, к 80-м гг. XIX в. весь юг уже был покрыт сетью железных дорог, динамично развивались порты, а следовательно, такая транспортная инфраструктура обеспечивала улучшение перевозки, возможности скорейшей доставки в центр скоропортящейся продукции. В указанный период наблюдалась тенденция к росту косточковых насаждений в Крыму: черешен, вишен, слив и абрикосов [24, с. 299].

Все указанное позволяло, по мнению Юлия Федоровича Гейса, рассчитывать на выгодное капиталовложение. Тем более, к 80-м гг. XIX в. на полуострове уже функционировало консервное предприятие главного конкурента компании «Эйнем» – товарищество братьев «Абрикосовых». Поэтому Ю. Ф. Гейс в 1880 г. арендовал вблизи Симферополя возле р. Салгир постройки для изготовления глазированных фруктов и компотов фирмы Эйнем [25, л. 4.]. Прибыльность предприятия, наличие сырьевой базы и поддержки со стороны местных властей, рабочей силы убедило предпринимателя Ю. Ф. Гейса вкладывать деньги в развитие перерабатывающего производства в Крыму.

Уже 11 октября 1883 г. он приобрел в личную собственность у вдовы поручика Надежды Тимофеевны Чабовской фруктовый сад на речке Салгир, близ города Симферополя, площадью 2 дес. 120 кв. 11 мая 1887 г. землю вместе с каменным двухэтажным домом и служебными помещениями, а также прочими угодьями Ю. Ф. Гейс продал высочайше утвержденному товариществу «Эйнем». Сделку от имени предприятия заключили директора вюртембергскоподданный Ю. Ю. Гейс и прусскоподданный К. Ф. Профет. Цена сделки составила 17 тыс. 800 руб. серебром [26, л. 1–2].

В последующие годы руководители предприятия продолжили расширять свою территорию за счет покупки соседних земель. Например, 5 февраля 1897 г. товарищество «Эйнем» купило у вдовы статского советника Терезы Федоровны Гасгаген и дворянки Софьи Федоровны Гюбнер из состава собственно принадлежащего им имущества на правой стороне р. Салгир участок земли в размере 1690 кв. саж. за 3 тыс. 380 руб. серебром. Еще ранее этой землей владел Федор Мюльгаузен, купив ее при переезде в Крым в 1819 г. [26, л. 11–12].

Приобретя земельный участок в Симферополе, Ю. Ф. Гейс обратился в Таврическое губернское правление за разрешением на открытие за городом паровой кондитерской фабрики. 19 декабря 1883 г. он получил на это право, что позволило начать строительство предприятия в 1884 г. [27, л. 199]. Главной специализацией нового завода, в отличие от Московской фабрики, стало изготовление глазированных фруктов, консервов и компотов [28], а также различного варенья, пюре, цукатов. Специально для их производства на предприятии было выстроено четыре цеха: фрукто-

вый, компотный, томатный и паяльный (для закатывания в жестяные банки готовой продукции) [29, л. 39].

В период 1905–1908 гг. на крымском предприятии производились компоты из абрикоса, ренклода, персика, мирабела, груши, черешни белой, черешни розовой, вишни анадольской, сливы, кизила, даже ананаса. Пюре изготавливали из абрикоса, айвы, сливы, ренклода, кизила [30]. За этот период на предприятии в Симферополе были произведены также: фрукты цукат, фрукты дыня в ящиках, фрукты арбузы в ящиках, айва, яблоки, фрукты апельсины в ящиках, фрукты лимоны, фрукты абрикосы в бочках, фрукты рейнклоды, фрукты вишня испанка, черешня белая и розовая в бочках, сливы и груши в бочках, мирабела в бочках и жестянках, помаранцы в бочках и жестянках, фрукты винная ягода в бочках и жестянках [30]. Указанная продукция сбывалась в основном в таких городах как Москва, Санкт-Петербург, Киев, Рига, Ревель, Одесса, а также направлялась на фабрику «Эйнем» в Москве.

Масштабы деятельности предприятия в Крыму можно проследить не только по ассортименту продукции, но и по количеству задействованных на производстве рабочих, объемам изготовленной продукции и сумме прибыли.

Согласно данным Симферопольского полицмейстера от 20 июля 1885 г., в сезон на предприятии работало 6 мастеров и от 10 до 100 чернорабочих, преимущественно женщины [25, л. 4]. В 1887 г. на фабрике в Симферополе насчитывалось 46 рабочих [31, л. 191 об.], в 1889 г. – 31 человек, из них 25 женщин [32, л. 14–15], в 1891 г. уже числилось 45 человек [33, л. 7 об.], в 1909 г. – 93 человека [28], а накануне революционных событий 1917–1920 гг. числилось до 400 чел. [34, л. 172]. Динамика изменения количества трудящихся зависела как от урожайности, так и от масштабов деятельности фабрики. Именно увеличением производительных мощностей, ростом рынков скупки сырья и продажи продукции объясняются увеличения численности занятых работников на предприятии в начале XX в. Также 400 рабочих накануне 1917 г. связано с включением в нее сезонных рабочих, которых набирали для обработки больших партий фруктов, поступавших на предприятие в июне – сентябре

В 1885 г. прибыль предприятия составила около 50000 руб. [25, л. 4]. В 1887 г. на фабрике в Симферополе изготовили продукции на 83500 руб.: от продажи фруктовых конфет в размере 3000 пудов заработали 75000 руб.; варенье фруктовое и ягодное желе дало 500 пудов в год, и предприятие выручило 8500 руб. В 1887 г. произвели 500 пудов сиропа на сумму 1000 руб. [31, л. 181 об.].

В 1889 г. фабрика товарищества Эйнем произвела фрукты сушеной в размере 700 пуд., томатов 630 пуд. и разных консервов 400 пуд. Всего предприятию удалось выручить 29000 руб. [32, л. 14–15.]. В 1909 г. на фабрике изготовили продукции на 211000 руб. [28]. За более чем двадцатилетнее существование фабрики в Симферополе наметилась динамика роста ее рентабельности.

Начало войны в 1914 г. отрицательно сказалось на развитии предприятия. В январе 1918 г. отмечалось, что за период 1914–1917 гг. фабрика вынуждена была ежегодно сокращать объемы переработки. Если в 1914–1916 гг. это было связано с антинемецкой политикой государства, то в 1917 г. возникли сбои из-за отсутствия по-

ставок сахара и жести, а также расстройств в работе транспорта. В результате предприятие ограничилось переработкой небольшого количества помидоров и работало лишь в течение 6 недель, а остальное время бездействовало [35].

Руководство крымской фабрики в годы Первой мировой войны принимало активное участие в помощи государству. Например, товарищество «Эйнем» 8 декабря 1915 года предоставило безвозмездно в распоряжение Симферопольского городского военно-промышленного комитета жестяночную и столярную мастерскую со всеми инструментами, приборами и машинами для выполнения комитетом военных заказов на срок до 1 января 1917 г. [36, л. 4].

Симферопольское отделение фабрики «Эйнем» занималось и благотворительной деятельностью. На протяжении многих лет они выплачивали ежегодные пожертвования в пользу местного евангелического училища в размере 25 руб. Среди других примеров следует назвать помощь, оказанную в 1916 г. «Обществу помощи бедным полякам», – 15 руб., детский очаг получил 75 руб., на всех женщин, проработавших на фабрике до февраля, в честь Пасхи было выплачено помощи в размере 389 руб. [37, л. 80–125].

В итоге следует отметить, что фабрика товарищества «Эйнем», действовавшая в Крыму на протяжении 1884–1918 гг., внесла неоценимый вклад в развитие перерабатывающей промышленности региона, стимулировала качественный рост фруктовых садов крымских долин, популяризовала полуостров среди жителей Российской империи. Профессионализм немцев-руководителей привел к тому, что продукция фабрики «Эйнем» в Симферополе достигла высшего качества в начале XX в. и с успехом конкурировала с импортными аналогами.

Помимо развития мукомольного производства и строительства в Симферополе консервного завода, крымские немцы уделяли внимание и созданию небольших перерабатывающих предприятий. Они имели большую славу среди жителей и гостей полуострова во второй половине XIX – начале XX в. Прежде всего, стоит отметить пивоварню, которая принадлежала Матвею Альменфергеру и Фердинанду Гамму. Одни из первых упоминаний об этом предприятии относятся к 80-м гг. XIX в. Уже к 1891 г. в пивоварне работало 5 рабочих [33, л. 10], а к 1912 г. на производстве было задействовано уже более 20 человек [38, с. 243].

К началу XX в. дела на предприятии шли настолько хорошо, что Фердинанд Гамм в мае 1908 г. обратился в строительный комитет Таврического губернского правления о разрешении постройки нового завода вместо старого, пришедшего в ветхое состояние. Согласно поданной документации, проситель планировал изготавливать пиво, используя современный керосиновый двигатель системы «Аванс». Освещение предприятия должно было осуществляться динамо-машиной на 120 вольт.

Интересные для того времени новшества Ф. Гамм предлагал касательно использования отходов от производства. Он планировал отработанную воду с пивоваренного завода спускать по керамическим трубам в биологический фильтр, который хотел разместить в саду. Сам фильтр был рассчитан на прием трех кубов отходов. Он представлял собой резервуар, построенный из бута. Внутри оштукатуренное и отполированное дно, стены и крыша. Сам резервуар делился на три отсека, с по-

следнего вода после отстоя должна была выкачиваться в сад. Это как обеспечивало полив деревьев, так и снимало проблему загрязнения окружающей среды [39, л. 6].

После проведенной модернизации на заводе были установлены 14 деревянных бродильных чана общей емкостью 3500 ведер, сушвареный котел на 457 ведер и заторный чан емкостью 300 ведер. На заводе изготавливали следующие сорта пива: венское, царское и пильзенское. Больше всего делали венского и продавали по 85 коп. за ведро. пильзенское пиво стоило дороже – по 1 руб. за ведро [40, л. 121–123].

В начале XX в. главным технологом на предприятии был выпускник академии в Аугсбурге (Бавария). Благодаря имевшимся у него европейским знаниям, выпускаемая продукция пользовалась спросом как среди местных жителей, так и у приезжих. Подтверждением тому может служить рост рентабельности завода и проводимая модернизация. К примеру, в 1909 г. прибыльность пивоварни составила более 46000 руб. [28], что по тем временам было немалой сумой для г. Симферополя.

Немцы, проживая на территории Крыма, оставили значительный след не только в области науки, управления, но и оказали влияние на развитие хозяйственного комплекса региона. Прежде всего, им удалось создать разветвленную сеть мукомольных предприятий, которые были рассчитаны на помол зерновых жителей своего поселка и окружающих сел. С ростом урожайности зерновых, строительством железной дороги немцы стали пионерами по созданию крупных перерабатывающих предприятий. Фактически в области мукомольного производства в начале XX в. они вышли на лидирующие позиции по сравнению с другими этническими группами полуострова. Составляя менее 10 процентов населения, немцы владели серьезными перерабатывающими мощностями, которые во многом определяли состояние мукомольного дела в Крыму.

Итак, начиная со второй половины XIX в. полуостров стал привлекательным не только для местных хозяев перерабатывающей промышленности, но и для внешних инвестиций. В частности, в регион пришла крупная перерабатывающая фирма «Эй-нем». Она специализировалась на консервации фруктов, что способствовало не только созданию новых рабочих мест, пополнению местного бюджета путем уплаты в него налогов, но и стимулировало развитие садоводческой отрасли в регионе, перевод садоводства и огородничества в Крыму в промышленные масштабы. Немцы внесли значительный вклад и в развитие крымского пивоварения. Фактически созданная ими пивоварня в Симферополе стала одной из крупнейших не только в Крыму, но и на Юге России.

Таким образом, представители немецкой этнической группы Крыма занимались активной деятельностью по развитию пищевой промышленности в регионе. Благодаря своим умелым действиям, применению передовых технологий, изучению потребностей рынка им удавалось быть пионерами во многих начинаниях, привлекать средства и развивать народное хозяйство региона.

Список использованных источников и литературы

1. Венгер Н. В. Меннонитское предпринимательство в условиях модернизации Юга России: между конгрегацией, кланом и российским обществом (1789–1920): монография / Н. В. Венгер. – Днепропетровск, 2009. – 696 с.

- Venger N. V. Mennonitskoe predprinimatelstvo v usloviyah modernizatsii Yuga Rossii: mezhdru kongregatsiy, klanom i rossiyskim obschestvom (1789–1920): monografiya / N. V. Venger. – Dnepropetrovsk, 2009. – 696 s.
2. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. 61, оп.1, д. 283.
Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (GARK), f. 61, op.1, d. 283.
 3. ГАРК, ф. 528, оп. 2, д. 11.
GARK, f. 528, op. 2, d. 11.
 4. ГАРК, Ф. 477, оп. 2, д. 45.
GARK, F. 477, op. 2, d. 45.
 5. Памятная книжка Таврической губернии на 1915 год. – Симферополь, 1915. – 392 с.
Pamyatnaya knizhka Tavricheskoj gubernii na 1915 g. – Simferopol, 1915. – 392 s.
 6. Статистический справочник Таврической губернии / сост. Ф. Н. Андриевский под ред. М. Е. Бененсона. – Симферополь, 1915. – Вып. 4–7. – 96, 82, 186, 96 с.
Statisticheskiy spravochnik Tavricheskoj gubernii / sost. F. N. Andrievskiy pod red. M. E. Benenisona. – Simferopol, 1915. – Вып. 4–7. Perekopskiy uезд. – 96, 82, 186, 96 s.
 7. Постановления Симферопольского уездного земского собрания созыва 1867 г. с приложением докладов уездной земской управы. – Симферополь: Тип. С. Спиро, 1867. – 316, 88 с.
Postanovleniya Simferopolskogo uездnogo zemskogo sobraniya sozyiva 1867 g. s prilozheniem dokladov uездnoy zemskoy upravyy. – Simferopol: Tip. S. Spiro, 1867. – 316, 88 s.
 8. Leibbrandt S. G. Deutsche Bauernleistung am Schwarzenmeer. – Leipzig 1942. – 108 s.
 9. Белікова М. В. Менонітські колонії Півдня України (1789–1917 рр.): дис.... канд. іст. наук. – Запоріжжя, 2005. – 266 с.
BElikova M. V. Menonitski koloniyi Pivdnya Ukraini (1789–1917 rr.): Dis... kand. ist. nauk. – ZaporiZhzhya, 2005. – 266 s.
 10. ГАРК, ф. 27, оп.13, д. 1906.
GARK, f. 27, op.13, d. 1906.
 11. ГАРК, ф. 27, оп. 13, д. 1924.
GARK, f. 27, op. 13, d. 1924
 12. ГАРК, ф. 27, оп. 13, д. 1938.
GARK, f. 27, op. 13, d. 1938.
 13. ГАРК, ф. 27, оп. 13, д. 1980.
GARK, f. 27, op. 13, d. 1980.
 14. ГАРК, ф. 27, оп. 13, д. 1890.
GARK, f. 27, op. 13, d. 1890.
 15. ГАРК, ф. 507. оп. 1, д. 4.
GARK, f. 507. op. 1, d. 4.
 16. ГАРК, ф. Р-137, оп. 1, д. 157.
GARK, f. R-137, op. 1, d. 157.
 17. Памятная книжка Таврической губернии на 1917 год. – Симферополь, 1916. – 275 с.
Pamyatnaya knizhka Tavricheskoj gubernii na 1917 g. – Simferopol, 1916. – 275 s.
 18. ГАРК, ф. 27, оп.13, д. 3766.
GARK, f. 27, op.13, d. 3766.
 19. ГАРК, ф. Р-219, оп. 1, д. 330.
GARK, f. R-219, op. 1, d. 330.
 20. ГАРК, ф. 34, оп. 1, д. 107.
GARK, f. 34, op. 1, d. 107.
 21. Михалкова О. С золотой головой на плечах // Родина. – 2007. – № 1. – С. 83–84.
Mihalkova O. S zolotoy golovoju na plechah // Rodina. – 2007. – № 1. – S. 83–84.
 22. «ЭЙНЕМ» с 1851года Товарищество паровой фабрики шоколада, конфет и печений – Москва // http://www.kudvic.ru/gallery_12/
«JeJNEM» s 1851goda Tovarishhestvo parovoj fabriki shokolada, konfet i pechenij – Moskva // http://www.kudvic.ru/gallery_12/
 23. Указатель действующих в империи акционерных предприятий / Под общей ред. В. А. Дмитриева-Мамонова. – СПб.: Тип. И. Гольдберга, 1903. – 2007 с.

Ukazatel deystvuyuschih v imperii aktsionnykh predpriyatiy / Pod obschey red. V. A. Dmitrieva-Mamonova. – SPb.: Tip. I. Goldberga, 1903. – 2007 s.

24. Россия: полное географическое описание нашего отечества / под общей редакцией П. Семенова-Тян-Шанского. – СПб., 1910. – Т. XIV. – 983 с.

Rossija: polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva / pod obshhej redakciej P. Semenova-Tjan-Shanskogo. – SPb., 1910. – Т. XIV. – 983 s.

25. ГАРК, ф. 27, оп. 13, д. 8036.

GARK, f. 27, op. 13, d. 8036.

26. ГАРК, ф. 27 оп. 13, д. 1695.

GARK, f. 27 op. 13, d. 1695.

27. ГАРК, ф. 99, оп.1, д. 1.

GARK, f. 99, op.1, d. 1.

28. Фабрично-заводские предприятия Российской империи / Сост. Л. К. Езиоранский. – СПб.: Торговый дом А. Сорока, 1909. – 1005 с.

Fabrichno-zavodskie predpriyatiya Rossiyskoy imperii / Sost. L. K. Ezioranskiy. – SPb.: Torgovyy dom A. Soroka, 1909. – 1005 s.

29. ГАРК, ф. 99, оп. 1, д. 46.

GARK, f. 99, op. 1, d. 46.

30. ГАРК, ф. 99, оп. 1, д. 14.

GARK, f. 99, op. 1, d. 14.

31. ГАРК, ф. 197, оп. 1 д. 445.

GARK, f. 197, op. 1 d. 445.

32. ГАРК, ф. 197, оп. 1, д. 464.

GARK, f. 197, op. 1, d. 464.

33. ГАРК, ф. 197, оп. 1, д. 478.

GARK, f. 197, op. 1, d. 478.

34. ГАРК, ф. Р-1932, оп. 1, д. 12.

GARK, f. R-1932, op. 1, d. 12.

35. ГАРК, ф. Р.1733, оп. 1, д. 119

GARK, f. R.1733, op. 1, d. 119

36. ГАРК, ф. 99, оп. 1, д. 43.

GARK, f. 99, op. 1, d. 43.

37. ГАРК, ф. 99, оп. 1, д. 46.

GARK, f. 99, op. 1, d. 46.

38. Список фабрик и заводов российской империи / Под ред. В. Е. Варзара. – СПб.: Тип В. Ф. Киршбаума, 1912. – 718 с.

Spisok fabrik i zavodov rossiyskoy imperii / Pod red. V. E. Varzara. – SPb.: Tip V. F. Kirshbauma, 1912. – 718 s.

39. ГАРК, ф. 27, оп. 13, д. 3756.

GARK, f. 27, op. 13, d. 3756.

40. ГАРК, ф. 211, оп. 1, д. 16.

GARK, f. 211, op. 1, d. 16.

Zadereychuk I. P. Contribution of germans to development of food industry in Crimea XIX – the first third XX century // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Historical Science. – 2015. – Vol. 1, No. 2. – P. 29–40.

Examined issues of the milling industry of the Germans in Crimea XIX – the first third of the twentieth century. The causes of the construction of mills. Analyzed the main periods of a miller. The causes and characteristics of the spread of new technologies. Studied the dynamics of change in the number of mills and their percentage compared to other nationalities. Revealed regional characteristics of the mills. The reasons of the use of new technologies. Disclosure Policy of Soviet power in the matter of the mills, including the Germans. Argues that the First World War and the establishment of Soviet power had a negative impact on the position of the mill case of the Germans. Separately studied large enterprises that belonged to the Germans. It is proved

that the Germans were the pioneers in the application of advanced technology in the milling business. In places where the Germans managed to become a monopoly in the organization of processing wheat.

The history of creation and development of cannery of Eynem association on the territory of the Crimea is considered in the article. It is analyzed the product range, dynamics of increase in number of workers, profitability of the enterprise.

Keywords: Russian Germans, Crimea, factory «Eynem».

УДК 281.9+323.35:351.853(477.75)

**МАТЕРИАЛЫ ОБ АРХИЕПИСКОПЕ ТАВРИЧЕСКОМ
ИННОКЕНТИИ (БОРИСОВЕ) НА СТРАНИЦАХ
«ХЕРСОНСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ»**

Калиновский В.В.

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: kalinovskiy@ukr.net*

Проанализированы публикации журнала «Херсонские епархиальные ведомости» и «Прибавления» к ним, содержащие ценную информацию, отражающую разные стороны деятельности выдающегося церковного деятеля – архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (Борисова). Определена тематика и специфика данных материалов. Установлено, что огромное значение для реконструкции биографии архипастыря имеют опубликованные в издании источники личного происхождения, такие как переписка и мемуары.

Ключевые слова: Иннокентий (Борисов), «Херсонские епархиальные ведомости», биографика, православие.

Епархиальные ведомости по праву считаются одним из наиболее информативных источников по истории Русской православной церкви. Выходившие в большинстве епархий Российской империи с начала 60-х годов XIX века, они не только фиксировали текущую информацию, но и уделяли колоссальное внимание церковной истории. Именно по этой причине без изучения материалов епархиальных печатных изданий невозможно полное и фундаментальное исследование деятельности православных священнослужителей в отдельных регионах. Крым, с его богатейшей историей, разнообразием памятников церковной старины и целым рядом выдающихся иерархов, занимавших местную кафедру, не является исключением.

Епархиальные ведомости были местными официальными церковными периодическими изданиями. Идея их создания принадлежала архиепископу Херсонскому и Таврическому Иннокентию (Борисову), который в 1853 году составил для них программу, ориентируясь на существовавшие в то время светские официальные издания – губернские ведомости. Инициатива просвещенного архипастыря не была реализована при его жизни, но и не была забыта. Его ученик и преемник на Херсонской кафедре преосвященный Димитрий (Муретов) в 1859 году отправил программу церковного журнала в Святейший Синод, надеясь издавать его во вверенной епархии. Прошение архиепископа было поддержано, а утвержденная программа была разослана всем епархиальным архиереям. Первые епархиальные ведомости стали издаваться в апреле 1860 года в Ярославле, а с июля того же года в Одессе начали публиковаться «Херсонские епархиальные ведомости» [1].

Как правило, официальные издания епархий состояли из двух отделов: официального и неофициального. У «Херсонских епархиальных ведомостей» последний назывался «Прибавлением». Содержание отделов кардинально отличалось. В официальном публиковалась документация, относившаяся к жизни епархии. Это были императорские указы, манифесты и рескрипты, распоряжения государственных уч-

реждений и церковного начальства, расписания проповедей и т. д. Прибавления к епархиальным ведомостям содержали тексты проповедей, поучений, богословских статей, публикации по церковной истории, педагогике, миссионерству, борьбе с расколом и сектантством. Кроме того, там публиковались дневники и обозрения поездок архиереев по епархиям, описания церквей и приходов, исторические статьи о духовно-учебных заведениях, монастырях и святынях, жизнеописания священнослужителей, некрологи и воспоминания.

Весь комплекс указанных материалов можно использовать для реконструкции жизненного пути отдельных архипастырей, чье служение неразрывно было связано с Крымом. Это особенно важно, если учесть, что до настоящего времени не существует ни одной полноценной научной биографии, посвященной иерархам, занимавшим Таврическую кафедру в досоветский период. Осмысление эпох через призму деятельности отдельных личностей давно стало одним из ведущих направлений исторических исследований. Этот опыт вполне применим и для подготовки основательных жизнеописаний архипастырей. В первую очередь в этом контексте следует говорить об одной из наиболее масштабных фигур духовной и общественной жизни Российской империи середины XIX века – архиепископе Иннокентии (Борисове).

Знаменитый проповедник и выдающийся церковный администратор преосвященный Иннокентий (Борисов) (1800–1857) возглавлял Херсоно-Таврическую кафедру с 1848 по 1857 год. Это время стало наивысшей точкой его служения. По инициативе архипастыря в Крыму реализовывался масштабный проект «Русский Афон», согласно которому предполагалось возрождение православных монастырей на местах средневековых обителей. Благодаря стараниям владыки, на полуострове были воссозданы религиозные центры в Херсонесе и Инкермане. В Одессе было учреждено болгарское настоятельство, которое давало образование православным выходцам из Османской империи. В дни Крымской войны архиепископ Иннокентий (Борисов) посещал осажденный Севастополь и другие населенные пункты Таврической губернии, совершая богослужения, проповедуя и утешая раненых воинов. После окончания боевых действий он вновь объехал полуостров, зафиксировал повреждения местных храмов и запланировал изыскать средства на их восстановление. Лишь смерть помешала замыслам иерарха воплотиться в полной мере.

В первые годы существования издания редакция «Херсонских епархиальных ведомостей» и «Прибавлений» к ним уделяла пристальное внимание публикации материалов, связанных с архиепископом Иннокентием (Борисовым). Наиболее часто в это время публикуются его слова (особый вид обращений к пастве) [2; 3], заметки [4] и исторические статьи. Так, публикация владыки «Насажение и успехи христианства в древнем Херсоне» [5] содержит краткое, в чем-то даже конспективное, изложение основных событий церковной истории поселения. В публикации представлены преимущественно церковные предания, в том числе о проповедях в Крыму апостола Андрея Первозванного, Папы Римского Климента, семи священномучеников Херсонесских. Другие исторические заметки владыки Иннокентия (Борисова) посвящены епископу Готфскому Иоанну и его епархии [6; 7]. В журнале была впервые опубликована составленная иерархом «Записка о восстановлении

древних святых мест по горам Крымским», обосновывавшая необходимость реализации проекта «Русский Афон» [8].

Традиционным источником уникальной биографической информации признан эпистолярный. Несомненный интерес для исследователей представляет опубликованная в «Херсонских епархиальных ведомостях» переписка архиепископа Иннокентия (Борисова) с одним из наиболее заметных деятелей Новороссийского края – сыном болгарского боярина, известным дипломатом и писателем Александром Скарлатовичем Стурдзой. В первом опубликованном в журнале письме владыка извещал своего старого знакомого о прибытии в Одессу [9]. В примечании к этой публикации редакция, памятуя, что «Херсонские епархиальные ведомости» издавались «по мысли и программе покойного архипастыря», считала своей обязанностью собирать и публиковать материалы для составления его жизнеописания. С этой целью она обращалась к читателям с просьбой присылать подлинные письма и бумаги, связанные с деятельностью преосвященного Иннокентия (Борисова), рассказы и воспоминания о нем [10].

В других письмах находим обсуждение переводов богословских работ архиепископа Иннокентия (Борисова), сделанных А. С. Стурдзой, а также многолетней, но так и нереализованной, идеи владыки посетить святыни Ближнего Востока [11].

Из эпистолярного также выясняется, что чиновник еще до приезда иерарха на кафедру в Одессу знакомил его с состоянием дел в епархии. В частности, он указывал, что в местной духовной семинарии не преподается крымскотатарский язык, «а дверь веры без ключа языков толкующему не отверзается». Кроме того, А. С. Стурдза предложил преосвященному Иннокентию поддержать проект создания «заведения сердобольных сестер». К этому сюжету корреспондент неоднократно обращался и в последующих письмах. Интересно, что опытный дипломат поддерживал многие идеи и начинания архиепископа Иннокентия (Борисова) в сфере церковного администрирования. Так, еще в письме от 27 февраля 1849 года он соглашался с мыслью о необходимости наличия в Тавриде отдельного местного епископа (данный замысел владыки был реализован уже после его смерти, в 1859 году).

В письмах преосвященного Иннокентия (Борисова) к смотрителю Херсонского духовного училища протоиерею Максиму Перепелицыну, датированных 1848 годом, содержится ряд указаний о необходимости взаимодействия светских и церковных властей в регионе, а также даны архипастырские советы по руководству церковным образовательным учреждением [12].

В № 18 за 1904 год Л. С. Мацеевичем была опубликована дневниковая запись одного из сподвижников преосвященного Иннокентия (Борисова) – протоиерея и настоятеля Одесской Покровской церкви Серафима Антоновича Серафимова [13]. Она относилась к собранию бумаг, которые вдова священника Надежда Яковлевна передала в музей Киевской духовной академии. Запись С. А. Серафимова освещает эпизод посещения иерархом Сиро-воспитательного заведения для дочерей духовенства Херсонской епархии, учрежденной при Михайловском женском монастыре в Одессе 19 ноября 1851 года. В то время протоиерей преподавал в этом учреждении закон Божий и русский язык, и преосвященный Иннокентий посетил одно из его занятий по грамматике. Владыка завел беседу с ученицами, чье будущее в основном

предполагало замужество с сельскими священниками. Он дал им несколько практических советов по выпечке хлеба и заготовке курая (особого вида сорняка), который можно было использовать в качестве топлива из-за недостатка дров в новороссийских степях. В своем обращении к учителям архиепископ Иннокентий отмечал, что воспитанниц Сиро-воспитательного заведения следует знакомить по преимуществу с трудом и предстоящими лишениями в сельском быту. Он подчеркивал, что «наука изготовления борща и каши – для них будет нужнее, чем ваша грамматика». Такое представление о сугубо практическом назначении начального духовного образования было вполне характерно для описываемой эпохи.

В 1899 году на страницах журнала выступил распорядитель наследства владыки Иннокентия, известный деятель болгарского национального движения и действительный статский советник Николай Христофорович Палаузов [14]. Его публикация стала реакцией на книгу Ивана Устиновича Палимпсестова «Мои воспоминания об Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом» – одно из наиболее подробных мемуарных сочинений об иерархе. Отмечая достоинства этой работы, Н. Х. Палаузов отвергал все упреки мемуариста в адрес брата священнослужителя, Матвея Алексеевича Борисова, вызванные неясностью в судьбе оставленного после смерти архипастыря имущества. Он подробно описывал, куда именно были направлены библиотека и личные вещи усопшего, что позволяет проследить судьбу наследства преосвященного Иннокентия. Интерес представляют также опубликованные в качестве приложения к статье три письма архиепископа к Н. Х. Палаузову [15]. Все они датируются 1854 годом и посвящены решению проблем болгарской общины в Одессе и жизни города в дни Крымской войны.

Огромное значение для оценки деятельности архиепископа Иннокентия (Борисова) имеют воспоминания священнослужителя из его ближайшего окружения – протоиерея Арсения Гавриловича Лебединцева (1818–1898). Он сопровождал иерарха на разных отрезках его жизненного пути: был студентом архипастыря в Киевской духовной академии, в 1844 году был определен в Одесскую духовную семинарию, а после приезда в Одессу преосвященного Иннокентия был назначен благочинным всех церквей Севастопольского округа и настоятелем здешнего Петропавловского собора. Именно А. Г. Лебединцев был куратором восстановления древних святынь Херсонеса и Инкермана. Во время обороны Севастополя в дни Крымской войны протоиереи не оставили города, а продолжали выполнять пастырские обязанности. В это суровое время А. Г. Лебединцев регулярно информировал архиепископа Херсонского и Таврического о происходящем. Впоследствии эта переписка была опубликована в журнале «Киевская старина» и издана отдельной книгой. Особый уровень доверия, существовавший между двумя служителями, делает мемуары А. Г. Лебединцева чрезвычайно важным источником.

Наиболее интересны воспоминания протоиерея о деятельности святителя в Крыму [16]. Он так характеризовал место полуострова в жизни владыки Иннокентия: «Это был предмет, с которого владыка – дома ли был или в С.-Петербурге – не спускал глаз своих. В других местах обширной епархии он был едва однажды во все управление (реже всего, кажется, бывал он в военном поселении, – и это по той весьма естественной причине, что положения, коими это отживающее теперь учре-

ждение как бы намеренно оградило себя от влияния епархиальной власти, затруднили свободное действие архипастыря, не любившего встречать препятствий); в Крыму же нередко в одно лето бывал он раза по два» [17]. Ценны и другие свидетельства А. Г. Лебединцева. Он подробно описывал поездки архиерея по вверенной епархии и его общение с паствой. Особое место крымских скитов в жизни владыки Иннокентия подчеркивает то, что пастырь называл Бахчисарайский Успенский скит, восстановлению которого он поспособствовал, «своим новорожденным». В памяти мемуариста запечатлелось присутствие архиепископа Херсонского и Таврического при погребении адмирала Михаила Петровича Лазарева в Севастополе. Зафиксировал А. Г. Лебединцев и тот неподдельный интерес, который испытывал владыка к церковным древностям Херсонеса.

Уникальным свидетельством о последней поездке святителя в Крым и о его уходе из жизни опубликовал в «Херсонских епархиальных ведомостях» одесский протоиерей Андрей Логиновский [18]. Он сопровождал владыку в это время, что и отразил в своих записках, созданных в июле 1857 года, спустя полтора месяца после смерти архиепископа Иннокентия. После Крымской войны архиерей стремился вернуться на полуостров, чтобы пообщаться с пережившими боевые действия людьми, осмотреть места сражений и отслужить молебны в городах. А. Логиновский последовательно и подробно описывал пребывание архипастыря в Евпатории, Симферополе, Бахчисарае и Севастополе. Несмотря на ухудшающееся состояние здоровья, преосвященный Иннокентий (Борисов) плодотворно общался с местным духовенством, оставляя советы и предписания, направленные на улучшение епархиальной жизни. Наиболее основательные инструкции были даны настоятелям крымских обителей. Прогрессирующая болезнь не позволила архипастырю в полной мере реализовать намеченные перед поездкой задачи. Он вернулся в Одессу, где умер 26 мая 1857 года, в праздник Троицы. А. Логиновский эмоционально отразил в своем тексте последние часы и слова архипастыря. Поскольку других свидетельств об этих событиях практически не сохранилось, к работе одесского протоиерея обращались все биографы владыки. Кроме того, она неоднократно переиздавалась в досоветское время. Так, ее использовал выдающийся российский историк Михаил Петрович Погодин в мемориальном сборнике «Венок на могилу высокопреосвященного Иннокентия, архиепископа Таврического».

В журнале был опубликован небезынтересный отрывок из воспоминаний близко знавшего владыку Иннокентия Ивана Устиновича Палимпсестова, касающийся мнения архипастыря о генерал-губернаторе Новороссийского края Михаиле Семеновиче Воронцове [19]. Архиепископ считал чиновника одним из самых просвещенных и дальновидных государственных мужей и человеком, обладающим редкой добротой сердца. Но при этом владыка Иннокентий отмечал те черты деятельности М. С. Воронцова, которые казались ему несовершенными. К ним он относил раздачу земель в Крыму выходцам из других государств и отсутствие качественных дорог на полуостров, ведущих из глубины страны, что делало край, по выражению священнослужителя, «самой уязвимой окраиной России». Отметим, что эти слова были сказаны еще в 1851 году и горько отозвались во время Крымской войны.

Примечательный материал для реконструкции служения преосвященного Иннокентия (Борисова) в дни Крымской войны был подготовлен историком и библиографом Львом Степановичем Мацеевичем (1843–1915). Исследователь был кандидатом богословия, преподавателем Одесской духовной семинарии и признанным специалистом в вопросах истории христианства, что подтверждается его участием в создании «Православной богословской энциклопедии». Для «Херсонских епархиальных ведомостей» Л. С. Мацеевич создал очерк «Церковные установления архиепископа Иннокентия (Борисова) в Одессе в память спасения ее от нашествия англо-французского флота в 1854–1855 гг.» [20]. В нем он объединил архивные данные, свидетельства очевидцев и публикации «Одесского вестника», освещавшие этот этап деятельности владыки. Одесса приняла на себя одни из первых ударов противника во время Крымской войны, подвергшись жестоким бомбардировкам. Архиепископ Иннокентий (Борисов) своими взвешенными действиями сумел предотвратить масштабную панику в городе и успокоить местное население. Согласно приведенным Л. С. Мацеевичем свидетельствам, для одесситов колоссальное значение в это время имели слова и проповеди владыки.

Таким образом, журнал «Херсонские епархиальные ведомости» и «Прибавления» к ним содержат ценную информацию, отражающую разные стороны деятельности выдающегося церковного деятеля – архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (Борисова). На страницах издания публиковались тексты проповедей и статей иерарха, в том числе посвященные истории христианства в Крыму. Огромное значение для реконструкции биографии архипастыря имеют источники личного происхождения, такие как переписка и мемуары. Официальный печатный орган Херсонской епархии опубликовал достаточно много материалов такого плана. Среди них следует особо выделить мемуары протоиереев А. Логиновского, С. А. Серафимова и А. Г. Лебединцева, агронома И. У. Палимпсестова, письма чиновника А. С. Стурдзы. Кроме того, в журнале была помещена одна из самых крупных по объему работ об архиепископе – очерк Л. С. Мацеевича о наставлениях преосвященного Иннокентия (Борисова) в Одессе в дни Крымской войны. Весь комплекс материалов, опубликованных в «Херсонских епархиальных ведомостях» и «Прибавлении» к ним, возможно использовать как в биографических разработках, так и в общих исследованиях по церковной истории Крыма.

Список использованных источников и литературы

1. Троицкий А., прот. Епархиальные ведомости / Православная энциклопедия. – Т. 18. – С. 493–497.
2. Иннокентий. Два слова // Херсонские епархиальные ведомости (далее – ХЕВ). – 1861. – № 14. – С. 352–358.
3. Иннокентий. Слово при погребении главного командира Черноморского флота и портов, генерал-адъютанта, адмирала и разных отечественных и иностранных орденов кавалера, Михаила Петровича Лазарева 1-го // ХЕВ. – 1862. – 1 дек. (№ 23). – С. 353–366.
4. Иннокентий. Из заметок // Прибавление к «Херсонским епархиальным ведомостям» (далее – Приб. к ХЕВ). – 1861. – № 15. – С. 411–419; № 16. – Ч. 3. – С. 441–448; № 17. – Ч. 4. – С. 5–12; № 18. – С. 65–72; № 19. – С. 129–135; № 22. – С. 325–335; № 23. – С. 389–398.
5. Иннокентий. Насаждение и успехи христианства в древнем Херсоне // Приб. к ХЕВ. – 1860. – № 1. – С. 5–9.
6. Иннокентий. Св. Иоанн, епископ Готфийский // Приб. к ХЕВ. – 1862. – Ч. 6. – С. 163–167.

7. Иннокентий. Записки о епархии Готфской // Приб. к ХЕВ. – 1862. – Ч. 6. – С. 168–187.
8. Иннокентий. Записка о восстановлении древних святых мест по горам Крымским // Приб. к ХЕВ. – 1861. – Ч. 3. – С. 177–190.
9. Письмо к А. С. Стурдзе // ХЕВ. – 1860. – № 1. – С. 10–11.
10. Там же, с. 11.
11. Переписка [Иннокентия] с тайным советником А. С. Стурдзой // ХЕВ. – 1860. – № 8. – С. 480–490; № 9. – С. 553–565.
12. Письма преосвященного Иннокентия к протоиерею Максиму Перепелицыну // Приб. к ХЕВ. – 1878. – № 6. – С. 100–104.
13. К биографии архиепископа Херсонского Иннокентия Борисова / Сообщ. Л. М. // Приб. к ХЕВ. – 1904. – № 18. – С. 446–449.
14. Палаузов Н. Х. Памяти М. А. Борисова, брата Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического // Приб. к ХЕВ. – 1889. – № 21. – С. 640–648.
15. Из писем преосвященного Иннокентия Н. Х. Палаузову // Приб. к ХЕВ. – 1889. – № 21. – С. 648–651.
16. [Лебединцев А. Г., прот.] Воспоминания о преосвященном Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом // Приб. к ХЕВ. – 1862. – № 1. – С. 30–62.
17. Там же, с. 43.
18. Логиновский А. О поездке в Крым и последних днях жизни, синодального члена, Преосвященного Иннокентия, бывшего архиепископа Херсонского и Таврического // Приб. к ХЕВ. – 1862. – № 2. – С. 81–108.
19. Мнение в Бозе почившего архиепископа Иннокентия о князе М. С. Воронцове: из воспоминаний И. У. Палимпсестова // Приб. к ХЕВ. – 1887. – № 12. – С. 482–497.
20. Церковные установления архиепископа Иннокентия (Борисова) в Одессе в память спасения ее от нашествия англо-французского флота в 1854-1855 гг. / сост. Л. С. М. (Лев Степанович Матеевич) // ХЕВ. – Отд. неоф. – 1907. – № 21. – С. 571–585; № 22. – С. 611–616; 1908. – № 4. – С. 124–131; № 20. – С. 493–506; № 23. – С. 561–573; 1909. – № 7–8. – С. 186–190.

Kalinovsky V.V. Materials about Taurida Archbishop Innocent (Borisov) on pages «Kherson diocesan news» // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Historical Science. – 2015. – Vol. 1, No. 2. – P. 41–47.

Analyzed in the magazine publication «Kherson diocesan news» and «Additions» to them, contain a wealth of information reflecting the different aspects of the activity of the outstanding church leader – Archbishop of Kherson and Taurida Innocent (Borisov). Topics and specifics of these materials were determined. It was found that essential for the reconstruction of the biography of Archbishop is published in the publication of the sources of personal origin, such as correspondence and memoirs. The newspaper published the texts of sermons and articles hierarch, including dedicated to the history of Christianity in the Crimea. Of great importance for the reconstruction of the biography of Archbishop are sources of personal origin, such as correspondence and memoirs. The official organ of the Kherson diocese released a lot of material of this kind. Among them we should highlight the memoirs archpriests A. Loginovsky, S. A. Serafimov and A. G. Lebedintsev, agronomist I. U. Palimpsestov, official letter A. S. Sturdza. In addition, the magazine was placed one of the largest in scope of Archbishop - essay L. S. Matseevich for guidance of Bishop Innocent (Borisov) in Odessa during the Crimean War. The whole complex of materials published in the «Kherson diocesan news» and «Additions» to them may be used in the biographical development, as well as in the common research on church history of the Crimea.

Keywords: Innocent (Borisov), «Kherson diocesan news», Biography, Orthodoxy.

УДК 94 (470+571):008

ПОЛЕ СРАЖЕНИЯ КАК ОСОБАЯ КАТЕГОРИЯ НАСЛЕДИЯ: К ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

Манаев А.Ю.

**Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: manayev_1977@mail.ru**

Объекты культурного ландшафта сегодня привлекают особое внимание специалистов. Выделяют несколько категорий историко-культурного ландшафта, в том числе ландшафт полей сражений. Это специфическая форма объекта наследия, объединяющая природные и антропогенные компоненты. В России существуют несколько заповедников, созданных на основе мест крупных битв: Бородино, Куликово Поле, Прохоровка.

В Республике Крым существует мемориальный комплекс «Поле Альминского сражения», в дальнейшем перспективной выглядит мемориализация сражений русско-турецкой войны 1768–1774 гг., Крымской и Великой Отечественной войн.

Ключевые слова: объект культурного наследия, поле сражения, культурный ландшафт, Республика Крым

Успешная реализация государственной политики в области культуры во многом зависит от формирования целостной системы территориальных объектов наследия, обладающих историко-культурным и природным потенциалом. Эта система включает в себя достопримечательные места, историко-культурные заповедники, музеи-заповедники, национальные парки.

Согласно статье 3 Федерального Закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» №73-ФЗ от 25 июня 2002 года, одним из видов объектов культурного наследия являются достопримечательные места, под которыми понимаются творения созданные человеком или совместные творения человека и природы. Среди прочего к достопримечательным местам относят культурные и природные ландшафты, связанные с историческими (в том числе военными) событиями.

Понимание культурного ландшафта как особой формы наследия в России концептуально оформилось в 90-е годы XX века. В первую очередь это связано с деятельностью Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (г. Москва). Важным событием в формировании методологии выявления, изучения, охраны и использования культурного ландшафта стал выход в 2004 году коллективной монографии «Культурный ландшафт как объект наследия» под редакцией Ю.А. Веденина и М.Е. Кулешовой [1]. В дальнейшем изучение культурного ландшафта получило свое развитие в ряде монографических исследований и научных статей российских и украинских исследователей, в которых рассматривались различные аспекты сохранения данной формы историко-культурного наследия [2].

Особую роль культурные ландшафты играют в сохранении военно-исторических объектов. Проблеме охраны полей сражений как объектов культурно-

го наследия был посвящен международный конгресс, проходивший в Туле в 2002 г. В частности, обсуждались вопросы музеефикации территорий Ледового побоища, Невской битвы, сражения на р. Воже, «великого стояния» на р. Угре, битвы под Полтавой, участков битвы за Москву [3].

Данная группа памятников относится к наиболее уязвимым объектам культурного наследия: ландшафт видоизменяется вследствие как антропогенного влияния, так и природного воздействия (например, облесение открытых пространств полей сражений). Это связано с недооценкой культурного потенциала, которым обладают поля сражений как объекты культурного наследия. Каждое поле сражения является уникальным как в историческом, так и в природно-географическом отношении: во все времена поля сражений не создавались, а выбирались. Таким образом, важнейшей составляющей поля сражения как объекта культурного наследия является его базовый ландшафт.

В результате ведения боевых действий возникает новый тип культурного ландшафта – военно-исторический ландшафт поля сражения, состоящий из материальных следов сражения: разрушенных укреплений, боеприпасов, захоронений. Границы его определяются протяженностью по фронту оборонительной позиции, глубиной расположения войск обеих сторон, включая резервы и центры управления армиями. Важным является процесс превращения военно-исторического ландшафта в объект наследия, который обуславливают три фактора: природные процессы, возобновление мирной жизни, мемориализация. При этом мемориализация – это не только установка каких-либо памятных знаков, но и закрепление в памяти прямой связи между историческим событием и местностью, на которой оно произошло. Как следствие, военно-исторический ландшафт поля сражения постепенно превращается в музейно-мемориальный ландшафт, соответствующий типу культурного ландшафта [4, с. 230–231, 236–238]. В процессе мемориализации поля сражения можно выделить несколько стадий: гражданская, церковно-религиозная и музейная. Формула «изучение, сохранение, пропаганда» представляют музей на поле битвы как единый, многоплановый и сложный организм, который существует и развивается в современном мире как гарант сохранения истории в ее конкретном событии и во всех направлениях [5, с. 5–6].

Во всем мире поля исторических сражений (Гастингс, Аустерлиц, Ватерлоо, Грюнвальд) являются одними из наиболее интересных и посещаемых объектов. Охране подлежит, как правило, значительный участок мемориального поля сражения, на котором сохраняются как ландшафты, так и созданные там впоследствии мемориалы. На некоторых из полей сражений создаются также музейные экспозиции.

Долгое время в России только Бородинский государственный военно-исторический музей-заповедник можно было отнести к категории «достопримечательное место – поле сражения». Лишь в 1995–1996 годах были созданы еще две заповедные территории на полях сражений – на Куликовом поле (Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле») и в Прохоровке, на месте крупнейшего танкового сражения Второй мировой войны (Государственный военно-исторический музей-заповедник «Прохоровское поле»). Кроме того, музеями-заповедниками на полях исторических сражений можно считать Но-

вороссийский исторический музей-заповедник (Малая Земля) и музей-заповедник «Прорыв блокады Ленинграда».

Многие места сражений не имеют охранного статуса: в честь Сталинградской битвы создан музей-панорама и мемориальный комплекс в Волгограде, однако без заповедной защиты остались сохранившиеся исторические территории этого грандиозного сражения в пределах города и в междуречье Волги и Дона. Не имеют должной охраны, участки Невской битвы, Ледового побоища, «великого стояния» на р. Угре [6, с. 12, 83; 7, с. 11].

Остановимся на современных российских примерах музеефикации полей сражений. Богатый опыт в этом направлении накоплен государственным Бородинским военно-историческим музеем-заповедником. Первоначально (с 1839 г.) под охраной государства был земельный участок площадью 800 га, выкупленный императором Николаем I, символический памятник русским воинам, могила генерала П.И. Баграциона, а также храм и дворцово-парковый ансамбль в селе Бородино. К 100-летию празднования Отечественной войны на территории Бородинского поля было установлено 33 монумента в честь воинских соединений, участвовавших в битве. В 1941 году Бородинское поле опять стало местом сражения. В результате сооружения передового рубежа Можайской линии обороны, шестидневных боев и строительства в 1942 году укрепрайона здесь образовался новый слой военно-исторического ландшафта (рис. 1.)

Рис. 1. Поле Бородинского сражения

В 1975 году была разработана Генеральная программа реставрации памятников и организации заповедника «Бородино», в которой особая роль отводилась природному ландшафту. Предлагалось путем вырубок реконструировать облик оврагов, восстановить лесные опушки, удалить придорожные лесополосы, вырубить заросшие лесом участки. Однако впоследствии многие ландшафтные предложения не были реализованы. В 2001 году была разработана «Программа сохранения и восстановления историко-культурного ландшафта Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника». Она разрабатывалась с позиций представления Бородинского поля как ассоциативного культурного ландшафта, соответственно, запланировано создание мемориально-ландшафтных экспозиций [8, с. 83–87, 95]. Отметим, что на современном этапе в заповеднике большое внимание уделяется междисциплинарным естественнонаучным исследованиям, что позволяет комплексно обеспечивать охрану природных и историко-культурных компонентов [9].

Ярким примером музеефикации поля сражения Великой Отечественной войны является создание заповедника на месте сражения под Прохоровкой в ходе битвы под Курской дугой (рис. 2).

Рис. 2. Мемориальный комплекс «Битва под Прохоровкой»

В рамках заповедника расположены братские могилы и обелиски памяти, восстановленный наблюдательный пункт командующего 5-й гвардейской танковой армии генерала П.А. Ротмистрова, участки, где проходили основные события сражения. В 1995 году на Прохоровском поле открыт Монумент Победы в виде звонницы.

В состав заповедника также входят памятники истории и природы: участки Муравского шляха, исток р. Псел, Сторожевой лес [10, с. 159].

В 1996 году в Тульской области был создан музей-заповедник «Куликово поле» (рис. 3). Долгое время территория собственно поля сражения оставалась бесхозной, о великой битве напоминали только небольшой музей в маленьком деревянном доме и храм Сергия Радонежского (сооруженный в 1913–1917 гг.). При этом особую ценность представлял сохранившийся природно-исторический ландшафт долин рек Дона и Непрядвы. В ходе исследований палеогеографами были определены ландшафты времени битвы, локализована Зеленая Дубрава, где находился Засадный полк. В данном случае именно поле сражения является главным свидетельством важнейшего исторического события средневековой Руси.

Рис. 3. Поле Куликовской битвы.

Направления деятельности заповедника определяет стратегический документ – Концепция развития музея-заповедника. На территории Куликова поля проводятся комплексные археолого-географические исследования: в итоге обнаружено около 400 памятников археологии, 12 памятников архитектуры (преимущественно храмы XIX–XX вв.), выявлены реликтовые участки степной растительности, лесные массивы. Деятельность музея-заповедника «Куликово поле» может служить ярким примером сохранения культурного ландшафта как объекта наследия [11].

На основании мониторинга состояния полей сражений и возможности их музеефикации специалистами Российского научно-исследовательского института

культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева в 2006 году было предложено создать 16 музеев-заповедников на полях сражений: «Поле Невской битвы» (Санкт-Петербург, пос. Усть-Ижора), «Ледовое побоище» (Псковская область, Гдовский район), «Битва на Воже» (Рязанская область, пос. Рыбное), «Гросс-Егерсдорфское сражение» (Калининградская область, Черняховский район), «Поле битвы при Прейсиш-Эйлау» (Калининградская область, пос. Багратионовск), «Поле Тарутинского сражения» (Калужская область), «Малоярославецкое сражение» (Калужская область), «Волочаевские бои 1922 г.» (Хабаровский край, станция Волочаевка), «Сталинградская битва» (Волгоград и Волгоградская область), «Поныри-Обоянь» (Курская область, участки Курского сражения), «Вяжи» в Орловской области (места проведения Курской операции), «Сражение под Ельней» (Смоленская область), «Поле боя 28-ми героев-панфиловцев» (Московская область, Волоколамский район), «Выборгское морское сражение 1790 г.» (Ленинградская область, г. Выборг), «Владивостокская крепость» (Приморский край, г. Владивосток), «Форты Кронштадта» (Санкт-Петербург, Кронштадт) [6, с. 83-89]. К сожалению, до настоящего времени эти предложения не реализованы.

В контексте изучения проблемы выявления и сохранения полей сражений как объекта культурного наследия обратимся к крымским примерам. На момент воссоединения Крыма с Россией в 2014 году специалистами историко-культурных заповедников полуострова и органов охраны культурного наследия был накоплен определенный опыт в деле сохранения и музеефикации полей сражений. При этом необходимо отметить, что в большей степени это касалось создания музейных объектов или установки монументов на местах сражения, а не осуществления комплексной охраны поля сражения как ландшафтного объекта, с соответствующей защитой природного и культурного наследия.

Земли Тавриды неоднократно становились ареной кровопролитных военных кампаний: многочисленные вооруженные конфликты античного и средневекового времени, завоевание полуострова Османской империей в 1475 году, серия русско-турецких войн XVII–XVIII вв., Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов, оборона и освобождение Крыма в годы Великой Отечественной войны. Документальными свидетельствами этих событий являются не только музейные коллекции, мемориальные памятники, но и реальные места битв, с их неповторимым историко-культурным ландшафтом.

Единственным музеефицированным полем сражения в Крыму является место Альминского боя 1854 года возле с. Вилино Бахчисарайского района. Данный объект входит в состав Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника. В комплекс «Поле Альминского сражения» входят Обелиск в честь павших в сражении, памятник Владимирскому полку, более 10 братских могил русских, английских и французских солдат, а также могила английского капитана Горация Каста. Кроме того, сохранился эполемент – земляное фортификационное сооружение. Мемориализация сражения, то есть установка памятников и обелисков на его территории, началась еще в 80-е годы XIX века, а основные монументы были воздвигнуты в начале XX в. В середине 50-х годов прошлого столетия на мемориальном комплексе Альминского сражения были проведены ремонтные работы, бла-

гоустроена территория. Однако в последующие 20 лет к сохранению Альминского мемориала обращались от случая к случаю, неоднократно фиксировались случаи вандализма. С 1984 года началось осуществление комплексных мер по охране поля сражения: проведена топографическая съемка, построена дорога к мемориалу, разработан проект реставрации, проведено комплексное обследование памятников и территории Альминского сражения, в том числе осуществлены археологические исследования [12, с. 26–50] (рис. 4).

Рис. 4. Поле Альминского сражения.

На сегодня поле Альминского сражения представляет собой единый комплекс памятников, связанных с событиями битвы 20 сентября 1854 года. В экспозиционной и экскурсионной деятельности совершенно не используются ландшафтные составляющие, при этом отметим, что территория, на которой проходило Альминское сражение, практически не пострадала вследствие строительных или земляных работ. Представляется перспективным провести комплексные исследования территории вне ограды мемориала: обозначить на широком фронте позиции русских войск и их противников, установить информационные стенды о воинских соединениях, участвовавших в сражении.

Кром того, надлежашей охраны требуют археологические памятники, расположенные в непосредственной близости от поля Альминского сражения: городища

Алма-Тамак, Вилино и Рассадное, относящиеся к античной эпохе, а также многочисленные курганы. В настоящее время данные памятники являются бесхозными, неоднократно на них фиксировались факты грабительских раскопок [13, с. 30–34]. Включение археологических памятников в состав мемориального комплекса «Поле Альминского сражения» проиллюстрирует многовековую историю данного края, повысит экскурсионную привлекательность мемориала, позволит обеспечить реальную защиту историко-культурного ландшафта нижнего течения р. Альма.

Перспективным также выглядит музеефикация других полей сражений Крымской войны на полуострове. На сегодняшний день накоплен достаточный фактический материал о Балаклавском, Инкерманском и Чернореченском сражениях: локализованы места боев, выявлены позиции противоборствующих сторон, известны воинские соединения, участвовавшие в битвах [14].

Среди памятников Крымской войны особую роль играют объекты Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя: Панорама «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.» и оборонительная башня на Малаховом кургане. Еще в конце XIX века было начато благоустройство основных элементов оборонительных сооружений периода Крымской войны, а также установка памятников для увековечения подвига защитников Севастополя. Предполагалось вдоль всей оборонительной линии провести аллеи, на местах бастионов разбить скверы, а остальные укрепления обозначить памятными досками. Однако полностью реализовать первоначальный замысел не удалось.

К сентябрю 1905 года в честь 50-летия Крымской войны было сооружено 12 монументов, выполнено мемориальное обозначение оборонительной линии между первым и третьим бастионами Корабельной стороны, поставлены специальные плиты на местах более чем 50 батарей, разбиты скверы и аллеи. Главным событием стало открытие на Историческом бульваре музея «Панорама «Штурм 6 июня 1855 года». В то же время современники отмечали, что строительство памятников на местах укреплений приводило к уничтожению аутентичных фортификационных элементов [15, с. 201–203].

Говоря о военных памятниках Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя нельзя не вспомнить еще один музейный комплекс – Диорама «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 года». В мае 1945 года на Сапун-горе был открыт военно-полевой музей, который стал основой для формирования мемориального военного комплекса. 4 ноября 1959 года Диорама была открыта. В 1960 году создается объединенный музей героической обороны и освобождения Севастополя, куда наряду с другими объектами вошли Панорама и Диорама. Во второй половине XX века Национальный музей героической обороны и освобождения Севастополя стал одним из крупнейших музейных комплексов Крыма: совершенствовались экспозиции, увеличивались фондовые коллекции, осуществлялись реставрационные работы, в частности, Оборонительной башни Малахова кургана [16, с.57–58, 61]. В то же время недостаточно велась работа по музеефикации территорий непосредственных военных действий, лишь на небольшом участке на склонах Сапун-горы были обустроены полевые укрепления периода штурма Севастополя в 1944 году (рис. 5).

Рис. 5. Склоны Сапун-горы в Севастополе.

В настоящее время в Севастополе музеефицированы артиллерийские батареи периода Крымской войны, сохранились доты севастопольского укрепрайона периода Великой Отечественной войны [17; 18, с. 137], однако отсутствуют охраняемые ландшафтные территории, связанные с военной историей города.

Безусловно, оборона и освобождение Севастополя являются важнейшими событиями Великой Отечественной войны в Крыму, однако не стоит забывать и о других, относительно менее значимых, но столь же героических страницах истории полуострова в 1941–1944 годах. В контексте темы статьи невозможно обойти вниманием оборону Перекопа в 1941 году и разгром Крымского фронта в 1942 г. При этом ни одна из названных битв не имеет своего охраняемого военно-исторического ландшафта поля сражения или его участков. Чаще всего под государственной охраной находятся братские могилы советских воинов, а также остатки инженерных сооружений, например, на Ак-монайских позициях [19, с. 65], отдельные места боев.

В частности, трагедия Крымского фронта увековечена объектами на Ак-монайских позициях у с. Батальное (19 км шоссе Феодосия-Керчь) Ленинского района. Помимо памятной стелы в охраняемый комплекс входят около двух десятков дотов, заметны следы воронок, окопов [20, с. 83–84]. Решением Крымского облисполкома № 16 от 15.01.1980 г. у каждого дота установлена охранная зона радиусом

30 м. Таким образом, данный военно-исторический ландшафт мест боев 1941–44 гг. находится вне сферы органов охраны культурного наследия. В настоящее время территория в районе дотов на Ак-монайских позициях занята сельхозугодьями. Поскольку данный ландшафт не искажен масштабными строительными и земляными работами он продолжает сохранять аутентичность, что делает данную территорию перспективной для создания здесь мемориального комплекса – «Поле сражения – Крымский фронт» с возможным включением данного объекта в состав Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника (рис. 6).

Рис. 6. Памятный знак на месте сражения Крымского фронта.

Интереснейшим объектом с позиций выявления и охраны военно-исторического ландшафта является Перекопский перешеек. Еще в средние века здесь возводятся крепость Ор-Капу, позже в период Гражданской войны 1918–1920 гг. была создана целая система укреплений по Перекопу. В сентябре 1941 года Перекоп стал ареной оборонительных боев за Крым. Части 51-й армии 9 дней держали оборону перекопских рубежей, затем ожесточенные сражения разгорелись на Ишуньских позициях. К сожалению, подвиг защитников Ишуни увековечен только братскими могилами в одноименном селе Красноперекопского района, не делались попытки локализовать участки конкретных боев [21, с. 100, 110]. Учитывая, что сегодня Перекопский перешеек является государственной границей со специальным

режимом, выявление здесь территорий военно-исторических ландшафтов сопряжено с объективными трудностями.

Еще одним интересным объектом военной истории, который был выявлен в последние годы, является место сражения у деревни Шума русской армии и турецкого десанта в 1774 г., в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 годов. Помимо прочего, это сражение известно тем, что в нем принимал непосредственное участие М.И. Кутузов, в ходе которого он и получил ранение в голову [22, с. 78]. Долгое время место решающего столкновения между турецким десантом и русскими войсками было неизвестно, в лучшем случае исследователи ориентировались на название битвы – сражение у деревни Шума (ныне с. Верхняя Кутузовка г. Алушта). На сегодня место сражения локализовано в районе т. н. Подсобного Хозяйства (МТС), а также господствующих высот Шакары, Боргуль, Папалка. В ходе обследования территории были выявлены остатки земляных укреплений, обнаружены русские и турецкие пули [23, с. 46–48]. Учитывая близость населенных пунктов, живописную местность и возможность музеефикации поля сражения у дер. Шума, этот объект также имеет перспективы развития как пример военно-исторического ландшафта.

Сегодня не вызывает сомнений тезис, что памятники необходимо сохранять в их ландшафтном, исторически сформированном, окружении. В этой связи необходимо кардинально пересмотреть принципы организации охраны комплексных (культурных и природных) памятников, таких как гора Аю-Даг, Ак-Кая, «пещерные города», мыс Фиолент, южнобережные парки-памятники садово-паркового искусства и многие другие. Отдельной группой ландшафтных памятников в Крыму являются поля сражений. Некоторые из них Альминское поле, Сапун-гора уже сегодня включены в музейные комплексы, другие – места Чернореченской, Инкерманской, Балаклавской битв периода Крымской войны – активно используются для проведения фестивалей исторических реконструкций, однако не имеют охранного статуса ни как памятники истории, ни как ландшафтные объекты.

Наиболее перспективными объектами в качестве создания музейных комплексов на основе военно-исторических ландшафтов представляются линия Крымского фронта периода Великой Отечественной войны на Керченском полуострове, а также поле Шумского сражения в районе современного села Верхняя Кутузовка. Отметим в целом недостаточную разработанность в Республике Крым такой категории объектов культурного наследия как ландшафтные памятники. Учитывая уникальность крымской природы и ее тесную взаимосвязь с памятниками истории, определение объектов культурного ландшафта позволит обеспечить историко-культурному наследию Крыма надлежащую комплексную охрану.

Список использованных источников и литературы

1. Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой – М.: Институт Наследия; СПб.: Дм. Буланин, 2004. – 629 с.
Kul'turnyj landshaft kak ob'ekt naslediya / pod red. Yu.A. Vedenina, M.E. Kuleshovej – М.: Institut Naslediya; SPb.: Dm. Bulanin, 2004. – 629 s.
2. Рябов С.А. Здесь государевым «украинам было бережение». Российское пограничье – особый объект культурного и природного наследия / С.А. Рябов – М.: Институт Наследия, 2007. – 335 с.; Калущков В.Н. Ландшафт в культурной географии / В.Н. Калущков – М.: Новый хронограф, 2008. – 320 с.; Лавренова О.А. Пространства и смыслы: семантика культурного ландшафта / О.А. Лавренова – М.:

Институт Наследия, 2010. – 330 с.; Тютюнник Ю.Г. Онаследивание ландшафта / Ю.Г. Тютюнник – К.: Издательско-печатный комплекс Университета «Украина», 2010. – 212 с.; Кулешова М.Е. Всемирное наследие и место в нем культурных ландшафтов / М.Е. Кулешова // Наследие и со-временность. – М.: Институт Наследия, 2007. – Вып.15. – С.21-46.

Ryabov S.A. Zdes' gosudarevym «ukrainam bylo berezhenie». Rossijskoe pogranich'e – osobyj ob'ekt kul'turnogo i prirodnoho naslediya / S.A. Ryabov – М.: Institut Naslediya, 2007. – 335 s.; Kaluckov V.N. Landshaft v kul'turnoj geografii / V.N. Kaluckov – М.: Novyj hronograf, 2008. – 320 s.; Lavrenova O.A. Prostranstva i smysly: semantika kul'turnogo land-shafta / O.A. Lavrenova – М.: Institut Naslediya, 2010. – 330 s.; Tyutyunnik Yu.G. Onaslez-hivanie landshafta / Yu.G. Tyutyunnik – К.: Izdatel'sko-pechatnyj kompleks Universiteta «Украина», 2010. – 212 s.; Kuleshova M.E. Vsemirnoe nasledie i mesto v nem kul'turnyh landshaftov / M.E. Kuleshova // Nasledie i sovremennost'. – М.: Institut Naslediya, 2007. – Вып.15. – С.21-46.

3. Куликово поле и ратные поля Европы. Прошлое и настоящее. Материалы Международного конгресса «Куликово поле среди ратных полей Европы» (Тула, 31 мая – 2 июня 2000 года). – Тула: Гриф и К, 2002. – 176 с.

Kulikovo pole i ratnye polya Evropy. Proshloe i nastoyashchee. Materialy Mezhdunarodnogo kongressa «Kulikovo pole sredi ratnyh polej Evropy» (Tula, 31 maya – 2 iyunya 2000 goda). – Tula: Grif i K, 2002. – 176 s.

4. Горбунов А.В. Ландшафт полей сражений: генезис, структура, развитие / А.В. Горбунов // Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой – М.: Институт Наследия; СПб.: Дм. Буланин, 2004. – С. 230-245.

Gorbunov A.V. Landshaft polej srazhenij: genezis, struktura, razvitie / A.V. Gorbunov // Kul'turnyj landshaft kak ob'ekt naslediya / pod red. Yu.A. Vedenina, M.E. Kuleshovej – М.: Institut Naslediya; SPb.: Dm. Bulanin, 2004. – S. 230-245.

5. Наумов А.В. Мемориалы и музеи на местах полей сражений / А.В. Наумов // Куликово поле и ратные поля Европы. Прошлое и настоящее. Материалы Международного конгресса «Куликово поле среди ратных полей Европы» (Тула, 31 мая – 2 июня 2000 года). – Тула: Гриф и К, 2002. – С. 5-6.

Naumov A.V. Memorialy i muzei na mestah polej srazhenij / A.V. Naumov // Kulikovo pole i ratnye polya Evropy. Proshloe i nastoyashchee. Materialy Mezhdunarodnogo kongressa «Kulikovo pole sredi ratnyh polej Evropy» (Tula, 31 maya – 2 iyunya 2000 goda). – Tula: Grif i K, 2002. – S. 5-6.

6. Веденин Ю.А. Государственная стратегия формирования достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в Российской Федерации / Ю.А. Веденин, П.М. Шульгин, О.Е. Штеле // Наследие и современность. – М.: Институт Наследия, 2006. – Вып.13. – С.4-100.

Vedenin YU.A. Gosudarstvennaya strategiya formirovaniya dostoprimechatel'nyh mest, is-toriko-kul'turnyh zapovednikov i muzeev-zapovednikov v Rossijskoj Federacii / Yu.A. Vedenin, P.M. Shul'gin, O.E. Shtele // Nasledie i sovremennost'. – М.: Institut Naslediya, 2006. – Вып.13. – С.4-100.

7. Шульгин П.М. Поле битвы как особый объект наследия / П.М. Шульгин // Куликово поле и ратные поля Европы. Прошлое и настоящее. Материалы Международного конгресса «Куликово поле среди ратных полей Европы» (Тула, 31 мая – 2 июня 2000 года). – Тула: Гриф и К, 2002. – С. 9-14.

Shul'gin P.M. Pole bitvy kak osobyj ob'ekt naslediya / P.M. Shul'gin // Kulikovo pole i ratnye polya Evropy. Proshloe i nastoyashchee. Materialy Mezhdunarodnogo kongressa «Kulikovo pole sredi ratnyh polej Evropy» (Tula, 31 maya – 2 iyunya 2000 goda). – Tula: Grif i K, 2002. – S. 9-14.

8. Горбунов А.В. Проблемы музеефикации культурного ландшафта в программах развития музея-заповедника «Бородинское поле» / А.В. Горбунов // Наследие и современность. – М., Институт Наследия, 2004. – Вып. 12. – С.82-98.

Gorbunov A.V. Problemy muzeefikacii kul'turnogo landshafta v programmah razvitiya muzeya-zapovednika «Borodinskoe pole» / A.V. Gorbunov // Nasledie i sovremennost'. – М., Institut Naslediya, 2004. – Вып. 12. – С.82-98.

9. Клочко А.А., Шишков Д.Л. Георадарные исследования в изучении объектов исторического и культурного наследия: на примере военно-исторических объектов Бородинского поля / А.А. Клочко, Д.Л. Шишков // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия. Материалы Девятой Всероссийской научной конференции (Бородино, 16-17 ноября 2004 года). Сб. науч. ст. – М.: Институт наследия, 2005. – С. 307-317; Макаров И.Б., Басевич В.Ф. Особенности развития

почвенного покрова Бородинского заповедника и его связь с растительностью / И.Б. Макаров, В.Ф. Басевич // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия. Материалы Девятой Всероссийской научной конференции (Бородино, 16-17 ноября 2004 года). Сб. науч. ст. – М.: Институт наследия, 2005. – С. 318-325.

Klochko A.A., Shishkov D.L. Georadarnye issledovaniya v izuchenii ob'ektov istoricheskogo i kul'turnogo naslediya: na primere voenno-istoricheskikh ob'ektov Borodinskogo polya / A.A. Klochko, D.L. Shishkov // Ekologicheskie problemy sohraneniya istoricheskogo i kul'tur-nogo naslediya. Materialy Devyatoj Vserossijskoj nauchnoj konferencii (Borodino, 16-17 noyabrya 2004 goda). Sb. nauch. st. – М.: Institut naslediya, 2005. – S. 307-317; Makarov I.B., Basevich V.F. Osobennosti razvitiya pochvennogo pokrova Borodinskogo zapovednika i ego svyaz' s rastitel'nost'yu / I.B. Makarov, V.F. Basevich // Ekologicheskie problemy sohra-neniya istoricheskogo i kul'turnogo naslediya. Materialy Devyatoj Vserossijskoj nauchnoj konferencii (Borodino, 16-17 noyabrya 2004 goda). Sb. nauch. st. – М.: Institut naslediya, 2005. – S. 318-325.

10. Анчипоров А.И. Музей-заповедник на поле великого танкового сражения // Куликово поле и ратные поля Европы. Прошлое и настоящее. Материалы Международного конгресса «Куликово поле среди ратных полей Европы» (Тула, 31 мая – 2 июня 2000 года). – Тула: Гриф и К, 2002. – С. 156-160.

Anchiporov A.I. Muzej-zapovednik na pole velikogo tankovogo srazheniya // Kulikovo pole i ratnye polya Evropy. Proshloe i nastoyashchee. Materialy Mezhdunarodnogo kongressa «Kulikovo pole sredi ratnyh polej Evropy» (Tula, 31 maya – 2 iyunya 2000 goda). – Tula: Grif i K, 2002. – S. 156-160.

11. Шульгин П.М., Штеле О.Е. Опыт создания и деятельности музея-заповедника на поле исторического сражения: на примере музея-заповедника «Куликово поле» / П.М. Шульгин, О.Е. Штеле // Альминские чтения. Материалы научно-практической конференции (Песчаное – Бахчисарай, 21-22 сентября 2008 г.). Сб. науч. ст. / Сост. О.А. Желтухина. – Симферополь: АнтикВА, 2008. – С. 4-19.

Shul'gin P.M., Shtele O.E. Opyt sozdaniya i deyatel'nosti muzeya-zapovednika na pole is-toricheskogo srazheniya: na primere muzeya-zapovednika «Kulikovo pole» / P.M. Shul'gin, O.E. Shtele // Al'minskie chteniya. Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii (Peschanoe – Bahchisaraj, 21-22 sentyabrya 2008 g.). Sb. nauch. st. / Sost. O.A. Zheltuhina. – Simferopol': AntikvA, 2008. – S. 4-19.

12. Гуркович В.Н. Памятники и памятные места Крымской войны. Альма / В.Н. Гуркович. – Симферополь: ЧП Азбука, 2004. – 208 с.

Gurkovich V.N. Pamyatniki i pamyatnye mesta Krymskoj vojny. Al'ma / V.N. Gurkovich. – Simferopol': СНР Azbuka, 2004. – 208 s.

13. Пуздровский А.Е. Археологические памятники нижнего течения р. Альма / А.Е. Пуздровский // Альминские чтения. Материалы научно-практической конференции (Песчаное – Бахчисарай, 21-22 сентября 2008 г.). Сб. науч. ст. / Сост. О.А. Желтухина. – Симферополь: АнтикВА, 2008. – С.28-35.

Puzdrovskij A.E. Arheologicheskie pamyatniki nizhnego techeniya r. Al'ma / A.E. Puz-drovskij // Al'minskie chteniya. Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii (Peschanoe – Bahchisaraj, 21-22 sentyabrya 2008 g.). Sb. nauch. st. / Sost. O.A. Zheltuhina. – Simferopol': AntikvA, 2008. – S.28-35.

14. Шавшин В.Г. Сражение без карты: Инкерманское сражение / В.Г. Шавшин. – Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. – 114 с. – (Серия «Памятники и поля сражений Крымской войны»); Ченнык С.В. Сражение на Черной речке. 4 августа 1855 г. / С.В. Ченнык. – Симферополь: АнтикВА, 2006. – 176 с. – (Серия «Памятники и поля сражений Крымской войны»); Ченнык С.В. От Балаклавы к Инкерману / С.В. Ченнык. – Севастополь: Ченнык С.В., 2014. – 304 с.

Shavshin V.G. Srazhenie bez karty: Inkermanskoe srazhenie / V.G. Shavshin. – Simferopol': Tavriya-Plyus, 2000. – 114 s. – (Seriya «Pamyatniki i polya srazhenij Krymskoj vojny»); Chennyk S.V. Srazhenie na Chernoj rechke. 4 avgusta 1855 g. / S.V. Chennyk. – Simferopol': AntikvA, 2006. – 176 s. – (Seriya «Pamyatniki i polya srazhenij Krymskoj vojny»); Chennyk S.V. Ot Balaklavy k Inkermanu / S.V. Chennyk. – Sevastopol': Chennyk S.V., 2014. – 304 s.

15. Соколов А.А. Охрана и использование памятников обороны Севастополя 1854-1855 гг. во второй половине XIX – начале XX ст. / А.А. Соколов // Другі Зарембівські читання. Матеріали Других Всеукраїнських Зарембівських наукових читань: «Українське пам'яткознавство: сучасні проблеми та тенденції» (м. Київ, 22 січня 2009 р.): Збірник наукових статей. – К., 2009. – С. 201-206.

Sokolov A.A. Ohrana i ispol'zovanie pamyatnikov oborony Sevastopolya 1854-1855 gg. vo vtoroj polovine XIX – nachale XX st. / A.A. Sokolov // Drugi Zarembivski chitannya. Ma-teriali Drugih

Vseukraïns'kih Zarembivs'kih naukovih chitan': «Ukraïns'ke pam'yatkoznavstvo: suchasni problemi ta tendencii» (m. Kiïv, 22 sichnya 2009 r.): Zbirnik naukovih statej. – K., 2009. – S. 201-206.

16. Нікітіна І.В. Етапи становлення і розвитку Національного музею героїчної оборони і визволення Севастополя / І.В. Нікітіна // Питання історії науки і техніки / Центр пам'ятокознавства НАНУ і УТОПК. – К., 2009. – № 3. – С. 55-64.

Nikitina I.V. Etapi stanovlennya i rozvitku Nacional'nogo muzeju heroïchnoi oboroni i viz-volennya Sevastopolya / I.V. Nikitina // Pitannya istorii nauki i tekhniki / Centr pam'yatkoznavstva NANU i UTOPIK. – K., 2009. – № 3. – S. 55-64.

17. Шавшин В.Г. Бастионы Севастополя / В.Г. Шавшин. – Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. – 232 с. – (Серия «Памятники и поля сражений Крымской войны»).

Shavshin V.G. Bastiony Sevastopolya / V.G. Shavshin. – Simferopol': Tavriya-Plyus, 2000. – 232 s. – (Seriya «Pamyatniki i polya srazhenij Krymskoj vojny»).

18. Шавшин В.Г. Каменная летопись Севастополя / В.Г. Шавшин. – Севастополь – К.: ДС-стрим, 2004. – 384 с.

Shavshin V.G. Kamennaya letopis' Sevastopolya / V.G. Shavshin. – Sevastopol' – K.: DS-strim, 2004. – 384 s.

19. Симонов В.В., Белик Ю.Л. Долговременные огневые точки Ак-монайского оборонительного рубежа: по материалам предварительных разведок / В.В. Симонов, Ю.Л. Белик // Крымфронт: Проблемы истории и памяти. 70 лет спустя. Материалы научно-практической конференции (Феодосия, 29 февраля 2012 года). – Симферополь: «ДИАИПИ», 2012. – С. 61-73.

Simonov V.V., Belik Yu.L. Dolgovremennye ognevye toчки Ak-monajskogo obo-ronitel'nogo rubezha: po materialam predvaritel'nyh razvedok / V.V. Simonov, Yu.L. Belik // Krymfront: Problemy istorii i pamyati. 70 let spustya. Materialy nauchno-prakticheskoy kon-ferencii (Feodosiya, 29 fevralya 2012 goda). – Simferopol': «DIAIPI», 2012. – S. 61-73.

20. Крым: памятники славы и бессмертия / Сост. Шаповалова С.Н. – Симферополь: Таврия, 1985. – 240 с.

Krym: pamyatniki slavy i bessmertiya / Sost. Shapovalova S.N. – Simferopol': Tavriya, 1985. – 240 s.

21. Свод памятников истории и культуры Автономной Республики Крым. Джанкойский район. Армянский горсовет. Красноперекопский район / Республиканский комитет по охране культурного наследия Автономной Республики Крым. – Симферополь, 2002. – 120 с.

Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Avtonomnoj Respubliki Krym. Dzhankojskij rajon. Armyanskij gorsovet. Krasnoperekopskij rajon / Respublikanskij komitet po ohrane kul'turnogo naslediya Avtonomnoj Respubliki Krym. – Simferopol', 2002. – 120 s.

22. Мальгин А.В., Кротов А.И. Война после войны. Забытый эпизод русско-турецкой кампании 1768-1774 годов / А.В. Мальгин, А.И. Кротов // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2009. – № 24. – С. 78-105.

Mal'gin A.V., Krotov A.I. Vojna posle vojny. Zabytyj ehpizod russko-tureckoj kampanii 1768-1774 godov / A.V. Mal'gin, A.I. Krotov // Istoricheskoe nasledie Kryma. – Simferopol', 2009. – №24. – S. 78-105.

23. Ткаченко В. Об уточнении некоторых вопросов по сражению при деревне Шума / В. Ткаченко // Military Крым. – Симферополь, 2009. – № 10. – С. 39-56.

Tkachenko V. Ob utochnenii nekotoryh voprosov po srazheniyu pri derevne Shuma / V. Tkachenko // Military Krym. – Simferopol', 2009. – № 10. – S. 39-56.

Manaeв А.У. Battlefield as a unique heritage category: to the problem of cultural landscape preservation in Republic of Crimea // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Historical Science. – 2015. – Vol. 1, No. 2. – P. 48–62.

Battlefields are the type of cultural heritage objects. Due to their specifics they belong to the cultural landscape category. As the result of warfare the new type of landscape emerges – military historical one which includes the material traces of the battle: ruined fortifications, ammunition, burials etc. Historical battlefields are some of the most interesting and most visited touristic sites.

Several memorials on the most important historical battlefields have been created in Russia: Museum-Preserve of Borodino, Military Historical and Natural Museum-Preserve “The Kulikovo Field” and Military Historical Museum-Preserve “The Prohorovskoye Field”.

Some Crimean military monuments can be added to this group of objects – Alma Battlefield, Malahov Kurgan and Historical Boulevard in Sevastopol, Museum complex on Sapun Mountain (Diorama). Besides, the historical and cultural potential of such objects as Inkerman, Balaclava, ChernayaRechka battlefields of Crimean War is not used.

The most perspective objects for creating museum complexes are the territories of Crimean Front battlefields of Great Patriotic War and Shumskoye battlefield of Russian-Turkish War (1768-1774).

Key words: heritage site, battlefield, cultural landscape, Republic of Crimea

УДК 94(470):339.5+(477.75)

МОРСКИЕ ПОРТЫ И РЫНОК КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – НАЧАЛЕ XX В.¹

Марциновский П.Н.

*Крымский федеральный университет им.В.И.Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: pntmarz@mail.ru*

В статье освещена проблема влияния экспортной деятельности морских портов Крыма в последней четверти XIX – начале XX в. на состояние рынка полуострова в контексте развития хозяйства в целом и особенностей международных отношений. Сделан вывод о том, что существенное отставание от наиболее развитых европейских стран с точки зрения глубины развития рынка компенсировалось высокими темпами хозяйственных преобразований, роста населения и его занятости в промышленности. В Крыму, окончательно включенном к концу XIX в. в общероссийский аграрный рынок, обладавшем передовыми формами сельского хозяйства, прекрасным климатом, удобным географическим положением в условиях избытка рабочей силы созрели все условия для начала следующего этапа развития рынка – диверсификации промышленности и развития естественных отраслей полуострова: переработки сельхозпродуктов, строительной, винодельческой, курортной.

Ключевые слова: рынок, торговля, экспорт.

Теснейшая связь экономики Крыма и морской торговли всегда была отличительной особенностью полуострова. Актуальность этой проблемы сохранилась и сегодня. Проекты строительства новых портов, расширения старых и строительства связанных с ними транспортных коммуникаций не сходят с повестки дня в деятельности всех без исключения крымских правительств. Таково географическое положение Крыма. Оно обуславливает определяющее значение в хозяйстве полуострова транспортно-транзитной составляющей, доля которой с течением времени будет только нарастать, что не в последнюю очередь связано с расширением экономических связей с другими регионами Российской Федерации, Турцией, странами Закавказья и Ближнего Востока.

Целью статьи является представление экспортной деятельности морских портов Крыма в указанный период в контексте влияния этой деятельности на состояние рынка полуострова, функционирование всего хозяйственного комплекса.

В 1874 г. железнодорожная линия достигла Симферополя. Это знаменовало собой конец архаичных транспортных связей крымских портов с сельскохозяйственными районами полуострова, не говоря уже о перевозках из-за пределов Крыма. Оставалось достроить железную дорогу до наиболее важного экспортного пункта. С точки зрения экспортной торговли Феодосия была наиболее перспективным портом. Не случайно в числе первых проектируемых дорог намечалась линия, которая соединила бы центр черноземной России с феодосийским портом. Несостоятельность Главного Общества помешала осуществлению этого плана. Затем изменившиеся реалии в международных делах обусловили потребность в реализации жизненно

¹ Работа выполнена при поддержке РФНФ, проект №15-31-10169 а(ц)

The work was supported by the Russian Foundation for Humanities, the project №15-31-10169 а(ц)

важного проекта для страны, нуждавшейся не только и не столько в крупном центре экспортной торговли на полуострове, сколько в мощной военно-морской базе. И выбор пал на еще толком не возродившийся за двадцать лет Севастополь.

Середина 1870-х гг. – непростое время. Острейший политический кризис, едва не приведший к новой войне между Францией и Германией в 1875 г., нанес ущерб и внешней торговле России по европейской границе, и ... Евпатории, отправившей большие партии шерсти во Францию. Конъюнктура рынка 70-х годов была, в целом, благоприятна. Отмена в 1871 г. нейтрализации Черного моря и начавшееся возрождение российского военного флота сделали задачей номер один усиление торгово-экономического развития Крыма, однако лишь с завершением строительства железной дороги открылись перспективы восстановления Севастополя.

Феодосия имела, конечно, немало преимуществ перед Севастополем как зерновой порт, но проведение железной дороги именно в Севастополь и в 1875 г. спасло Крым от новых бедствий надвигающейся войны. Введение в строй железной дороги создало условия для интенсивной колонизации. Учитывая маршрут железнодорожной линии, соотношение в экспорте через отдельные порты полуострова, условия ведения сельского хозяйства в различных частях Крыма, чередование урожайных и неурожайных лет, особенности местного купечества, внешние экономические и политические условия, общие тенденции развития товарного сельского хозяйства на Юге России и другие факторы, можно сделать вывод о том, что вялотекущий процесс колонизации Крыма приобрел более или менее поступательный и планомерный характер лишь с проведением Лозово-Севастопольской железной дороги, что подтверждает дальнейшее развитие ситуации на полуострове и, с другой стороны, опровергает мнение о якобы ускоренном заселении Крыма русскими и украинцами после массовой эмиграции крымских татар.

Значительное влияние на внешнеэкономическую деятельность 1875-1877 годов оказали события на Балканах. Сначала восстание христиан против турок в Боснии и Герцеговине в 1875 г., затем, в 1876 г., восстание в Болгарии, война с турками Сербии и Черногории и, наконец, начавшаяся 12 апреля 1877 г. русско-турецкая война. Так уж сложилось, что построенная из стратегических соображений железная дорога к Севастополю в течение трех лет использовалась исключительно в этих целях. Во время войны на Балканах через Севастополь отправлялся хлеб братьям-славянам и русской армии.

С 1-го января 1880 г. с целью улучшения портовых сооружений и устройства мостовых в городах Николаеве, Таганроге, Мариуполе, Бердянске и Севастополе установлен временный сбор с отвозимых за границу товаров не свыше полукопейки с пуда, который должен взиматься местной таможенной по грузовым документам. Внешняя торговля всегда служила становлению и расцвету портовых городов, и во второй половине XIX в. вся Россия стала благодатной хлебной почвой для бурного роста городов Черного и Азовского морей.

Начало аграрного кризиса в России приходится на 1881 г., когда началось существенное падение цен на хлеб в международной торговле. Беда, как всегда, не приходит одна. Сквозь прерывистое дыхание неокрепшего русского рынка, сквозь грохот бомбы метальщика Гриневицкого, разорвавшей в клочья ростки политиче-

ской реформы, доносится тревожное поскрипывание телеграфных аппаратов. Из донесения Господина Посла в Константинополе от 5 марта 1881 года: «По телеграфным сообщениям от санитарного врача в Багдаде чумная эпидемия принимает более острый характер, поэтому Международный Санитарный Совет установил 15-дневный карантин в Алеппо, Дамаске и Басре для путешественников и товаров, прибывающих из Багдадского вилайета, Персидский посол в Константинополе намерен телеграфировать своему правительству об установлении карантина на Турецко-Персидской границе». Для жителей Крыма, куда прибывали десятки и даже сотни турецких фелук, подобные сообщения вызвали уже почти забытый ужас, а старики пытались вспомнить 1812 год и чуму, уничтожившую Феодосию.

Уже с 1883 г. колонизация пустующих земель позитивно сказывается на экспорте из Евпаторийского порта, ведь помимо сокращения населения, проведение железнодорожной линии к Севастополю лишило Евпаторийский порт некоторой части его сельскохозяйственного района.

Доля Севастополя в суммарном экспорте зерна через крымские порты составила в 1885 г. 59,1 %. Все больше и больше усиливается специализация Крыма как производителя и экспортера дорогого, высококачественного хлеба, в связи с чем влияние мирового аграрного кризиса на крымский вывоз несравнимо меньше, чем на всей остальной территории России. Архивные документы свидетельствуют о большем спросе на крымскую пшеницу в Голландии и Франции, где за нее давали, соответственно, большую цену. Голландцы активно посредничали на европейском рынке, перепродавая крымскую пшеницу в Швейцарию и другие страны, предпочитали «крымку» и итальянцы, закупавшие твердые сорта пшеницы для своей развивающейся макаронной промышленности. К сожалению, мы никогда не узнаем всех подробностей сделок, составлявших, конечно, коммерческую тайну, но приходится констатировать, что в Англию и Францию зерно продавали зачастую по более высоким ценам, чем в Голландию или Италию, хотя это также зависело от объемов и сроков продаж. Турция и Греция в свою очередь не являлись потребителями товара высокого качества, как, впрочем, не являлись и крупными партнерами крымских экспортеров.

Несколько выросло также и значение крымских портов во внешней торговле России. Так, в 1885 г. по объемам хлебного вывоза из 121 таможни империи Севастопольская таможня занимала 12-е место (7681010 пудов), Феодосия – 19 место (2402559 пудов), Керчь – 26-е (1439538 п.), Евпатория – 27-е место (1157474 пуда). Однако в России – стране великих концентраций и слабо развитого капитализма, колоссальный разрыв между лидерами и аутсайдерами был нормальным явлением. Так, в том же году из Одесского порта вывезли 75617207 пудов хлеба, Николаева – 17580667, Таганрога – 14937923, Бердянска – 10633628 пудов. Главной причиной тому – выгодное географическое расположение этих городов относительно огромных сельскохозяйственных районов, и следствия этой причины, превратившиеся также в стимулы торговли – транспортные коммуникации, традиции и этносоциальный состав рабочей силы в портовых городах. Крым, соединенный со страной тонкой пуповиной перекопского перешейка должен был рассчитывать лишь на свои возможности, да на железную нитку, подверженную тарифным коллизиям. Только с

1882 г. эксплуатация Лозово-Севастопольской дороги начинает приносить прибыль (42 тыс. рублей), и лишь с начала 80-х гг. южное направление движения грузов преобладает над северным. Движение хлебных грузов к Севастополю становится все более интенсивным и в 1885 г. составляет 2/3 от общего количества перевозок. Однако Севастополь, в котором и через двадцать лет после окончания Крымской войны было больше развалин, чем домов, превратившись в считанные годы после окончания строительства железной дороги в первоклассный, современный европейский город, получает в 1885 г. «геополитический» приговор: состоялось принципиальное решение отделить коммерческий порт от военного и перенести коммерческий порт из Южной бухты в какую-нибудь другую ближайшую бухту.

Появилась идея устроить коммерческий порт в Стрелецкой бухте, но отсутствие рейда, недостаточность береговой полосы, малое водное пространство и результаты исследования Министерства Путей Сообщения (трудность сооружения столь длинного туннеля для железной дороги) натолкнули в итоге на решение соединить Феодосию железнодорожной веткой протяженностью в 110 верст с Лозово-Севастопольской дорогой и, в конце концов, перенести туда коммерческий порт.

Кроме хлеба, в 1885 г. из Севастополя было вывезено 1083 пуда овечьей шерсти, 10140 телят, баранов и коз и 596 лошадей. Из Евпатории: 8800 пудов соли, 23000 пудов льняного семени, 1080 пудов сырых соленых невыделанных кож и 28821 пуд непряженой немытой шерсти. Из Феодосии: 11798 пудов льняного семени, 3700 пудов крымской соли, 2631 пуд сырых соленых кож; из Керчи: 4280 пудов пшеничной муки, 4835 пудов икры красной, 1025 пудов икры всякой, кроме красной, 4628 пудов соленой и копченой рыбы, 137487 пудов льняного семени, 13000 пудов семян масличных, конопляных и сурепных, 27600 пудов выжимок из семян, 7504 пуда сырых кож, 417 пудов шерсти и 14410 пудов каменного угля.

В 1885 г. Керчь занимает третье место среди портов империи по вывозу красной икры. Опережали Керчь Таганрог (100868 п.) и Одесса (18588 п.). Евпатория расположилась на первом месте по вывозу соли (8800 п.) по европейской границе, но в целом выглядела скромно, так как основной поток соли (всего из России вывозилось 297512 пудов) шел через Кавказ в Турцию (186233 пуда) и Персию. По общему объему торговли среди таможен империи Севастополь занимал 16 место, Феодосия – 27-е, Керчь – 29-е, Евпатория – 33-е.

В течение 80-х гг. XIX в. в городах открываются новые фабрики и заводы, расширяются старые предприятия. Ведущее место в промышленности полуострова занимают консервные, табачные, мукомольные предприятия. В Севастополе работали судоремонтные и судостроительные верфи, в Керчи действовал металлургический завод. В Симферополе насчитывалось около 40 небольших промышленных предприятий. А.И.Маркевич пишет: «...В 80-х годах открылся в Симферополе кишечнострунный завод купца Лериха, на котором в 1889г. было изготовлено 45000 штук струн на сумму 11500 руб. при 5 рабочих. Четыре мыловаренных и свечных завода производили в этом году на 130800 руб. при 66 рабочих, два пивоваренных завода на 19580 руб. при 6 рабочих, чугунолитейный при 20-23 рабочих на 17440 рублей, три парово-мукомольных мельницы вырабатывали на 23000 руб. при 16 рабочих. В

1882 г. открылась конфетная фабрика братьев Абрикосовых, в 1885 г. – фабрика Гейна. В 1891 г. производство дошло до 368500 руб.».

Восстанавливается разрушенное войной садоводство. В его развитие большой вклад внес Симферопольский отдел Российского общества садоводства, объединивший в 1883 г. наиболее крупных садоводов предгорного и горного Крыма. По его инициативе неподалеку от Симферополя было создано несколько садовых питомников, снабжавших саженцами весь Крым, открыта школа садовников, издавался журнал для крымских садоводов, была организована первая на Юге России помологическая станция. В условиях, когда Никитский сад во второй половине XIX в. ослабил внимание к практической работе, занявшись подготовкой садоводов, деятельность этого общества в значительной мере способствовала развитию плодоводства в Крыму. К 1887 г. площадь садов выросла до 5 тыс. десятин. Более 80% садов принадлежали крестьянам. Однако наиболее крупные и прибыльные садоводческие хозяйства находились в руках помещиков. Если в 1875 г. из Крыма на север было вывезено 14,5 тыс. пудов свежих фруктов, то в последующие годы этот вывоз достигал 100 тыс. пудов.

Новый подъем переживает крымское виноделие с 60-х гг. XIX в. Сын М.С.Воронцова, князь С.М.Воронцов стал достойным продолжателем дела отца. Последовав примеру А.Д.Княжевича, хозяина виноторгового предприятия, С.М.Воронцов создает торговую фирму «Его Светлости князя С.М.Воронцова торгующая крымскими винами», имевшую отделения в Одессе, Москве, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Ялте, закладывает виноградники, строит новые подвалы, в которых уже в середине 60-х гг. хранится до 200 тыс. ведер вина. Предприятие С.М.Воронцова предлагало на выбор вина красные – Бордо, Алеатико, Лафит; белые – Рислинг, Сотерн, Токай; Мускат сухой и сладкий (Ай-Даниль), Мадеру и Педро-Хименес (типа Малаги) из Массандры. Рост цен на вино – от 40-50 коп. до 1,2-1,6 рубля за ведро вовлекал в производство виноматериалов все больше и больше крымских крестьян. Однако, по заключению экспертов Венской всемирной выставки 1873 года, вина из Магарача превзошли по качеству вина из Массандры и Ай-Даниля, хотя последние и были удостоены нескольких высоких наград. После кончины князя С.М.Воронцова в 1882 г. крупнейшие винодельческие имения и торговая фирма Воронцовых приходят в упадок, и лишь в конце 80-х гг. казна в лице Удельного ведомства указом императора Александра III по совету князя Л.С.Голицына выкупает эти имения, а в 1891 г. Л.С.Голицын становится главой всего казенного виноградарства и виноделия в России.

Однако эра князя Л.С.Голицына в отечественном виноделии наступила еще в конце 60-х – 70-х гг., когда он приобрел несколько имений в Крыму, в частности, Новый Свет, и на Кавказе, организовав производство шампанских вин и добившись выдающихся успехов на ниве признания русского виноделия. Его имя приобрело широкую известность и в России, и в Европе, вина из его судакских имений завоевали золотые медали в Москве в 1882 г., в Харькове – в 1886-м. В 1889 г. на всемирной выставке в Париже золотые награды получили уже не только голицынские вина, но и сам князь, будучи избранным вице-председателем экспертного комитета, был награжден правительством Франции орденом Почетного легиона и провозгла-

шен «королем экспертов» за беспрецедентные знания в области виноделия. Однако для большей части крымских вин европейские рынки были закрыты. Продукция садоводства, виноградарства и виноделия почти целиком потреблялась на внутреннем рынке. Россия интересовала Западную Европу лишь как поставщик сырья. В то время – зернового хлеба.

Английский торговый флот практически безраздельно господствовал на Черном море. 74,9 % из 32708 регистровых тонн судов, покинувших Евпаторию в 1885 г., принадлежали Великобритании. Из 31 корабля, снявшегося с якоря в Феодосии 20 судов – английские пароходы. Общая грузоподъемность 29 турецких фелук, покинувших в 1885 г. Евпаторию, составила лишь 1712 тонн. Средняя грузоподъемность английского, французского или итальянского парохода составляла почти тысячу тонн, а турецкого парусника – не более шестидесяти.

Суда, приходившие в крымские порты, фрахтовались чаще всего в Константинополе, Марселе и Лондоне при помощи корабельных маклеров (Ship Brokers Courtier Maritime), которые способствовали заключению сделок между судовладельцами и купцами.

Экспортёры, работавшие в Крыму, заключали договоры фрахта заблаговременно на всю навигацию, на определенные сроки или на конкретные рейсы. Для совершения рейса до Лондона требовалось примерно 60–70 дней для парусного судна и 18–22 дня для парохода, до Марселя – 20–35 дней для парусника и 7–10 дней для парохода, до Константинополя – 4–10 дней и 2–3 дня соответственно. Внешнюю торговлю зерном контролировали в Крыму несколько крупных фирм, ориентированных на цены одесской биржи: «Луи Дрейфус и К^о», «Братья Дрейфус» (Париж), «Нейфельд» (Берлин), К.Радоконяки (агент фирмы Зиберхайма в Берлине), Абанопуло, Дуранте и Радоконяки (Одесса). Первые четыре вели торговлю с Англией, Францией и Германией, а Абанопуло и Дуранте – с Турцией и Грецией. Значительная часть зерна отправлялась в Швейцарию и Италию. В непосредственный контакт с производителями вступали агенты фирм, состоявшие на службе с определенным жалованьем, но чаще закупка производилась мелкими скупщиками. Это были или постоянные партнеры фирм, работавшие за определенный процент, или же лица, ведущие дело самостоятельно и перепродающие скупленный хлеб агентам фирм. Зачастую между этими скупщиками и производителями находился еще класс деревенских торговцев и кулаков, ссужавших крестьян товаром и деньгами, а получавшим по ссудам не деньгами, а хлебом. Таким образом, хлеб проходил нередко через одного, двух, а то и трех посредников. Хлеб мелкого производителя, если не удавалось просто опустить цену, попадал в целую систему обмеривания, обвешивания и т. д. В итоге крестьяне, являясь главными поставщиками ссылаемого за границу зерна, оказывались всецело в руках посредников.

В несравнимо более благоприятных условиях находились крупные землевладельцы, имевшие возможность длительный срок сохранять зерно, продавая его затем в лучшее время большими партиями и непосредственно главным агентам фирм. Впрочем, и здесь немалые возможности для спекуляций порождало отсутствие классификации зерна, что вкупе с обилием посредников свидетельствовало о чудовищной недоразвитости русского аграрного рынка.

**МОРСКИЕ ПОРТЫ И РЫНОК КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА
В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

Самой серьезной проблемой Севастополя оставалась теснота коммерческого порта. В 1883 г. была даже создана Комиссия, состоявшая из представителей города, экспортеров, судовладельцев и представителей Лозово-Севастопольской железной дороги, которая приняла решение ходатайствовать о расширении территории порта. О каком, однако, ходатайстве могла идти речь, если уже в 1886 г. начались правительственные изыскания для переноса коммерческого порта из Южной бухты в одну из других севастопольских бухт.

В 1886 г. Севастополь стал лидером в экспорте всех видов хлебного зерна. Английская и французская армии, ведущие по всему миру свои колониальные войны, затягиваясь все туже в узел европейских противоречий, при помощи фирмы «Дрейфус и К^о» получали миллионы пудов хлеба из Севастополя, разрушенного ими тридцать лет назад.

В 1891 г. страну постиг крупнейший неурожай, следствием которого стал голод. И хотя в Крыму и в районе Лозово-Севастопольской железной дороги удар неурожая не был столь ощутимым, как по всей остальной России, последствия его для экспорта сельскохозяйственной продукции стали катастрофическими.

Рост экспортных цен на хлеб, вызванный то ли окончанием мирового аграрного кризиса, то ли нехваткой русского зерна на европейском рынке, лихорадочные поиски товаров, которые могли бы заменить хлеб в экспорте, махинации на хлебном рынке, словом, полная его дезорганизация стали приметами 1891 года.

В 1890 г. во изменение предыдущего решения было определено передать не только Южную бухту, но и весь Севастопольский рейд в исключительное распоряжение морского ведомства и перенести Севастопольский коммерческий порт в Феодосию. Однако вскоре решено было оставить порт в Севастополе до 1 сентября 1895 г. 1894 год стал последним годом бесспорного преобладания Севастополя как экспортного пункта в Крыму. Внешняя торговля возродила Севастополь, и данные, приведенные в специальном исследовании Севастопольской Городской Думой, лишь подтверждают это, несмотря на то, что и к 1894 г. численность населения города не достигла уровня довоенного 1853 года:

Таблица 1.

Севастополь	Конец 60-х годов	1875 г.	1889 г.	1894 г.
Население (без войск)	8300 чел.	11000 чел.	25200 чел.	30500 чел.
Жилые строения	1144	1850	3700	4200
Городские доходы	13 000 руб.	46 000 руб.	309 000 руб.	416 000 руб.
Фабрики и заводы	4	4	33	27
Рабочие на них	308 чел.	840 чел.	1798 чел.	1362 чел.
Годовой оборот промышленности	209 000 руб.	704 000 руб.	4 068 000 руб.	2 860 000 руб.
Обороты порта	1 366 000 руб.	2 810 000 руб.	44 709 000 руб.	43 350 000 руб.
Обороты банков: Государственного, Городского и Взаимного Кредита	200 000 руб.	7 623 000 руб.	88 800 000 руб.	91 000 000 руб.

В 1895 г. время окончательной передачи севастопольского рейда морскому ведомству вновь было отсрочено. На этот раз – до 1 сентября 1899 г. При этом оговаривалось, что западная часть Южной бухты будет открыта для нужд местного торгового судоходства. В 1895 г. состоялось открытие Феодосийского торгового порта как экспортного пункта общегосударственного значения, соединенного веткой Джанкой – Феодосия с Лозово-Севастопольской железной дорогой еще в 1892 г. Процесс перераспределения грузопотока от Севастополя в пользу Феодосии и других портов Северного Причерноморья интенсифицировался и был завершён уже к 1897 г., когда Севастополь окончательно утратил значение как экспортный пункт.

В течение 1892-1895 гг. более чем вдвое увеличились объёмы экспорта зерна из Евпатории. Несмотря на то, что железная дорога до Евпатории была построена только в 1914г., это стало результатом завершившихся к концу 80-х годов XIX в. колонизации пустующих земель и, практически, полной распашки угодий, пригодных для производства зерна.

Двадцатилетие активной деятельности Севастополя как торгового порта стало для Крыма тем фундаментом, на котором в дальнейшем развивалась экономика полуострова. Лозово-Севастопольская железная дорога, построенная из стратегических соображений, превратилась затем и сама, уже для Крыма, в важнейший фактор хозяйственного развития, позволивший ускорить на полуострове объективные процессы эволюции рынка. В течение пяти лет, с 1893-го по 1897 гг., Феодосия и Севастополь, обеспеченные железной дорогой, работали вместе во внешней торговле Крыма. Наконец, эстафета была окончательно передана Феодосии, а Севастополь, расставшись с купеческой рубашкой, навсегда облачился в военно-морской мундир. С окончанием деятельности Севастопольского коммерческого порта завершилась целая эпоха в истории внешней торговли Крыма, эпоха развития крымского рынка «вширь», время экстенсивного развития крымской, пока ещё аграрной, экономики.

Именно в это двадцатилетие началась и завершилась колонизация полуострова, были распаханы практически все пригодные для выращивания хлеба земли, проведены важнейшие транспортные коммуникации, положено начало развитию местной промышленности, в частности, мукомольной. Крым окончательно стал составляющей общероссийского рынка, важным экспортным зерновым районом страны.

Кроме зернового хлеба весомую прибавку в экспорте 1901 г. из Керчи дал чугуна в слитках, производства местного металлургического завода. Чугуна вывезли 823600 пудов на 482100 руб., в 1904 г. – 3188244 пудов чугуна в слитках на сумму 1634000 руб.

В начале XX в. в торговле Керчи с Турцией примечательным было снабжение монастырей Старого Афона, куда отправляли рыбу, икру и муку. В 1903 г. в Турцию и Старый Афон было вывезено 20498 пудов товаров на сумму около 40000 руб. В том же году был завершён проект сооружения в Керчи глубоководного порта, однако начало войны с Японией отодвинуло его рассмотрение в правительстве на неопределённое время.

Учреждённый в 1871 г. Русский для внешней торговли Банк в январе 1907 года открыл единственное в Таврической губернии агентство в Евпатории и предоставил ему право выдачи ссуд и авансов под товары и товарные документы, выдачи ссуд

под процентные бумаги, приема денег на вклады и текущие счета и уплаты по вкладам и чекам за счет Херсонского отделения Банка, выдачи и оплаты переводов, инкассо и исполнения других поручений. Это снимало большое количество проблем для торговавших при Евпаторийском порте «Русского Общества вывозной торговли», Торгового дома «Луи Дрейфус и К^о», Евпаторийского 2-й гильдии купца Герша Исааковича Френкеля, Торгового дома «Карл Мартен», Российского Транспортного и Страхового Общества, Дворянина Самуила Моисеевича Пампулова, РОПиТО (Российское общество пароходства и торговли) и других.

Феодосия, крупнейший экспортный пункт на Крымском полуострове, играла особую роль во внешней торговле не только с точки зрения объемов вывоза, но и в связи с целым рядом специфических факторов, влиявших на ход внешнеторговой деятельности. Феодосия была всегда естественным вывозным портом богатого хлебородного района, включавшего степную и часть горного участка Крымского полуострова, причем хлеб этого района всегда высоко ценился на зарубежных рынках. Оборудование порта и проведение железной дороги не только расширили зону тяготения, которая включала в себя полосу до 100 верст в обе стороны вдоль Южных железных дорог до Харькова и даже Курска, но и обусловили довольно узкую специализацию портовых сооружений, предназначенных почти исключительно для экспорта хлеба.

Способы торговли хлебом зависели от размеров оборотного капитала и специализации торговцев. Одни закупали и отправляли хлеб по приказу своих иностранных патронов, другие производили операции на основании ранее совершенных продаж, третьи, скупая хлеб по различным ценам, набивали им арендуемые в городе амбары и ждали выгодного спроса среди местных экспортеров или за границей на основании информации своих агентов.

На две трети торговля хлебом в Феодосии находилась в руках наиболее крупных фирм «Луи Дрейфус и К^о», «М.Нейфельд и К^о» и «Бр.Тубино и К^о», которые, контролируя торговлю и в других портах, влияли на цены и технологию торговли. По всему хлебородному Югу, чаще всего не севернее Харькова, рассылались их агенты – служащие, а на крупных станциях создавались целые организации с кассирами, бухгалтерами и писцами. Каждому такому отделению представители фирмы из Феодосии диктовали по телеграфу условия покупки хлеба, а те, в свою очередь, рассылали по окрестным помещикам и крестьянам скупщиков, также состоявших на жаловании у фирмы.

До 1910 года крупные фирмы работали без помощи банков. Фирмы поменьше и скупщики торговали на занятые деньги. После открытия в Феодосии второго в Крыму (после Евпатории) отделения Русского для Внешней торговли Банка не имевших дела с банками фирм осталось только две: «Луи Дрейфус» и «Нейфельд», которые, скупая хлеб на местах за наличные деньги, отправляли его сразу в Феодосию, на пароход. В керченском порту работали три коммерческих предприятия: «Луи Дрейфус и К^о» по экспорту зерна, фирма Гинзбурга по экспорту соли и продуктов ее выварки и фирма братьев Обершмуклер, экспортировавшая хлеб и занимавшаяся мукомольным производством.

Огромный урожай 1909 года помирил всех конкурентов. Зерна не просто хватило всем портам – его не успевали вывозить. Озимая пшеница, составлявшая основу экспорта Крыма, пользовалась за границей весьма высокой репутацией благодаря своим уникальным хлебопекарным качествам. Главным покупателем и потребителем крымской пшеницы в Европе была Швейцария, хлеб в которую поступал из крымских портов через Роттердам и Марсель, выписанный заблаговременно через крупные торговые дома. Важнейшим потребителем крымской твердой пшеницы после Швейцарии была Италия, закупавшая высококачественное зерно для своей бурно развивающейся макаронной промышленности. Источником высокой репутации крымской пшеницы были, во-первых, климат полуострова, дающий возможность, благодаря умеренному, но достаточному количеству атмосферных осадков получить дородное и почти стекловидное зерно и, во-вторых, производители этого зерна – зажиточные землевладельцы, русские и немцы-колонисты, пользовавшиеся авторитетом аккуратных и добросовестных хозяев. Благодаря им зерно крымской озимой пшеницы поступало на рынок достаточно чистым и однородным и превосходило любое другое как в натурном весе, так и по чистоте. Прекрасная мука, получавшаяся из крымской пшеницы, находила себе обеспеченный сбыт.

В общую сумму морских перевозок вкладывали свою лепту все населенные пункты, расположенные вдоль побережья. Если ограничиться пунктами, учтенными таможенной статистикой (не менее 50000 пудов в год, включая большой и малый каботаж), то на Черном и Азовском морях их было 45, в том числе в Крыму: Бакал, Евпатория, Севастополь, Балаклава, Ялта, Алушта, Судак, Феодосия и Керчь. В 1908 г. по полному грузообороту они занимали соответственно места: Феодосия – 10-е, Керчь – 11-е, Евпатория – 13-е, Севастополь – 19-е, Ялта – 20-е, Бакал – 28-е, Алушта – 38-е, Судак – 41-е, Балаклава – 44-е. Однако в экспорте участвовали лишь Бакал, Евпатория, Севастополь, Феодосия и Керчь. Причем вывоз из Бакала, Севастополя и Керчи был ничтожен, а кроме Евпатории лишь Ейск на Юге не был обеспечен рельсовыми путями из портов с годовым грузооборотом не менее 10 миллионов пудов.

Выводы:

Деятельность морских торговых портов оказывала определяющее воздействие на развитие всего хозяйственного комплекса полуострова. Существенное отставание от наиболее развитых европейских стран с точки зрения глубины развития рынка компенсировалось высокими темпами хозяйственных преобразований, роста населения и его занятости в промышленности.

В Крыму, окончательно включенном к концу XIX в. в общероссийский аграрный рынок, обладавшем передовыми формами сельского хозяйства, прекрасным климатом, удобным географическим положением в условиях избытка рабочей силы созрели все условия для начала следующего этапа развития рынка – диверсификации промышленности и развития естественных отраслей полуострова: переработки сельхозпродуктов, строительной, винодельческой, курортной.

Список использованных источников и литературы

1. Ден В.Э. Положение России в мировом хозяйстве. Анализ русского экспорта до войны. Статистический очерк. – Пг., 1922. – 168 с.
Den V.E. Polozhenie Rossii v Mirovom Khozyaystve. Analiz Russkogo Eksporta Do Voyny. Statisticheskiy Ocherk. Petrograd: 1922. Print. (In Russian).
2. Довнар-Запольский М.В. Русский вывоз и мировой рынок. – Киев: тип. И.И.Чоколова, 1914. – 46 с.
Dovnar-Zapol'skiy M.V. Russkiy vyvoz i mirovoy rynek. – Kiev: tip. I.I.Chokolova, 1914. – 46 s.
3. Дружинина Е.И. Южная Украина в 1800–1825 гг. – М., 1970.
Druzhinina E.I. Yuzhnaya Ukraina v 1800 – 1825 gg. – M., 1970.
4. Дружинина Е.И. Южная Украина в период кризиса феодализма, 1825 – 1860 гг. – М., 1981.
Druzhinina E.I. Yuzhnaya Ukraina v period krizisa feodalizma, 1825 – 1860 gg. – M., 1981.
5. Захариевич Ф.А. Хлебная торговля в черноморских и азовских портах Южной России. – СПб., 1854. – 52 с.
Zakharievich F.A. Khlebnaya trgovlya v chernomorskikh i azovskikh portakh Yuzhnoy Ros-sii. – SPb., 1854. – 52 s.
6. Золотов В.А. Хлебный экспорт России через порты Черного и Азовского морей в 60-90-е годы XIX в.. – Ростов н/Д, 1966. – 207 с.
Zolotov V.A. Khlebnyy eksport Rossii cherez porty Chernogo i Azovskogo morey v 60-90-e gody XIX v.. – Rostov n/D, 1966. – 207 s.
7. Измest'ева Т.Ф. Россия в системе европейского рынка. Конец XIX – начало XX в. (опыт количественного анализа). – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 192 с.
Izmest'eva T.F. Rossiya v sisteme evropeyskogo rynka. Konets XIX – nachalo XX v. (opyt kolichestvennogo analiza). – M.: Izd-vo MGU, 1991. – 192 s.
8. Китанина Т.М. Хлебная торговля России в 1875-1914 гг. Очерки правительственной политики. – Л., 1978. – 287 с.
Kitanina T.M. Khlebnaya Torgovlya Rossii v 1875-1914 Gg. Ocherki Pravitel'stvennoy Politiki. Lenin-grad: 1978. Print. (In Rus-sian).
9. Кнушевицкий С.А. Обзор коммерческой деятельности южнорусских портов. – Харьков, 1910. – 205 с.
Knushevitskiy S.A. Obzor Kommercheskoy Deyatel'nosti Yuzhno-russkikh Portov. Khar'kov: 1910. Print. (In Russian).
10. Костров Н.Н. Торговля России с Италией и наш вывоз сельскохозяйственных продуктов в эту страну. – М.: т-во, тип. А.И.Мамонтова, 1915. – 248 с.
Kostrov N.N. Torgovlya Rossii s Italiy i nash vyvoz sel'skokhozyaystvennykh produktov v etu stranu. – M.: t-vo, tip. A.I.Mamontova, 1915. – 248 s.
11. Кунцевич Ф.П. Экспорт хлеба за границу и его влияние на развитие зернового хозяйства в Таврической губернии в конце XIX – начале XX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1968. – Л., 1972. – с. 263-273.
Kuntsevich F.P. Eksport khleba za granitsu i ego vliyanie na razvitie zernovogo khozyaystva v Tavricheskoy gubernii v kon-tse XIX – nachale XX v. // Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy. 1968. – L., 1972. – s. 263-273.
12. Лепешинский В. Лозово-Севастопольская железная дорога в коммерческом отношении. – Харьков, 1896. – 84 с.
Lepeshinskiy V. Lozovo-Sevastopol'skaya zheleznaya doroga v kommercheskom otnoshenii. Khar'kov: 1896.
13. Маркевич А.И. Таврическая губерния во время Крымской войны. – Симферополь, 1994. – 267 с.
Markevich A.I. Tavricheskaya guberniya vo vremya Krymskoy voyny. – Simferopol', 1994. – 267 s.
14. Нифонтов А.С. Зерновое производство России во второй половине XIX в.. – М., 1974. – 318 с.
Nifontov A.S. Zernovoe proizvodstvo Rossii vo vtoroy polovine XIX v.. – M., 1974. – 318 s.
15. Осипов А.Н. Русские сельскохозяйственные продукты на рынках Турции и Египта. – СПб.: тип. В.Демакова, 1891. – 90 с.

Osipov AN. Russkie sel'skokhozyaystvennye produkty na ryinkakh Turtsii i Egipta. Saint Pe-tersburg: 1891.

16. Покровский С.А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. – М., 1947. – 404 с.

Pokrovskiy S.A. Vneshnyaya trgovlya i vneshnyaya trgovaya politika Rossii. – М., 1947. – 404 с.

17. Федоров М.П. Хлебная торговля в главнейших русских портах и в Кенигсберге. – СПб., 1888. – 466 с.

Fedorov M. P. Khlebnaya trgovlya v glavneyshikh russkikh portakh i Kenigsberge. Saint Pe-tersburg: 1888.

Martsinovskii P.N. SEAPORTS AND MARKET OF THE CRIMEAN PENINSULA AT THE LAST QUARTER XIX - BEGINNING XX CENTURY // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Historical Science. – 2015. – Vol. 1, No. 2. – P. 63–75.

Close connection between Crimean economy and seaborne trade has always been a distinctive feature of the peninsula. The actuality of this problem persists today. Projects of construction of new ports, renovation of the old building and the associated transport communications are always on the agenda in the work of all, without exception, of the Crimean governments. This is the geographical location of Crimea. It makes decisive importance in the economy of the peninsula transport and transit component, which share over time, will only increase, not least due to the expansion of economic relations with other regions of the Russian Federation, Turkey, the Caucasus and the Middle East.

This article is merely export activities of sea ports of the Crimea in the last quarter of XIX - early XX century in the context of the influence of the activity on the market of the peninsula, the functioning of the all economic complex. Activities of the Commercial Seaports have a decisive impact on the development of the entire economic complex of the peninsula.

In 1874 the railway line reached Simferopol. It marked the end of the archaic transport links Crimean port with agricultural areas of the peninsula and from outside the Crimea. It remained to finish the railroad to the most important export item. In terms of export trade Feodosiya was the most promising port. It is no coincidence one of the first planned road was planned line that would connect the center of the black-earth Russia to the port of Feodosiya. The failure of the General Society has prevented the implementation of the plan. Then change the reality in international affairs resulted in the need for the implementation of vital projects for the country, needs not only and not so much at the center of a large export trade in the peninsula, but in a powerful naval base. And the choice fell on Sevastopol.

Feodosiya had, of course, a lot of advantages over Sevastopol as a grain port but is carrying out the railway to Sevastopol and Crimea in 1875 saved from the scourge of new impending war. Commissioning of the railroad created the conditions for an intense colonization. Considering the route of the railway line, the ratio of exports through separate ports of the peninsula, the conditions of agriculture in the various parts of the Crimea, the alternation productive and lean years, especially local merchants, foreign economic and political conditions, the general trends of development of commodity agricultural farm in southern Russia and other factors, we can conclude that the slow process of colonization of the Crimea became more or less progressive and systematic character only with the conduct of Lozovo-Sevastopol railway, which supports the further development of the situation on the peninsula and on the other hand, rejects the view of the alleged accelerated colonisation Crimea by Russians and Ukrainians after the mass emigration of the Crimean Tatars.

In 1895 the opening of Feodosiya trade port as an export item of national importance, connected branch Dzhankoy - Feodosiya with Lozovo-Sevastopol railway still in 1892. The process of redistribution of traffic from Sevastopol to Feodosiya and other ports in the Northern Black Sea intensified and was completed by the 1897, when Sevastopol finally lost importance as an export item.

Already since 1883 the colonization of vacant land has a positive impact on exports from the port of Yevpatoriya, because in addition to reducing the population, carrying the railway line to the port of Sevastopol Yevpatoriya deprived of some of his agricultural area. Feodosiya, the largest export item in the Crimean peninsula, played a special role in foreign trade, not only in terms of export volumes, but also in connection with a number of specific factors that influence the course of foreign trade. Feodosiya was always a natural port of export grain-rich region which includes steppe and mountain area of the Crimea, and the bread of the area has always been highly valued in foreign markets. A substantial gap from the most developed European countries in terms of the depth of market development was offset by high rates of economic reforms,

*МОРСКИЕ ПОРТЫ И РЫНОК КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА
В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – НАЧАЛЕ XX В.*

population growth and employment in the industry. In Crimea, finally turned to the end of the XIX century. into the Russian agricultural market with advanced forms of agriculture, wonderful climate, favorable geographical position in terms of labor surplus ripe conditions for the next stage of development of the market - industrial diversification and development of the natural branches of the peninsula: the processing of agricultural products, construction, wine, spa.

Keywords: market, trade, export.

УДК 902

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ НИКОЛАЯ ЭРНСТА: ПЕРЕПИСКА С АКАДЕМИКОМ С. Ф. ПЛАТОНОВЫМ

Непомнящий А.А.

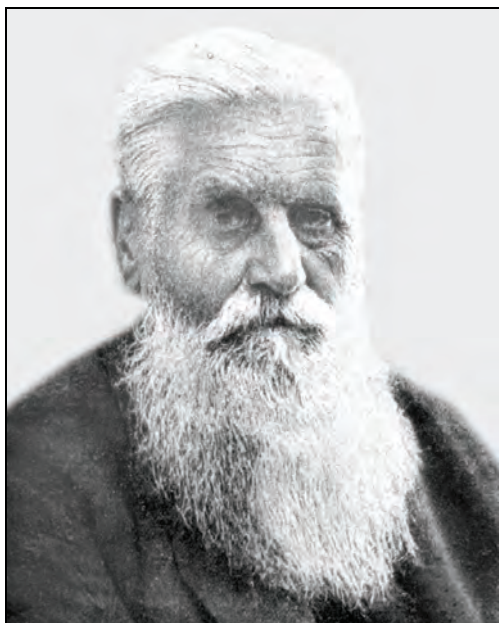
*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
Симферополь Российская Федерация
E-mail: dr.aan@mail.ru*

В научный оборот вводятся три неизвестных ранее письма лидера исторического крымоведения 20–30-х годов XX века профессора Крымского педагогического института им. тов. М. В. Фрунзе Николая Львовича Эрнста. Документы выявлены в личном архивном фонде академика Сергея Федоровича Платонова, отложившемся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. С. Ф. Платонов курировал некоторые вопросы археологического изучения крымских средневековых памятников и находился в переписке по этому вопросу с ведущими крымоведами. Он же стал инициатором проведения совместной советско-германской археологической экспедиции на Эски-Кермен для выявления остатков «готской культуры». Содержательные письма Н. Л. Эрнста позволяют по-новому увидеть особенности межличностных коммуникаций ведущих крымоведов эпохи и получить дополнительную информацию по истории археологического изучения крымских объектов культурного наследия.

Ключевые слова: Н. Л. Эрнст, С. Ф. Платонов, Эски-Кермен, советско-германская археологическая экспедиция, археологические памятники, эпистолярное наследие.

Эпистолярное наследие историков-крымоведов – содержательный источник разнообразных сведений о внутренних процессах в истории изучения края, межличностных коммуникациях, в первую очередь. Анализ личной переписки позволяет воссоздать интеллектуальную напряженность эпохи, демонстрирует особенности характеров, пристрастия, субъективные оценки историков. Вместе с тем как раз эти источники до последнего времени оставались в значительно меньшей степени введенными в научный оборот и, соответственно, исследованными. Причиной такой ситуации является трудоемкость их разыскания и разработки в личных архивных фондах крымоведов и архивах крымоведческих обществ, которые хранятся, в основном, за пределами Крыма. Значительная часть переписки Н. Л. Эрнста была введена в научный оборот в нашей монографии, посвященной этому выдающемуся деятелю науки [1]. Продолжение архивных поисков документов о научных контактах ученых из академических центров с местными краеведами позволило дополнить перечень этого наследия еще тремя письмами. Это послания академику С. Ф. Платонову.

Имя одного из крупнейших российских историков – академика АН СССР Сергея Федоровича Платонова (1860–1933) – только в последнее время заняло свое достойное место в истории крымоведения [2]. Выпускник Историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета (1882 г.), он довольно быстро – уже в 1899 году – стал профессором этого вуза. В течение многих лет в досоветский период С. Ф. Платонов выполнял обязанности декана историко-филологического факультета. Одновременно он являлся директором столичного Женского педагогического института, сотрудничал в Академии Генерального штаба и Военно-юридической академии, преподавал историю членам императорской фамилии.

Арсений Иванович Маркевич

Мамут Муратович Недим

Сергей Федорович Платонов

Николай Львович Эрнст

В центре научного внимания С. Ф. Платонова собственно история Крыма никогда не была. Он сосредоточился на изучении событий российской истории

XVI–XVII столетий. Историк стал автором оригинальной концепции этого периода с постановкой острых, новых для историографии конца XIX – начала XX века проблем, связанных с социально-экономической тематикой и социальной борьбой. Этим вопросам были посвящены как магистерская диссертация С. Ф. Платонова – «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник» (1888 год), так и его главный труд – докторская диссертация – «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.: опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время» (1899 г.). С. Ф. Платонов являлся одним из наиболее читаемых русских историков. Этому способствовало издание гимназического учебника по русской истории, который в досоветское время выдержал десять тиражей (последний – в 1917 году). «Князем науки» называл С. Ф. Платонова современник – граф С. Д. Шереметев, видевший в нем первого после смерти В. О. Ключевского историка. Основы «школы» С. Ф. Платонова были заложены в 90-х годах XIX века. Возглавив кафедру русской истории столичного университета, ученый воспитал крепкое научное направление, получившую название «Петербургской школы русских историков», или «Школы Платонова». Ее отличительной особенностью были ярко выраженный объективизм и ориентация исследователей преимущественно на источниковедческие разыскания, изучение исторического материала [3].

Интерес к средневековой истории Крыма возник у С. Ф. Платонова еще в студенческие годы под влиянием профессора Василия Григорьевича Васильевского (1839–1899) [4].

Предыстория первого из выявленных писем Н. Л. Эрнста к С. Ф. Платонову непосредственно связана с конфликтом, который остро разгорелся между Н. Л. Эрнстом и Н. И. Репниковым из-за прерогативного права исследования Эски-Керменского городища. Николай Львович начал эпизодические исследования на плато Эски-Кермена еще в 1921 году [5]. В 1923–1926-м работы на памятнике проводил Севастопольский музей краеведения. С 1927 года Центральные государственные реставрационные мастерские [6] совместно с Главнаукой Наркомата просвещения РСФСР организовали специальную Эски-Керменскую экспедицию, во главе которой был поставлен Н. И. Репников. При этом исследования Севастопольских краеведов под руководством П. П. Бобенчикова также продолжались. В 1928 году в ходе работ были обнаружены следы крупного поселения с остатками крепостной стены.

Как заведующий археологическим отделом Центрального музея Таврида, Н. Л. Эрнст обратился в основное курирующее научные исследования учреждение – Главнауку Наркомпроса РСФСР – с разъяснениями о том, что Эски-Кермен разрабатывает его экспедиция. Главнаука, в свою очередь, в апреле 1927 года обратилась с официальным письмом в Государственную академию истории и материальной культуры, где предлагалось Н. И. Репникову предоставить для исследований только Мангуп и Сюрень, а изучение Эски-Кермена закрепить за Н. Л. Эрнстом [7]. Однако Н. И. Репников в специальной записке от 9 мая, отправленной в Академию, резко выступил против такого разделения «полномочий» [8]. В борьбу за право изучать памятник был втянут и Наркомпрос Крымской АССР. За Н. Л. Эрнста вступился

нарком просвещения Крыма Усеин Вели Балич, который отстаивал право на исследование памятника экспедицией Центрального музея Тавриды [9].

Н. Л. Эрнст специально ездил в Ленинград, в ГАИМК, где 16 февраля 1928 года выступил на заседании Крымской комиссии с докладом «Эски-Кермен и пещерные города Крыма», где предлагались меры по охране памятника [10].

Не сидел сложа руки и Н. И. Репников. На обвинения Н. Л. Эрнста о том, что Н. И. Репников захватил «чужой» памятник, в АН СССР в 1929 году была направлена коллективная резолюция Севастопольского музея краеведения, сотрудники которого, хотя и признавали, что Н. Л. Эрнст вел работы на этом объекте с 1921 года, постановили «считать первым углубленно-научным изучением этого памятника <...> раскопки 1926 г., которые велись <...> Репниковым и были поставлены безукоризненно широко <...> в тесном <...> контакте с <...> Севастопольским музеем краеведения» [11]. В подписанной П. П. Бабенчиковым «Выписке из протокола Общего собрания работников Севастопольского музея краеведения» от 9 апреля 1929 года акцентировалось внимание на том, что до 1926 года прерогатива в изучении Эски-Кермена принадлежала исключительно Севастопольскому музею краеведения. Оговаривалось, что раскопки этого учреждения и работы, проводимые Н. Л. Эрнстом, «нельзя смешивать» [12]. Такая вставка специально была сделана П. П. Бабенчиковым по просьбе Н. И. Репникова. Это было связано со сделанным Г. А. Бонч-Осмоловским – другом Н. Л. Эрнста – заявлением о приоритете исследований Николая Львовича на Эски-Кермене в первой половине 20-х годов XX века. Такую формулировку Г. А. Бонч-Осмоловского П. П. Бабенчиков назвал «безосновательной» [13]. Далее в документе подчеркивается значение раскопок памятника, сделанных совместно Севастопольским музеем краеведения и Н. И. Репниковым в 1926–1928 годах [14].

В феврале 1929 года в Москве было проведено совместное заседание Центральных государственных реставрационных мастерских и Московского отделения Общества по изучению Крыма [15] по вопросу «изучения пребывания готов в Крыму». С докладом также тогда выступил профессор искусствоведения, руководитель Комиссии по сохранению и раскрытию памятников древней живописи в России Центральных государственных реставрационных мастерских в 1918–1930 годы Александр Иванович Анисимов (1877–1937). Он состоял в научной переписке с Н. И. Репниковым и поддерживал позицию последнего [16]. Затем выступили Ю. В. Готье и сам Н. И. Репников. К заседанию была открыта выставка из материалов экспедиций Н. И. Репникова. Историк отождествлял Эски-Кермен с Доросом – столицей Крымской Готии. Н. Л. Эрнст же считал эту версию ошибочной и связывал Дорос с Мангупом. В марте 1929 года Комиссия по истории знаний, Византийская и Археографическая комиссии АН СССР провели совместное заседание по «вопросу об открытии в Эски-Кермен (Крыму) готского города». Были заслушаны доклады А. И. Анисимова «Росписи Эски-Кермена», В. А. Брима «Изучение готской культуры в русской историографии», Б. Н. Вишневого «Антропологический материал Эски-Кермена», Н. И. Репникова «Эски-Кермен в свете археологических работ 1928 года» [17].

12 апреля 1929 года в письме к Сергею Федоровичу Платонову Арсений Иванович Маркевич тогда представил свое видение конфликта, развернувшегося между двумя крымоведами. Николая Львовича А. И. Маркевич знал, конечно, лучше, чем Н. И. Репникова. Каждый из них просил Академию наук о разрешении на организацию собственной экспедиции, чего Арсений Иванович не рекомендовал делать: «Вдвоем они сразу переругаются» [18]. При этом А. И. Маркевич охарактеризовал для С. Ф. Платонова Н. Л. Эрнста: «Н. Л. Эрнст высокообразованный человек, работающий вполне научно, с немецкой выдержкой, осторожно, аккуратно, но копал только курганы и пещеры, да городище в Симферополе» [19]. При всей сложности, даже антагонизме, отношений Н. И. Репникова и Н. Л. Эрнста А. И. Маркевич советовал С. Ф. Платонову использовать в деле изучения Эски-Кермена опыт обоих археологов. «Оба они дополняют друг друга», – заключал он [20].

С. Ф. Платонов в последующем постоянно интересовался ходом исследований на Эски-Кермене, а Арсений Иванович подробно информировал его о положении дел. Так, 24 мая 1929 года он сообщал в Ленинград: «Как председателя Таврического общества истории, археологии и этнографии меня, конечно, сильно смущали и волновали нелады Н. И. Репникова с Н. Л. Эрнстом, я очень желал бы, чтобы они прекратились, и самолюбие и того и другого лица было принесено в жертву науки. – Но отношения между ними осложнились, захватили широкие научные сферы, целые учреждения, причем ни Москва, ни Ленинград не проявили, как будто, желания помирить двух научных работников, хотя бы путем третейского суда, на что, насколько я осведомлен, Н. Л. Эрнст охотно бы согласился. Оба эти лица искренне преданы науке, оба они связаны своей работой с Эски-Керменом, – по-моему, Эрнст больше, но это все равно, – и участие обоих в Эски-Керменских раскопках не может не вызывать сочувствия, равно как и устранение того или другого должно вызывать только сожаление» [21].

К середине 1929 года противостояние Н. И. Репникова и Н. Л. Эрнста достигло своего апогея. Об этом Арсений Иванович информировал С. Ф. Платонова как академика-секретаря Отделения гуманитарных наук АН СССР. Николай Иванович Репников, организовавший крупномасштабное исследование Эски-Кермена, все силы отдавал этому делу. Подробную информацию по этому же вопросу содержит переписка Н. И. Репникова с заведующим Реставрационным подотделом Центральных государственных реставрационных мастерских Игорем Эммануиловичем Грабарем (1871–1960), которая не так давно была опубликована на страницах «Исторического наследия Крыма» [22]. Документы, касающиеся этого конфликта, выявленные в различных архивах, свидетельствуют о желании Н. И. Репникова замкнуть исключительно на себе изучение Эски-Кермена. При этом для доказательства собственной правоты Н. И. Репников и поддерживавший его В. И. Равдоникас не брезговали никакими средствами. На заседаниях Крымской комиссии Государственной академии истории материальной культуры 28 марта и 9 мая 1929 года в сторону Н. Л. Эрнста сыпались обвинения не только в неумелом, а, следовательно, и некачественном, проведении археологических раскопок, но и в плагиате. Ученому инкриминировали использование без указания авторства трудов, присвоение себе чертежей и рисунков, выполненных еще Александром Львовичем Бертье-Делагардом

[23]. В. И. Равдоникас и Н. И. Репников безапелляционно утверждали, что Н. Л. Эрнст использовал без указания авторства для своих научных интересов материалы архива бывшей Таврической ученой архивной комиссии, в частности, хранившиеся там бумаги (описания археологических работ, чертежи и планы раскопов) основателя Московского археологического общества Алексея Сергеевича Уварова (1824–1884) [24].

Вот в таких обстоятельствах появилось письмо Н. Л. Эрнста от 8 июля 1929 года, адресованное С. Ф. Платонову. Тексты приведены в современной орфографии пунктуации. Замеченные ошибки исправлялись без оговорок.

«Симферополь, Госпитальная, 18, кв. 1.

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Когда А. И. Полканов был в Ленинграде, вы были так любезны его предупредить, что в Ленинграде ходят слухи, будто бы я для своих работ об архитекторе Алевизе и об Эски-Кермене использовал неизданные рукописные материалы покойного А. Л. Бертье-Делагарда.

Было, конечно вполне ясно, откуда эти слухи исходят. Тем временем я получил сведения о новых выступлениях против меня в том же направлении со стороны сотрудников Н. И. Репникова на заседаниях Крымской комиссии Акад. Ист. Мат. Культ. Переслано мне такое направленное против меня постановление сева­стопольских краеведов, которое, конечно, и у вас имеется. Все эти выступления и обвинения сводятся к тому, что я над изучением Эски-Кермена вообще не работал и там вряд ли бывал, а для своих докладов о нем использовал материалы Бертье-Делагарда.

Если бы я стал сам опровергать перед вами эти гнусные и неумные инсинуации, то вы могли бы мне не поверить. Поэтому, как вам обещал уже и А. И. Полканов, я препровождаю вам официальные справки от соответствующих учреждений и лиц, из которых явствует, что я действительно на Эски-Кермене давно работал, что мне было вполне доступно, и поэтому никак не нуждался в какой-либо за­гробной помощи А. Л. Бертье-Делагарда.

Вместе с тем я позволю себе послать вам свою статью об Эски-Кермене, которая только что напечатана в «Известиях Таврич. О-ва Ист., Археол. и Этн.». Она должна была появиться еще полтора года тому назад, но пролежала в Москве без движения, т. к. издание, где она должна была быть напечатана, не состоялось.

Меня крайне тяготит, глубокоуважаемый Сергей Федорович, что мое имя постоянно треплется перед вами в связи с Эски-Керменом и планами, и проблемами. Мне совершенно не понятна цель всей этой систематически проводимой травли против меня. Я совершенно никому не навязываю своего участия в работах на Эски-Кермене и никого не собираюсь вытеснять. Только в 1927 г., когда Н. И. Репников предполагал заняться Эски-Керменом и в свой план включил «обмеры, съемки, раскопки» и т. д., то я ему указал, что обмеры, и съемка плана, и фотографирование уже производилось и мною, и сева­стопольскими краеведами, и что повторять эту работу нерационально, а раскопки предположены мною в продолжение моих работ, и что перебивать эти мои планы я считаю поступком нежелательным. Так как Николай Иванович раскопки в Эски-Керменен начал, то я, как человек совершенно ми-

ролюбивый, ему не препятствовал и не позволил себе ни малейшего выступления ни сам, ни через кого-нибудь против него и его работы и считаю, что при созданной им атмосфере мне все равно и с ним, и рядом с ним работать было бы невозможно.

Мне глубоко прискорбно, многоуважаемый Сергей Федорович, что мне придется занимать ваше внимание и время этими чрезвычайно тягостными и вам столь чуждыми взаимоотношениями. Я делаю это лишь потому, что в высшей степени дорожу вашим мнением; очень и очень прошу вас извинить мою навязчивость.

Спасибо вам большое за установление связи между мною и Ф. А. Брауном. Я веду с ним переписку и приложу все усилия, чтобы облегчить германским археологам их пребывание и работу в Крыму.

Искренне преданный Вам Н. Эрнст» [25].

Между тем при содействии С. П. Платонова энергично готовилась совместная советская-германско экспедиция по изучению памятников Эски-Кермена. Академик запрашивал крымского ученого информацию о крымских памятниках и их изучении.

5 августа 1929 г. Николай Львович писал в Ленинград С. Ф. Платонову из Старого Крыма:

«Старый Крым, бывший Армянский монастырь.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Очень Вам благодарен за Ваше письмо и за проявленное Вами в нем доброжелательное ко мне отношение.

На поставленные Вами мне вопросы об официальных взаимоотношениях учреждений в Крыму и в частности по отношению к Эски-Кермену могу Вам сообщить следующее:

Все крымские музеи, а также все памятники старины находятся в ведении Крымского Наркомпроса, в составе которого имеется инспектор по делам музеев (тов. Опалов). Так. обр., и Центр. музей Тавриды, и Севастопольский краеведческий музей, и Херсонес, и Эски-Кермен подчинены НКПросу [Наркомат просвещения Крымской АССР – А. Н.] в лице т. Опалова. Непосредственное наблюдение за памятниками старины находится в руках музеев порайонно. Так. обр., Эски-Кермен находится в ближайшем ведении Бахчисарайского музея, так как он расположен в Бахчисарайском административном районе. Однако Бахч. музей им мало интересуется, так как это памятник не татарский. Такова административная принадлежность Эски-Кермена. Имейте при вашем пребывании в Симферополе в виду, Сергей Федорович, что Крымский Нар Ком Прос – учреждение обидчивое и выражал недовольство тем, что Академия Наук вела до сих пор весь вопрос об Эски-Кермене, о приезде и участии немцев и пр. без всякого согласования с ним, в ведении которого Эски-Кермен состоит, и даже без информирования.

Кроме указанного официального районирования и подчиненности, у крымских музеев есть еще распределение между ними исследовательских областей, установленное одной из наших музейных конференций. Согласно ему, в сферу научных исследований Центрального Музея Тавриды входят византийские и готские древности Горного Крыма. Севастопольскому же музею краеведения надлежит изучать древности Севастопольского района. Так как это «районирование» исследовательской

работы установлено соглашением музеев на конференции, то оно, конечно, нередко нарушается.

Я в последнее время вел раскопки в разных местах и подгонял их так, чтобы быть к 6–7 августа в Симферополе, так как к этому времени, согласно вашему сообщению, вы должны были прибыть сюда, а мне, конечно, было бы очень ценно с Вами здесь встретиться. К сожалению, Вам не удалось выполнить этот план и Вы сможете быть здесь 14–15-го. Между тем у меня уже намечены работы в Старом Крыму и я принужден завтра туда уехать.

Очень прошу Вас сообщить мне, следует ли мне прервать мои работы в Старом Крыму и приехать в Симферополь к 14–15-му или, может быть, лучше мне встретиться с Вами в Симферополе уже в начале сентября, когда приедут немцы. В этом и другом случае я буду весь к Вашим услугам и буду искренне рад возможности Вас приветствовать.

С искренним уважением, Н. Эрнст» [26].

В письме упоминается Василий Григорьевич Опалов, игравший тогда немало важную роль в музейном строительстве. Восстановить основные моменты биографии этого деятеля крымского краеведения стало возможным благодаря изучению архивно-следственных дел репрессированных деятелей крымской интеллигенции [27]. В. Г. Опалов-Иванов работал в 1920–1922 годах заведующим учебной частью двухклассной школы при Сызранском военкомате. В 1924 – начале 1925 года – в Симбирском губкоме ВКП(б) заместителем заведующего отдела агитации и пропаганды Ленинизма. Затем, в мае 1925 года, переехал на работу в Вологду, где некоторое время являлся редактором губернской крестьянской газеты, а затем несколько месяцев – заведующим отделом агитации пропаганды Ленинизма в Вологодском губкоме. Из-за заболевания туберкулезом в конце 1925 года был переброшен на работу в Крым. С конца 1925 по 15 ноября 1927 года – заведующий отделом агитации и пропаганды Ленинизма Евпаторийского райкома ВКП(б). В Крыму В. Г. Опалов кроме музея работал консультантом в КрымЦентрархиве (1933 год), откуда он был буквально выжит А. М. Павловским. В 1935 году В. Г. Опалов был исключен из ВКП(б) за троцкизм, а 5 января 1937 года был арестован НКВД в Ульяновске. 6 января 1937 года ему инкриминировали контрреволюционную деятельность. 19 июня 1937 года В. Г. Опалов-Иванов был осужден к 8 годам тюремного заключения [28].

Третье из выявленных писем Н. Л. Эрнста С. Ф. Платонову непосредственно касается приезда в Крым немецких археологов для осмотра средневековых памятников полуострова. Во второй половине 20-х годов XX века наблюдался всплеск активности советско-германских отношений. Это выразилось в обмене специалистами и организации научных контактов. В июле 1928 года в Германии прошла неделя советских историков, где СССР представлял академик С. Ф. Платонов, а в сентябре того же года в Советский Союз с ответным визитом прибыл президент Объединения для содействия немецкой науке государственного министра Ф. Шмидт-Отт и секретарь Общества по изучению Восточной Европы Г. Йонас, которые посетили различные советские научные учреждения [29].

Узнав от археолога Александра Андреевича Спицына об открытиях Н. И. Репникова в 1928 году на Эски-Кермене крупного поселения с остатками крепост-

ной стены, С. Ф. Платонов поделился этой информацией со своим другом Федором Александровичем Брауном (1862–1942), который до своей эмиграции в Германию активно разрабатывал крымоведческие сюжеты [30]. Это было вполне логично с учетом давних научных связей двух ученых. Заметим, что именно С. Ф. Платонов рекомендовал Ф. А. Брауна к избранию в члены-корреспонденты АН СССР [31]. Ф. А. Браун, в свою очередь, проинформировал об успехах советских археологов своих немецких коллег, которые выступили инициаторами организации совместной советско-германской экспедиции в Крым для решения так называемой «готской проблемы». С. Ф. Платонов поддержал эту идею и 11 апреля 1929 года обратился с письмом к заведующему отделом научных учреждений Совета Народных Комиссаров СССР Е. В. Воронову [32]. Получив согласие чиновника, С. Ф. Платонов 24 апреля 1929 года провел через Общее собрание АН СССР решение о необходимости организации археологических исследований в Крыму совместно с германскими учеными [33]. Вот почему академик так пристально интересовался у А. И. Маркевича положением дел на Эски-Кермене, взаимоотношениями Н. И. Репникова и Н. Л. Эрнста [34; 35]. Именно поэтому, приехав в Крым на отдых в августе 1929 года, он планировал посетить Эски-Кермен и лично сопроводить немецких ученых. В этой связи С. Ф. Платонов решил отдохнуть до приезда германской делегации в Крыму. Он выбрал Гаспру. Однако из-за начала так называемого «дела Академии наук» так и не смог встретиться с немцами и был вынужден срочно выехать в Ленинград.

19 сентября 1929 года Николай Львович рапортовал С. Ф. Платонову, который находился в Гаспре в доме отдыха ЦКУБУ

«Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

По окончании поездки с германскими археологами спешу Вас проинформировать о всем её ходе и результатах.

Началось неблагоприятно. Когда 7-го сент. в 4 часа утра Арсений Иванович и я явились согласно Вашему поручению на вокзал для встречи гостей, то лишь с великим трудом разыскали их в поезде и нашли спящими и совсем не готовыми к высадке в Симферополе: не имея никаких сведений, что их будут здесь ожидать и встречать, они решили ехать до Севастополя, чтобы не блуждать в столь ранний час в незнакомом городе. Пришлось им поэтому из Севастополя сейчас же автомобилем возвращаться в Симферополь, где я их и встретил вторично, поместил в гостинице, показал музей и город, свел с Арсением Ивановичем и наркомом просв. Мамутом Недимом. Утром 8-го сентября в сопровождении тех же А. И. Маркевича и Мамута Недима мы поехали автомобилем в Эски-Кермен, набрав необходимых продуктов питания, дабы немцы не голодали в татарской деревне. Ходили осматривать Эски-Кермен. Арсений Ив. и Недим вернулись вечером в Симферополь, а гости и я остались в Черкес-Кермене. В деревне я их устроил довольно хорошо, в хорошем доме. Кормились взятыми из Симферополя продуктами.

Эски-Кермен вообще и раскопки в частности произвели на Зауэра большое впечатление. Он нашел, что то, что видно над землей, пещерные церкви с живописью и т. д. относится к позднему средневековью, а раскопанные стены и погребения – ранние. На Эски-Кермене мы оставались 3 дня и хорошо все посмотрели. После

этого отправились лошадьми на Мангуп, подымались наверх и осмотрели все существенное. Мангуп также поразил гостей: они нашли его достойным основательного изучения и раскопок. Затем проехали в Бахчисарай, оттуда лошадьми совершали объезды Чуфут-Калэ, Тепе-Кермен, Качи-Кален. Все эти места произвели глубокое впечатление. Из Бахчисарая поехали автомобилем в Ялту через Ай-Петри с заездом в Сюрень, Таш-Басты (всходили на т. наз. Сюреньскую башню), Коккоз. В Ялте остановились в гостинице и совершили поездку катером в Гурзуф и Алушту, осматривали готские могильники. Наконец, из Ялты поехали (показывая готские крепости в горах) автомобилем в Севастополь, где посетили Херсонес. После всего этого я усадил гостей на пароход, с которым они поехали в Батум. С Д. Н. Егоровым не виделись, он ограничился приветственной телеграммой. Я старался сделать все возможное, чтобы обставить гостей удобствами и чтобы показать им все существенные пункты в Крыму, связанные с готами, и состоял при них неотступно, руководя каждым шагом. Мне кажется, что все произошло более или менее гладко. Не знаю, как они сами об этом думают. Во всяком случае, они рассыпались в благодарностях. В качестве резюме Зауэр заявил, что он будет в Берлине предлагать участвовать в будущем году предварительной суммой и людьми в раскопках на Эски-Кермене и Мангуп.

Преданный Вам Н. Эрнст

Р. С. Большинство расходов по поездке я оплачивал из присланной Вами суммы. Часть расходов (гостиницу в Симферополе и автомобиль в Эски-Кермен) оплатило Крым. правительство» [36].

Упомянутый в письме Мамут Мурадович Недим (1893–1938) известен своей деятельностью на посту наркома просвещения Крымской АССР (смени У. В. Балича). До этого он редактировал популярную газету «Енъи дунья», журналы «Илери» и «Енъи Чолпан». Образование получил в Турции – окончил учительскую семинарию в Бурсе. Продолжил учебу в высшей экономической школе в Берлине. Друг и защитник Б. В. Чобан-заде, он не смог долго продержаться в наркомате просвещения. В феврале 1930 г. был переведен научным сотрудником в Научно-исследовательский институт национального строительства. Репрессирован в 1937 году. Расстрелян в 1938-м.

Называется также имя члена-корреспондента АН по отделению гуманитарных наук Дмитрия Николаевича Егорова (1878–1931) – историка культуры, библиотековеда, работавшего профессором Московского университета, а затем – заместителем директора Государственной библиотеки имени В. И. Ленина. Ученый также был репрессирован по «академическому делу».

Таким образом, письма позволяют нам по-новому увидеть некоторые нюансы истории изучения крымских памятников в конце 20-х годов XX века, понять сложную линию взаимоотношений в крымоведении той эпохи.

Список использованных источников и литературы

1. Непомнящий А. А. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения.– Киев: Стило, 2012.– 464 с.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; Вып. 15).

Непомнѣшхѣй А. А. Профессор Николай Ернст: страницѣ исторѣи крымского краевѣденѣя.– Киев: Stilos, 2012.– 464 s.– (Serija: «Biobibliografija krymovenenija»; Vyp. 15).

2. Непомнящий А. А. «Пока берегаем и спасаем...»: неизвестные материалы по истории крымове-дения в переписке А. И. Маркевича и академика С. Ф. Платонова // Историческое наследие Кры-ма.– Симферополь, 2006.– № 16.– С. 138–165.

Непомnjashhij A. A. «Poka oberegaem i spsaem...»: neizvestnye materialy po istorii krymovedenija v perepiske A. I. Markevicha i akademika S. F. Platonova // Istoricheskoe nasledie Kryma.– Simferopol', 2006.– № 16.– S. 138–165.

3. Брачев В. С. Крестный путь русского историка: Академик С. Ф. Платонов и его «дело».– СПб.: Стомма, 2005.– 450 с.

Brachev V. S. Krestnyj put' russkogo istorika: Akademik S. F. Platonov i ego «delo».– SPb.: Stomma, 2005.– 450 s.

4. Медведев И. П. Студенческий реферат С. Ф. Платонова «О местопребывании готов-тетрактитов» // Античная древность и Средние века: сб. науч. трудов / Уральский гос. ун-т им. А. М. Горького.– Екатеринбург, 2011.– Вып. 40: К 50-летию Уральской школы византиноведения.– С. 390–393

Medvedev I. P. Studencheskij referat S. F. Platonova «O mestoprebyvanii gotov-tetraksitov» // Antichnaja drevnost' i Srednie veka: sb. nauch. trudov / Ural'skij gos. un-t im. A. M. Gor'kogo.– Ekaterinburg, 2011.– Vyp. 40: K 50-letiju Ural'skoj shkoly vizantinovedenija.– S. 390–393

5. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 97, л. 1.

ИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 97, л. 1.

6. Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: Исследования и до-кументы / авт.-сост. А. В. Хливнюк; под ред., вступ. ст. А. А. Непомнящего.– Симферополь: СГТ, 2008.– 240 с.– (Серия: «Биобиблиография крымове-дения»; Вып. 11).

Ohrana i izuchenie pamjatnikov istorii i kul'tury v Krymskoj ASSR: Issledovanija i dokumenty / avt.-sost. A. V. Hlivnjuk; pod red., vstup. st. A. A. Nepomnjashhego.– Simferopol': SGT, 2008.– 240 s.– (Serija: «Bibibliografija krymovedenija»; Vyp. 11).

7. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1927 г.), д. 153, л. 3.

ИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1927 г.), д. 153, л. 3.

8. Там же, л. 4.

Tam zhe, l. 4.

9. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1927 г.), д. 153, л. 5, 8.

ИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1927 г.), д. 153, л. 5, 8.

10. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1928 г.), д. 134, л. 1–1 об.

ИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1928 г.), д. 134, л. 1–1 об.

11. Тункина И. В. К истории изучения «готской проблемы» в советской археологии в 1920-х – начале 1930-х гг. // Труды II (XVIII) Всесоюзного Археологического съезда в Суздале / Ин-т археоло-гии РАН; отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров: в 3-х т.– М., 2008.– Т. 3.– С. 250.

Tunkina I. V. K istorii izuchenija «gotskoj problemu» v sovetskoj arheologii v 1920-h – nachale 1930-h gg. // Trudy II (XVIII) Vsesojuznogo Arheologicheskogo s#ezda v Suzdale / In-t arheologii RAN; отв. red. A. P. Derevjanko, N. A. Makarov: v 3-h t.– M., 2008.– T. 3.– S. 250.

12. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 97, л. 1.

ИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 97, л. 1.

13. Там же.

Tam zhe.

14. Непомнящий А. А. Николай Эрнст и Николай Репников: к истории одного конфликта // Праці Центру пам'яткознавства: зб. наук. праць / Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК. – Київ, 2011. – Вип. 19. – С. 142–159.

Nepomnjashhij A. A. Nikolaj Jernst i Nikolaj Repnikov: k istorii odnogo konflikta // Praci Centru pam`jatkoznavstva: zb. nauk. prac' / Centr pam`jatkoznavstva NAN Ukraїni i UTOPIK. – Kiїv, 2011. – Vip. 19. – S. 142–159.

15. Севастьянов А. В. «...Работа Российского общества по изучению Крыма является в интересах Крыма крайне желательной...»: документы архивов свидетельствуют // Историческое наследие Кры-ма.– 2006.– № 12/13.– С. 128–152.

- Sevast'janov A. V. «...Rabota Rossijskogo obshhestva po izucheniju Kryma javljaetsja v interesah Kryma krajne zhelatel'noj...»: dokumenty arhivov svidetel'stvujut // Istoricheskoe nasledie Kryma.– 2006.– № 12/13.– S. 128–152.
16. ГТГ, ф. 68, оп. 1, д. 320–324.
GTG, f. 68, op. 1, d. 320–324.
17. Тункина И. В. К истории изучения «готской проблемы»....– С. 249–250.
Tunkina I. V. K istorii izuchenija «gotskoj problemu»....– S. 249–250.
18. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3486, л. 28.
RNB OR, f. 585, op. 1, d. 3486, l. 28.
19. Там же, л. 29.
Tam zhe, l. 29.
20. Непомнящий А. А. До біографії Миколи Ернста: нові документи з архівів Санкт-Петербурга та Києва // Краєзнавство.– 2009.– № 3/4.– С. 118–126.
Nepomnjashhij A. A. Do biografii Mikoli Ernsta: novi dokumenti z arhiviv Sankt-Peterburga ta Kievа // Kraeznavstvo.– 2009.– № 3/4.– S. 118–126.
21. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3487, л. 3–4.
RNB OR, f. 585, op. 1, d. 3487, l. 3–4.
22. «Не закрываю глаз на сложность, трудность и ответственность предстоящей работы в области охраны и изучения памятников Крыма...»: Письма Н. И. Репникова к И. Э. Грабарю / подг., предисл., комм. Е. А. Теркель // Историческое наследие Крыма.– 2006.– № 14.– С. 212–223; То же // Там же.– 2008.– № 22/23.– С. 321–335.
«Ne zakryvaju glaz na slozhnost', trudnost' i otvetstvennost' predstojashhej raboty v oblasti ohrany i izuchenija pamjatnikov Kryma...»: Pis'ma N. I. Repnikova k I. E. Grabarju / podg., predisl., komm. E. A. Terkel' // Is-toricheskoe nasledie Kryma.– 2006.– № 14.– S. 212–223; To zhe // Tam zhe.– 2008.– № 22/23.– S. 321–335.
23. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 40, л. 45–57.
IIMK RAN NA RO, f. 2, op. 1 (1929 g.), d. 40, l. 45–57.
24. Там же.
Tam zhe.
25. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 4721, л. 1–2.
RNB OR, f. 585, op. 1, d. 4721, l. 1–2.
26. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 472, л. 4–5.
RNB OR, f. 585, op. 1, d. 472, l. 4–5.
27. ГАРК, ф. Р-4808, оп. 1, д. 09681, л. 135–139, 140.
GARK, f. R-4808, op. 1, d. 09681, l. 135–139, 140.
28. Непомнящий А. А. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения.– Киев: Стило, 2012.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; Вып. 15).– С. 237–238.
Nepomnjashhij A. A. Professor Nikolaj Jernst: stranicy istorii krymskogo kraevedenija.– Kiev: Stilos, 2012.– (Serija: «Biobibliografija krymovedenija»; Vyp. 15).– S. 237–238.
29. Тункина И. В. К истории изучения «готской проблемы»....– С. 249.
Tunkina I. V. K istorii izuchenija «gotskoj problemu»....– S. 249.
30. Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: Библиография и архивы (конец XVIII – начало XX века).– Симферополь: Доля, 2001.– С. 118, 666.
Nepomnjashhij A. A. Istorija i jetnografija narodov Kryma: Bibliografija i arhivy (konec XVIII – nachalo XX veka).– Simferopol': Dolja, 2001.– S. 118, 666.
31. Платонов С., Крачковский И., Ольденбург С. Записка об ученых трудах проф. Ф. А. Брауна // Известия Академии наук СССР. Сер. 6.– 1927.– № 18.– С. 1517–1520.
Platonov S., Krachkovskij I., Ol'denburg S. Zapiska ob uchenyh trudah prof. F. A. Brauna // Izvestija Akademii nauk SSSR. Ser. 6.– 1927.– № 18.– S. 1517–1520.
32. ПФАРАН, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 28, л. 66.
PFARAN, f. 2, op. 1 (1929 g.), d. 28, l. 66.
33. Там же, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 251, л. 15 об.
Tam zhe, f. 2, op. 1 (1929 g.), d. 251, l. 15 ob.

34. Непомнящий А. А. Новые архивные документы к истории изучения Эски-Кермена // Проблемы континуитета в византийской и поствизантийской истории: тез. докл. XIII Междунпр. Сюзюмовских чтений. Екатеринбург 18–20 нояб. 2010 года / Уральский гос. ун-т им. А. М. Горького.– Екатеринбург, 2010.– С. 75–78.

Непомнящий А. А. Novye arhivnye dokumenty k istorii izuchenija Jeski-Kermena // Problemy kontinuiteta v vizantijskoj i postvizantijskoj istorii: tez. dokl. XIII Mezhdunpr. Sjuzumovskih chtenij. Ekaterinburg 18–20 nojab. 2010 goda / Ural'skij gos. un-t im. A. M. Gor'kogo.– Ekaterinburg, 2010.– S. 75–78.

35. Непомнящий А. А. Неизвестные страницы истории кримоведения: к портрету Николая Эрнста // Науковий вісник Ізмаїльського держ. гуманіт. ун-ту: зб. наук. праць.– Ізмаїл, 2011.– Вип. 30: На пошану доктора історичних наук, професора, завідувача кафедри всесвітньої історії, ректора Ізмаїльського державного гуманітарного університету Олександра Михайловича Лебеденка з нагоди його 60-річчя.– С. 112–119.

Непомнящий А. А. Neizvestnye stranicy istorii krymovedenija: k portretu Nikolaja Jernsta // Naukovij visnik Izmail's'kogo derzh. gumanit. un-tu: zb. nauk. prac'.– Izmail, 2011.– Vip. 30: Na poshanu doktora istorichnih nauk, profesora, zaviduvacha kafedri vsesvitn'oi istorii, rektora Izmail's'kogo derzhavnogo gumanitarnogo universitetu Oleksandra Mihajlovicha Lebedenka z nagodi jogo 60-richchja.– S. 112–119.

36. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 4721, л. 7–8.

RNB OR, f. 585, op. 1, d. 4721, l. 7–8.

Непомнящий А. А. Unknown pages of the epistolary heritage by Nikolay Ernst: correspondence with academician S. F. Platonov / A. A. Nepomnyashchy // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Historical Science. – 2015. – Vol. 1, No. 2. – P. 76–88.

The scientific circulation introduced three previously unknown letters to the leaders of the historic Crimean local-history studies 20-30-ies of XX century, professor of Crimean Pedagogical Institute Comrade M. V. Frunze Nikolay Lvovich Ernst. Documents found in the personal archives of Academician Sergei Fedorovich Platonov, put the Manuscripts Department of the Russian National Library. S. F. Platonov oversaw some of the issues of the archaeological study of the Crimean medieval monuments and was in correspondence on this subject with the leading Crimean historians. He was the initiator of the joint Soviet-German archaeological expedition at Eski-Kermen to detect residues "gothic culture." Meaningful letters N. L. Ernst allow new insights especially interpersonal communication leading Crimean historians of age and get more information on the history of archaeological study by the Crimean cultural heritage.

Keywords: N. L. Ernst, S. F. Platonov, Eski-Kermen, the Soviet-German archaeological expedition, archaeological sites, epistolary heritage.

УДК 94(41/99):(477.75)

ОБ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ ГЕНУЭЗСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Сеитвелиева Н. Ю.

*Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: naile_crimea@mail.ru*

Предпринята попытка показать особенности этноконфессиональной обстановки в северопричерноморских факториях Генуи, проанализировать характер отношений между представителями различных этносов, но живущих в рамках одного города, в рамках единых отношений, составляющих многоязыкое население факторий. Здесь важно было понять специфику жизни далеко не однородного населения колоний, выявить особенности имевшего место сосуществования, как то заключение браков или сотрудничество в социально-экономической сфере. Также примечательно выделение такой интересной особенности внутрифакториального устройства, как статусное понятие «генуэзец», и возможность обретения этого статуса при определенных условиях представителями местного населения.

Ключевые слова: фактория, метрополия, Генуя, Северное Причерноморье, Каффа, Солдайя, Тана, латиняне, Устав для генуэзских колоний 1449 г.

Момент появления в Северном Причерноморье, и в частности в Крыму, итальянских – генуэзских и венецианских – факторий стал переломным моментом в развитии региона, ознаменовал новую веху в его истории. В равной степени «лакомым кусочком» этот регион представлялся как для Венеции, так и для Генуи, морских купеческих республик, которые в своем могуществе соперничали друг с другом, в том числе за право монопольного господствования на новых территориях. Ведущие позиции в средневековой геополитике, говоря современным языком, были во многом предопределены Венеции и Генуе их природно-географическими условиями. Венеция располагалась на островках в адриатическом заливе, а Генуя, расположившись с одной стороны между Лигурийскими Альпами и тирренским побережьем, была словно сдавлена крутыми отрогами Аппенин и морем. В связи с этим из-за нехватки плодородных земель было предопределено будущее этих городов. Основой их экономики стала морская торговля. На протяжении XI–XII вв. они наращивают свое торговое и политическое могущество, но расцвет их приходится на эпоху крестовых походов. Именно в это время Генуя и Венеция становятся крупнейшими морскими державами в Средиземноморском регионе. В результате Четвертого Крестового похода (1202–1204 гг.) венецианцы сумели ослабить позиции Византии в торговле на Востоке и в дальнейшем получили возможность монопольного освоения Черноморского региона, в том числе и Крыма. Чем и не преминули воспользоваться. Наиболее крупной из основанных венецианцами факторий в Крыму стала Солдайя (нынешний Судак). Однако в середине 60-х гг. XIII в. венецианцев в Северном Причерноморье сменяют их соперники генуэзцы, ознаменовав новый этап в истории региона. Здесь появляются новые торговые фактории, которые превращаются в настоящие влиятельные города. Это и Каффа (нынешняя Феодосия), и Тана (Азов), и Солдайя (Судак).

Актуальность исследования проблемных вопросов истории северопричерноморских колоний особенно возрастает в свете последних подвижек ко все более детальному и тщательному изучению объема понятия «культура». Имеются в виду современные исследования всех оттенков значения понятия «культура» как интеллектуально-психологического массива информации, а также исследования внутри- и межкультурных интеграционных процессов, не только современности, но и предшествующих эпох. Актуализация проблемы истории генуэзских колоний связана также с возрастающим интересом профессиональных исследователей, и не только, к изучению этнокультурных взаимодействий. Широкий интерес к этой проблеме отнюдь не является исключительной приметой современных исследований. Однако именно сейчас под влиянием многих факторов проблема изучения взаимодействия этносов и культур встала настолько остро.

Понятно, что в таком случае история опорных пунктов торгово-экономического присутствия генуэзцев в Северном Причерноморье получала, так сказать, «вторую жизнь». И это не случайно. Дело в том, что генуэзские колонии Северного Причерноморья вызывают величайший интерес и приковывают внимание многих исследователей по той причине, что весьма серьезной, интересной и важной темой являются разнообразнейшие аспекты внутренней жизни этих центров, в том числе административное устройство, система управления, степень зависимости в отношениях с метрополией, уровень определенной самостоятельности, в той или иной мере проявляющейся при решении различного рода вопросов и задач, касающихся внутреннего устройства и функционирования системы колоний Генуи в Северном Причерноморье.

В проблеме истории генуэзских колоний Северного Причерноморья, возникающих здесь с 60-х гг. XIII в., особое место принадлежит вопросу о населении и религиях в колониях. Важность этого вопроса объясняется тем, что проблема этносов и конфессий была и остается одним из актуальнейших аспектов истории Крыма. Дело в том, что интенсивное смешение народов, преодоление этнического барьера в контактах различного рода, межэтническая и межконфессиональная толерантность и сотрудничество или, наоборот, противостояние отнюдь не являются исключительной приметой современности. Эти процессы во многом были предвосхищены средневековьем с его христианской максимой – «нет ни эллина, ни иудея», с его абсолютным космополитическим порядком. И особенно ярко это проявилось именно в центрах, составивших молодую торгово-колониальную систему Генуи. Прежде всего, это, конечно же, касалось пунктов в Северном Причерноморье, где сильнейшим образом проявилось взаимовлияние и даже взаимопроникновение западной и восточной культур.

Генуэзские колонии представляли собой многоэтничные и поликонфессиональные центры торгово-экономического присутствия генуэзцев в Северном Причерноморье. Это подтверждается во многом записками путешественников [6; 10; 16], посещавших эти центры: Солдайю, Каффу, Тану и др., массой документов юридического и гражданского характера, освещавших различные аспекты жизни колоний [20; 19], а также внушительным массивом памятников материальной культуры средневековых городов и поселений [18; 3; 4; 2].

Многоязыкое общество колоний было представлено, прежде всего, несомненно, генуэзцами. Но кроме них были выходцы и из других городов, и даже не только Лигурии, но и Италии вообще: из Милана и Сицилии, из Флоренции и Венеции. Кроме того, латинский элемент был представлен также мигрантами из Франции, Испании, Германии, небольшой долей поляков и венгров [9].

Несомненно, более многочисленная часть населения была представлена нелатинянами. Это понятие объединяло, в первую очередь, греков и армян, которые фигурируют на первых позициях в любом описании населения генуэзских урбанистических центров (Каффы, Таны). Кроме того, долю населения составляли евреи, караимы [8, с. 22], татары, русские [21], некоторые кавказские народы [23, с. 828]. Эту характеристику имеет смысл дополнить указанием на долю в нелатинском населении, в частности Каффы, арабов, персов и турок [9, с. 108]. Однако гарантий отсутствия еще каких-либо, даже ничтожно малых долей других народов, нет. Этническая структура населения чрезвычайно сложна. Об этом пишет испанский путешественник XV в. Перо Тафур: «Столько и так необычны племена, которые там (в Каффе) собрались, что поистине не будь там генуэзцев, то, вероятно, жители тамошние ничем не походили бы на нас, настолько рознятся они в манере одеваться, есть, в обычаях женщин» [22, с. 128]. Это же засвидетельствовано в сообщениях и других путешественников, а также в частноправовых актах колониальных администраций.

Многочисленными источниками подтверждается наличие у каждой этнической общины отдельного квартала, структурированного вокруг центра, которым служила церковь той или иной конфессии. Но, несмотря на это, все же четкое разграничение этносов по расселению отсутствовало. Это проявлялось в том, что латиняне снимали жилье в кварталах нелатинян, вступали с ними в совместное владение, покупали и продавали дома, магазины, лавки, земли. Партнерами в этих операциях выступают нелатиняне.

Тот факт, что каждый отдельно взятый этнос не отграничивался от другого территорией своего квартала, был далеко не единичным и редким явлением. Напротив, в одном квартале спокойно жили представители разных этносов. Вопрос лишь в том, насколько компактно проживали на территории отдельного этноса другие группы [19, с. 405].

А.Г.Еманов в своей работе «Латиняне и нелатиняне в Кафе (XIII–XV)» приводит конкретные примеры этнического взаимопроникновения. Эти ситуации, несомненно, чрезвычайно интересны и являются свидетельством общности многоязыкового населения колоний. Об этом говорят следующие конкретные примеры: 1) армяне Костамир, Парокса, Симон свидетельствуют продажу дома неким Baader генуэзцу Никколо Спецапетра, расположенного по соседству с домом мусульманина Джамаладдина и домами русских; 2) итальянец Саладин де Овадо купил дом у Кристиана Аллемана, граничивший с домами сарацинов, венгра Матвея и грека Iurgus [9, с. 109–110] и т. д.

Но этносмешение происходило не только на уровне совместного проживания и мирного соседствования домов представителей различных народов и вероисповеданий. Этот активный симбиоз различных культур проявился ярко в такой сфере как

институт брака и семьи, что влекло за собой, несомненно, появление новой генерации людей, сочетавших в себе миры и системы ценностей Запада и Востока.

Факты заключения смешанных браков подтверждаются многочисленными нотариальными актами.

Ряд ярких примеров смешанных браков приводится по Каффе [9, с. 108–110].

Каффа отнюдь не была единственной в отношении этнического многообразия. Показательна в этом отношении Тана [12] – итальянская колония в устье Дона.

Здесь выделяется греческая община, в нотариальных источниках отражено русское население Таны. Примерно со II пол. XIII в. здесь существует еврейское поселение. Довольно внушительной была армянская община Таны [13, с. 184–189]. Карпов С.П. на основе соответствующих документов говорит даже о существовании отдельной армянской судебной курии в 1359 г.

Многочисленными были примеры смешанных браков в среде населения Таны [1]. Благодаря приведенным С.П.Карповым в приложении к его монографии «Латинская Романия» документам [13, Приложение: ASV, CI, Notai, 148/2. Pietro Pelacan; ASV, Notarili Testamenti 826 PIETRO PELACAN, С. 193–197] мы имели возможность самостоятельно проследить эту тенденцию. Для примера: Мария Грасса, принадлежавшая к римско-католической церкви, была замужем за русским по имени Федор (Feodor). Или – русский по имени Куна (Cuna), имевший брата Минку (Minca), женится на Катарине Ландо, дочери покойного Iohannis Muraris, служившего баллистарием в Тане и получавшего оклад за службу в венецианском замке Таны. Еще пример – некий Лука Чиврано, который называет себя русским, был женат на Магдалине, латинянке.

Однако несмотря на многочисленность примеров взаимопроникновения культур и этносов в брачно-семейной сфере и все возраставшее число браков между лицами разных христианских конфессий и среди разных социальных слоев, подобных отношений между христианами и мусульманами или иудеями не просматривается.

Как мы видим, одной из характерных черт генуэзских колоний Северного Причерноморья была их полиэтничность. Отсюда, как следствие, вытекала и поликонфессиональность населения, ведь каждая этническая общность придерживалась собственного вероисповедания.

Наиболее полную картину религиозного многообразия дает Каффа. Здесь известно 19 католических церквей [23, с. 704–707], 28 армянских, 13 греческих [3], 1 русская церковь, синагога [10, с. 269–273], кенасса и мечеть [15; 8]. Об этом свидетельствуют как письменные источники, в частности Устав 1449 г., так и археологические данные (материалы исследований Е.А.Айбабиной и С.Г.Бочарова).

При всей необыкновенной пестроте населения, оно представляло собой не разрозненное аморфное образование, а являлось именно единой общностью, основанной на взаимном сотрудничестве, религиозной и этнической толерантности. Различные культуры, различные системы ценностей словно срастались, образуя уникальное образование, синкретичное по своей сути.

Очень важно разобраться в вопросе о том, какой смысл этой общностью вкладывался в понятие «генуэзец». Ведь постепенно это определение выходит за рамки определения этногеографической принадлежности. Понятие это вскоре наполняется

определенным юридическим и сословно-имущественным содержанием. Быть «генуэзцем» означало обладать рядом особых прав и привилегий, т. е. понятие «генуэзец» плавно перетекает в определение некоего особого статуса, к получению которого необходимо стремиться. Эта ситуация говорила о том, что в данном случае стирались все субъективные грани, а деление могло быть только в плоскости социального статуса и имущественного положения.

«Права генуэзцев» могли получить, таким образом, армяне и евреи, татары и греки, при этом они наделялись соответствующими правами и привилегиями. «Генуэзцами» рассматривались [9, с. 114–115] жители Каффы «после того, как они оставались и жили в городе, или бурге, или в предместьях Каффы в течение 1 года со своими семьями» [23, с. 763].

Единство пестрого в религиозном и этническом отношениях населения проявлялось в совместной деятельности во благо единой общности. Это, к примеру, отражено в Уставе 1449 г. строительство городского водопровода на средства армянского епископа [23, с.687], а возможно, и армянской общины, возведение и ремонт оборонительных сооружений и укреплений. В.Л.Мыц приводит любопытное свидетельство из армянского источника по поводу совместных усилий разноэтничных городских общин по укреплению Каффы: «В году 916 (=1467), 16 ноября новая цитадель и ограда Каффы были восстановлены и закончены. И франки, армяне и ромеи [греки. – В.М.], поднимаясь со [своими] епископами и священниками, совершили обход с крестом и Евангелием, и они благословили [это] место» [18, с. 172].

Однако порой единство и общность нарушались вследствие имевших место столкновений и конфликтов [14, с. 98–100].

Но все же преобладали именно этническая толерантность и веротерпимость, население проявляло стремление понять «другого». Население говорило на разных языках, но в общении вырабатывался некий общий для всех и понятный «лингва франка» (подобно койнэ в Греции).

Наблюдалось все более глубокое проникновение латинского этнического компонента вглубь греческого, армянского и мусульманского этнических массивов. Это во многом было обусловлено и особой ментальностью генуэзцев, отличающейся редким космополитизмом, готовностью при утверждении собственных принципов принять чужие. Яркий пример тому дает анализ декоративной резьбы генуэзских памятников XIV–XV вв. [2, с. 32–61]. Использование генуэзцами в декорировании закладных плит орнаментов восточного характера свидетельствует о том влиянии, которое приобрела восточная стилистика на декоративное искусство генуэзцев в черноморских колониях [2, с. 32–61]. Освоение генуэзцами новых мест включало в себя не только утверждение своих позиций в политической и экономической сфере, но и способность воспринимать и приспосабливаться к местным условиям.

Взаимопроникновение культур и стилей воплотилось и в архитектурных деталях армянских памятников XIV–XV вв., где многочисленны примеры внешнего генуэзского принципа (герб Генуи, композиция плиты, монументальность шрифта и др. стилевые особенности), но совершенно отличного внутреннего; т. е. по характеру содержания надписи – это пример средневекового армянского строительного лапидарного памятника [2, с. 105–129].

Влияние латинского компонента на культуру средневековой Таврики проявилось и в вопросах метрологии XIV – XV вв. Для продаваемых на рынках Причерноморья тканей применялись венецианские и генуэзские меры длины (венецианская – *1 канна*=2,3м и *1 браччо*=0,683м; генуэзская – *1 канна*=2,973м, *1 браччо*=0,58м, *1 пикко*=0,852м) [18, с. 164–165].

Мыц В.Л. указывает также на меры длины применительно к архитектурным памятникам Генуэзской Газарии. Речь идет об *1 пальмо*=0,274м. Кроме того, сообщается об особой мере длины в Северном Причерноморье – «*pico de Gazaria*» – т. е. «локоть Газарии» [18].

Таким образом, если подвести небольшой итог, хотя и прекрасно осознавая частичность и неполноту работы, обусловленную невозможностью на данный момент работать со всеми источниками в полном объеме, и начальным этапом разработки темы, то все же можно вывести следующее:

1. Население генуэзских колоний Северного Причерноморья характеризовалось высокой степенью полиэтничности и религиозной пестроты. Это подтверждается многочисленными письменными источниками и материалами археологических исследований.

2. В значительной мере имело место смешение культур через браки между представителями разных этносов, что приводило к появлению новых смешанных этногрупп – пуланов, гасмулов [9, с. 110] и т. д.

3. В Каффе отмечались интеграционные тенденции в городском расселении, приведшие к объединению обособленных этно-религиозных кварталов.

4. Центры генуэзского присутствия в Северном Причерноморье (и особенно Каффа) являли собой ярчайший пример симбиоза двух цивилизаций и культур – западной и восточной. Это проявилось и в особенностях внутреннего устройства и жизни колоний, в архитектуре, в метрологии Таврики XIV–XV вв., в особенностях празднования указанных в Уставе 1449 г. праздников [23, с. 704–711]. Присланный из Генуи список 51 праздника [13, Приложение: ASG, AS.Div. Registri, 26. №473, F. 195v-197r 4.1.1440, с. 212–214] обязывал участвовать в торжествах каждого жителя Каффы, но при этом не воспрещались праздники и других конфессий (армянские, мусульманские, иудейские). Но уже тот факт, что мусульманин праздновал Пасху, а православный грек или армянин – день св. Ромула, уже был ярчайшим свидетельством синкретичности культуры генуэзской Каффы.

5. Население колоний не было разобщено по этническому и религиозному признакам, а наоборот представляло собой единый функционирующий организм, что, возможно, было вызвано особенностями жизни и условий средневекового Крыма. Это делало необходимым действовать совместными усилиями (сооружение водопроводов, фортификационные работы и др.).

6. Понятие «генуэзец» постепенно из сферы определения этногеографической принадлежности трансформируется в понятие, несущее юридическое и экономическое содержание. Понятие «генуэзец» превращается в статус, который подразумевает под собой особые права и привилегии. К обладанию этим статусом начинают стремиться и представители нелатинского населения генуэзских колоний. И часто они этот статус получали.

В заключение хотелось бы добавить, что Крым и сегодня является центром многоэтничности и поликонфессиональности. И опыт поистине удивительных взаимоотношений и взаимодействий представителей самых различных групп населения генуэзского Крыма как никогда актуален для Крыма современного.

Список использованных источников и литературы

1. Karpov S. Mixed marriages in a poliethnic society: a case study of Tana, 14th-15th centuries // *TOLERATION AND REPRESSION IN THE MIDDLE AGES. International symposium 10 (=In memory of Lenos Mavromatis)*. – Athens, 2002. – P. 207–214.
2. Айбабина Е.А. Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII вв. – Симферополь: Сонат. – 2001. – 280 с.
Aibabina E.A. Dekorativnaya kamennaya rez'ba Kaffi XIV – XVIII cent. – Simferopol: Sonat. – 2001. – 280 p.
3. Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Греческие церкви средневековой Каффы // *Православные древности Таврики: Сборник материалов по церковной археологии*. – К.: Стилос, 2002. – С. 159–168.
Aibabina E. A., Bocharov S. G. Grecheskie tserkvi srednevekovoy Kaffi // *Pravoslavnie drevnosti Tavriki: Sbornik materialov po tserkovnoy arkheologii*. – K.: Stilos, 2002. – P. 159–168.
4. Айбабина Е. А., Бочаров С. Г. Новые материалы по истории средневековой армянской колонии Каффы // *Византийский временник*. – 1997. – Т. 57 (82). – С. 211–232.
Aibabina E. A., Bocharov S. G. Novie materialy po istorii srednevekovoy armianskoy kolonii Kaffi // *Vizantiyskiy vremennik*. – 1997. – Т. 57 (82). – P. 211–232.
5. Барабанов О. Н. Судопроизводство по гражданским делам в генуэзских факториях XIV–XV вв. // *Причерноморье в средние века*. – СПб.: Алетейя, 2001. – Вып. 5. – С. 108–128.
Barabanov O. N. Sudoproizvodstvo po grajdanskim delam v genuezskikh faktorih XIV-XV vv. // *Prichernomor'e v srednie veka*. – SPb.: Aleteya, 2001. – V. 5. – P. 108–128.
6. Бочаров С. Г. Город Каффа XIII–XV вв. в описании средневековых путешественников: Перо Тафур // *Пилигримы Крыма. Осень-99. IV Крымская международная научно-практическая конференция*. – Симферополь, 2000. – Т. 1. – С. 4–8.
7. Bocharov S. G. Gorod Kaffa XIII – XVvv. v opisaniі srednevekovih puteshhestvennikov: PeroTafur // *Piligrimi Krіma. Osen' 99. IV Krimskaya mejdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsia*. – Simferopol, 2000. – T. 1. – P. 4–8.
8. Галенко О.Крим у 1438р.: [Подорожні нотатки Перо Тафура] // *Україна в минулому*. – К.: Львів, 1996. – Вип. 8. – С. 176–190.
Galenko O. Krim u 1438 r.: [Podorojni notatki PeroTafura] // *Ukraina v minulomu*. – K.: L'viv, 1996. – V. 8. – P. 176–190.
9. Гейд В. Итальянские колонии на побережье Черного и Азовского морей. Извлечение из сочинения В. Гейда «История торговли Востока в средние века» / пер. Л. П. Колли. – Симферополь, 1915. – 118 с.
Geyd V. Italijskie kolonii na poberejje Chernogo i Azovskogo morey. Izvlechenie iz sochinenia V.Geyda "Istoriya trgovli Vostoka v srednie veka" / per. L. P. Kollі. – Simferopol, 1915. – 118 p.
10. Еманов А. Г. Латиняне и нелатиняне в Каффе (XIII–XV вв.) // *Из истории Византии и византиноведения*. – Л., 1991. – С. 107–116.
Emanov A. G. Latiniane i nelatiniane v Kaffe (XIII-XV vv.) // *Iz istorii Vizantii i vizantinovedeniya*. – L., 1991. – P. 107–116.
11. Еманов А. Г. Флорентийский гуманист о Крыме: «Похвала генуэзцам» Джанозцо Манетти // *МАИЭТ*. – Вып. 3. – Симферополь, 1993. – С. 269–273.
Emanov A. G. Florentiyskiy gumanist o Krime: "Pohvala genueztsam" Janozzo Manetti // *MAIET*. – V. III. – Simferopol, 1993. – P. 269–273.
12. Зевакин Е. С., Пеанчко Н. А. Из истории социальных отношений в генуэзских колониях Северного Причерноморья в XV в. // *Исторические записки*. – № 7. – С. 3–33.
Zevakin E. S., Penchko N. A. Iz istorii sotsial'nih otnosheniy v genuezskikh koloniyah Sev-ernogo Prichernomor'ya v XV s. // *Istoricheskie zapiski*. – № 7. – P. 3–33.

13. Карпов С. П. Когда и как возникла Тана? (О происхождении итальянской фактории на византийской окраине) // Византийский временник. – 1997. – Т. 57 (82). – С. 5–18.
 Карпов С. П. Kogda i kak vznikla Tana? (O proishojdenii ital'ianskoy faktorii na vizantiyskoy ukraine) // Vizantiyskiy vremennik. – 1997. – Т. 57 (82). – Р. 5–18.
14. Карпов С. П. Латинская Романия. – СПб.: Алетейя. – 2000.
 Карпов С. П. Latinskaya Romaniya. – SPb.: Aleteya. – 2000.
15. Колли Л. П. Каффа в период владения ею Банком св. Георгия (1454–1475) // ИТУАК. – 1912. – Т. 47. – С. 98–100.
 Kolli L. P. Kaffa v period vladeniya eyu Bankom sv.Georgiya (1454–1475) // ITUAK. – 1912. – Т. 47. – Р. 98–100.
16. Кружко Л. П. Путешествие Ибн Батуты в столицу Золотой Орды через Крым // Пилигримы Крыма-98. Осень '98. – Симферополь, 1998. – С. 64–67.
 Krujko L. P. Puteshestvie Ibn Batutti v stolitsu Zolotoy Ordi cherez Krim // Piligrimi Krima-98. Osen'98. – Simferopol, 1998. – Р. 64–67.
17. Масиель Санчес Л. К. Города в западноевропейских книгах путешествий первой половины XV в. [О книге «Странствий и путешествий» Перо Тафура (1410-1480)] // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 2002. – № 2. – С. 67–82.
 Masiel' Sanches L. K. Goroda v zapadnoevropeyskikh knigah puteshestviy pervoy polovini XV s.[O knige "Stranstviy i puteshestviy" Pero Tafura (1410-1480)] // Vestnik Mosk-ovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya. – 2002. – № 2. – Р. 67–82.
18. Мельникова А. С. Московия и Италия: Рус.-итал. связи в эпоху средневековья по нумизмат. данным // Деньги и кредит. – 1995. – № 4. – С. 68–72.
 Mel'nikova A. S. Moskoviya i Italia: Rus.-ital. svyazi v epohu srednevekovia po numizmat. dannim // Den'gi i kredit. – 1995. – № 4. – Р. 68–72.
19. Мыц В. Л. Генуэзская Луста и Капитанство Готии в 50-70-е гг. XV вв. // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. – К.: Стило, 2002. – С.139–189.
 Mits V. L. Genuezskaya Lusta i Kapitanstvo Gotii v 50-70-e gg. XV ss. // Alushta i Alushtinskiy region s drevneyshih vremen do nashih dnei. – K.: Stilos, 2002. – Р. 139–189.
20. Пономарев А. Л. Население и территория Каффы по данным массарии – бухгалтерской книги казначейства за 1381–1382 гг. // Причерноморье в средние века. – 2000. – Вып. 4. – С. 317–443.
 Ponomarev A. L. Naselenie i territoriya Kaffi po dannim massarii – buhgalterskoy knigi kaznacheystva za 1381–1382 gg. // Prichernomor'e v srednieveka. – 2000. – V. 4. – S. 317–443.
21. Старокадомская М. К. Русское торговое население генуэзской Каффы // История и археология средневекового Крыма. – М., 1958. – С. 142–154.
 Starokadomskaya M. K. Russkoe trgovoe naselenie genuezskoy Kaffi // Istoriya i ar-heologiya srednevekovogo Krima. – M., 1958. – Р. 142–154.
22. Тафур П. Странствия и путешествия. – М.: Индрик, 2006. – 296 с.
 Tafur P. Stranstviya i puteshestviya. – M.: Indrik, 2006. – 296 p.
23. Устав для генуэзских колоний на Черном море 1449г. // ЗООИД. – 1863. – Т. V. – С.629–837.
 Ustav dlia genuezskih koloniy na Chernom more 1449g. // ZOOID. – 1863. – Т. V. – Р. 629–837.

Seitvelieva N.Y. About of the ethnic-confessional aspect of Genoese colonization at the Black Sea region // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Historical Science. – 2015. – Vol. 1, No. 2. – P. 89–97.

It's an attempt to demonstrate the peculiarities of ethnic-confessional situation in Black Sea region factories of Genoa. The relations character between the representatives of various ethnic groups that lived in a frames of one place, of one town, in a frames of unified relations, in a structure of the multilingual population of the settlements have been analyzed. It was very important to investigate the life specificity of colonies population which were by no means a similarity, to discover the features of the co-existence which had place there such as mixed marriages or an cooperation at the social-economic sphere.

Genoa particularly and Italy in all also introduced the phenomenon of colonialism into European, and indeed world, history, since the patterns and models established by Italian colonialists later influenced the colonial experiences of other nations in the époque of Great Geographic Discoveries.

The population of Genoese colonies at the Black Sea region was essentially polyethnic and religiously variegated. A numerous written sources and archeological materials confirm that.

There is a mixing of cultures considerably was there. As a result a new ethnic groups have appeared.

The special approach of municipal settling was formed in Caffa. It's based on integration of different ethnic and religious quarters.

Caffa lay at the centre of the Genoese network of colonies, trading stations and overseas domains situated far from the metropolitan country. Caffa was the biggest centre of commerce in the Black Sea and was an outpost that played a pivotal role in the Genoese system of international long-distance trade. From its emergence around 1260s – 1270s and up to its fall to the Ottomans in 1475, the city was the main Genoese pivot in the area. This resulted in the emergence of a mixed and cosmopolitan ethnic and cultural environment that gave birth to a new multicultural society comprising features characteristic of Western Europe, the Mediterranean area and the Near East as well as those of Central and Eastern Europe. The history of these societies and cultures may be regarded as one of the histories of unrealized potentials of intercultural exchange that began with the penetration of Italians to the Black Sea basin and stopped soon after the Ottoman conquest of Crimea. The city of Caffa, which is in the centre of this presentation, can be fruitfully studied manifold, being a contact zone for many cultures and civilizations. The Genoese centers at the Black Sea region were the bright example of symbiosis of two civilizations and cultures - Western and Eastern.

Gradually the conception "Genoese" become a conception with juridical and economical content. This conception has transformed in a status with a special rights and benefits. And this status can be received by the non-Latin inhabitants of the Genoese centers.

Key words: factory, metropolitan country, Genoa, Black Sea region, Caffa, Soldaya, Tana, Latins, The Statute for Genoese colonies of 1449.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Герцен
Александр
Германович** кандидат исторических наук, декан исторического факультета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
- Душенко
Антон Анатольевич** младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра Истории и археологии Крыма (Симферополь, Российская Федерация).
- Задерейчук
Иван Панасович** кандидат исторических наук, доцент кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского юридического института Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (Симферополь, Российская Федерация).
- Калиновский
Владимир
Витальевич** кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
- Корзюк
Дарья Васильевна** аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
- Лавров
Владимир
Валерьевич** лаборант Отдела средневековой археологии Института археологии Крыма РАН (Симферополь, Российская Федерация).
- Манаев
Александр Юрьевич** кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана исторического факультета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
- Марциновский
Павел Николаевич** кандидат исторических наук, доцент кафедры исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
- Науменко
Валерий Евгеньевич** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).

- Непомнящий
Андрей Анатольевич** доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
- Сейтвелиева
Найле Юсуфовна** аспирант кафедры истории Древнего мира и Средних веков Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
- Смекалова
Татьяна Николаевна** доктор исторических наук, заведующая Отделом естественно-научных методов в археологии Научно-исследовательского центра Истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
- Чудин
Андрей Викторович** младший научный сотрудник физического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, (Санкт-Петербург, Российская Федерация).
- Шведчикова
Татьяна Юрьевна** кандидат исторических наук, научный сотрудник группы физической антропологии отдела теории и методики Института археологии (Москва, Российская Федерация).

СОДЕРЖАНИЕ

Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Корзюк Д. В., Лавров В. В., Смекалова Т. Н., Шведчикова Т. Ю., Чудин А. В.	
Новые материалы к изучению исторической топографии Мангупского городища и его округа (по результатам междисциплинарных исследований 2015 г.)	3
Задерейчук И. П.	
Вклад немцев в развитие пищевой промышленности Крыма в XIX – начале XX в.	29
Калиновский В. В.	
Материалы об архиепископе Таврическом Иннокентии (Борисове) на страницах «Херсонских епархиальных ведомостей».....	41
Манаев А. Ю.	
Поле сражения как особая категория наследия: к проблеме сохранения культурных ландшафтов в Республике Крым.....	48
Марциновский П. Н.	
Морские порты и рынок Крымского полуострова в последней четверти XIX – начале XX в.	63
Непомнящий А. А.	
Неизвестные страницы эпистолярного наследия Николая Эрнста: переписка с академиком С. Ф. Платоновым	76
Сеитвелиева Н. Ю.	
Об этноконфессиональном аспекте генуэзской колонизации Северного Причерноморья	89
Сведения об авторах	98